

*Горных рек
нескончаемый гул*

СБОРНИК СТИХОВ

УДК
ББК
Б

*Книга издана при финансовой поддержке Фонда содействия развитию
карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид»*

Горных рек нескончаемый гул / сост. Синельников М.И.; – М.:
«Эльбрусоид», 2015. – 376 с.

ISBN 978-5-91075-018-4

Сборник стихов «Горных рек нескончаемый гул» состоит из двух частей «Карачай и Балкария в стихах русских поэтов» и «Карачево-балкарская поэзия в русском слове». В первую часть книги включены стихи более двадцати русских и русскоязычных поэтов разных времен о Карачае и Балкарии. Вторую часть составили избранные произведения и наиболее удачные переводы из карачаево-балкарской поэзии.

В оформлении обложки использована репродукция с картины М.Ю. Лермонтова «Эльбрус».

ISBN 978-5-91075-018-4

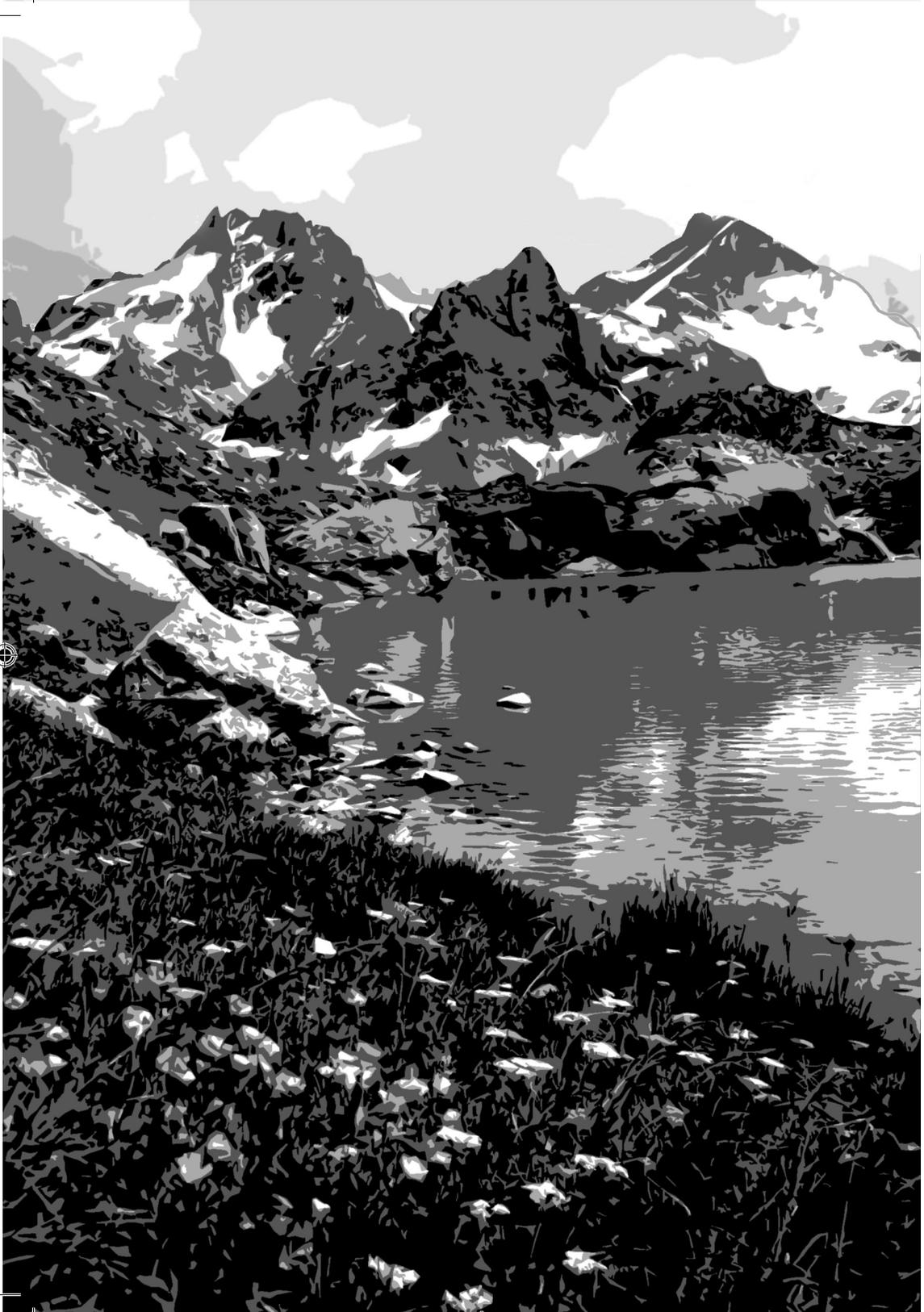
© Синельников М.И., составление,
вступительная статья, 2015

© Издательство «Эльбрусоид», 2015

Горных рек нескончаемый гул

Карачай и Балкария в стихах русских поэтов
Карачаевско-балкарская поэзия в русском слове

Составитель М.И. Синельников

От составителя

В стихотворном послании «К Воейкову» Василий Андреевич Жуковский с упоением и большой силой воображения живописует Эльборус (Эльбрус), его грозные утесы и окрестные леса, и долины, где самому российскому поэту побывать так и не довелось – источник вдохновения открылся благодаря географическим описаниям. В послании перечисляются вольнолюбивые народы Кавказа в живописном походном облачении и боевой готовности:

... среди уединенья
Долин, таящихся в горах, –
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
И карбулак, и абазинец,
И чечереец, и шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь – соратник быстроногий –
Их и сокровища, и боги...

Заметим, что уже через несколько десятилетий, в пламени грянувшей в недалеком будущем Кавказской войны, список племен сильно поредел. Империя прошла «среди уединенья/ Долин, таящихся в горах», все приминая, давя, корчуя, выжигая, и многое и многих истребила. Но по-прежнему в окружении тех адыгских племен, что уцелели, живет в заповедном Приэльбрусье упомянутый Жуковским «балкар», в нынешней транскрипции – «балкарец». Этот маленький тюркский народ считает себя частью единого карачаевско-балкарского этноса и объединен с ним общим происхождением, общими языком и словесностью, общей историей (включающей в себя

От составителя

совместные испытания в древности и в славные века легендарных Хазарии и Алании, в эпоху покорения Кавказа Россией, в гражданскую войну и в годы жестоких сталинских депортаций). Но он разделен нынешней административной границей между Карачаево-Черкесией и Кабардино-Балкарией – лишь на узком отрезке отрогов Эльбруса, именуемого на карачаевско-балкарском языке Минги-Тау, две ветви единого народа соприкасаются.

Поэма Михаила Лермонтова «Хаджи-Абрек», написанная еще во время его учебы в юнкерской школе, и в 1835 году другом поэта без спросу напечатанная в «Библиотеке для чтения», имела, по сообщению мемуариста, «некоторый успех». Нет оснований не верить свидетельству, что Пушкин знал о Лермонтове и восхищался его стихами. «Далеко мальчик пойдет», – говорил он, и этот отзыв мог относиться только к ярко-романтическому «Хаджи-Абреку», этой написанной чеканным стихом повести с независимым горным аулом – еще не покоренным, но ждущим «до крови лакомых гостей», с похищением красавицы, ее ужасной гибелью, с нестерпимой враждой соперников и кровной мстью. В целом все это – кавказский колорит, но карачаевцам любезна мысль, что действие этой первой по-настоящему удавшейся поэмы Лермонтова, происходит в тебердинском ауле Джемат: «Велик, богат аул Джемат, / Он никому не платит дани ... ». Правдоподобие этой версии нашло свое подтверждение: одним из покорителей труднодоступного, реликтового, таинственного Карачая в 1828 году был П. С. Верзилин, впоследствии генерал-майор и владелец нескольких домов в Пятигорске. В одном из этих домов Лермонтов часто бывал в 1837 году, в другом состоялась его роковая ссора с Мартыновым. Гость мог слышать от хозяина и историю завоевательного похода, и различные случаи из кавказской жизни. Поэт был очарован величественной красотой двуглавой «Шат-горы» – Эльбруса, нередко упоминаемого в лермонтовских стихах, и рисовал Эльбрус со стороны Бермамыта. То, что Хаджи-Абрек именуется черкесом, не обязательно надо понимать буквально. Слово «черкес» было общим названием племен Северо-Западного Кавказа в то время, когда ими еще не занялось

сравнительное языкознание; был в ходу даже термин «карачаевские черкесы». И нет оснований оспаривать утверждение тебердинцев, находящихся основания для гордости в том факте, что забытый аул живет в стихах гениального русского поэта.

Уже два столетия не только на географической карте, но и в русской литературе присутствуют названия северокавказских курортов, собиравших первоначально элитную и даже великосветскую публику, а затем ставших, что называется, «всесоюзными здравницами». Но исторически в этих местах с незапамятных времен жили тюркоаланы, предки современных карачаевцев, что отразилось и в географических названиях: Ессентуки («эссен тук» – «тучная земля»), Пятигорск (не что иное как «Беш Тау», то есть «пять гор») и так далее. Никогда не прерывалась многообразная (конечно, не только экономическая, но и психологическая, духовная) связь карачаевцев с Кисловодском, оставшимся для них Нарсаной. И ведь в самом наименовании легендарной целебной воды «нарзан» (в девятнадцатом веке «нардзан») увековечена память о героях эпических преданий, нартских богатырях, пивших эту кипучую воду прямо из потока. В новое и новейшее время уже совсем иные люди, пациенты санаториев, пили и пьют ее из стандартных стаканов, меланхолично поглядывая на смутно белеющие горы Карачая и Кабарды... И вот при составлении этой книги, разумеется, не касаясь обстоятельств современного административно-территориального деления и решительно оставляя в стороне многое из собравшейся в беге лет собственно «курортной» лирики, порой замечательной, но прямого отношения к нашей теме не имеющей, нельзя все же пренебречь несколькими пылкими кисловодскими стихотворениями заметного поэта пушкинской поры и высокообразованного переводчика-полигота Дмитрия Ознобишина. В них романтический вымысел, вероятно, сочетался с некоторой осведомленностью о местном героическом эпосе и песенном фольклоре.

Большое стихотворение Константина Бальмонта «Воспоминание» относится к первому году его французской эмиграции. Ощущение, что Россия оставлена, по крайней мере, надолго, вызы-

От составителя

вало у вечного путешественника и искателя приключений острые приступы ностальгии, и вот как «родные области» припомнились «глухая Кабарда, обрыв Балкарских гор»: «Мне снились Джамиле и голубая мгла...». Повествование о нежной юношеской влюбленности в девушку-балкарку высокопоэтично, изображение безумной скачки по горам и долам вдохновенно:

Притянутый лучом, я, легкий, падал в бездны.
Но чувствовал у плеч два сильные крыла.
И та, кого любил в пустыне многозвездной,
Скрывалась в цепи гор – и все вперед звала.
Когда же, наконец, я где-то пал на склоны
И близко увидал мерцанье милых глаз,
В землянку свет вошел, рассвет синезеленый,
И ранний холодок позвал в дорогу нас.
Два рьяные коня оседланы проворно.
Заря еще ждала, чтоб брызнуть в норы гор.
А резвый звук копыт перебежал повторно.
И к солнцу мчались мы, гоня во весь опор.

У современников знаменитейшего поэта Серебряного века возникали многочисленные и по большей части справедливые претензии к Бальмонту: пренебрежение смыслом во имя звука, изъяды вкуса, бедность словаря... И все же Бальмонт был крылатым поэтом, крылья у его безудержного вдохновения были сильными.

На холмах Джинала написано одно из прекраснейших стихотворений видного деятеля и впоследствии историка российского кубо-футуризма Бенедикта Лившица «Одиночество». По-своему замечательны все стихи Николая Тихонова, связанные с его альпинистскими и литературными поездками в горы Карачая. Громовой звук одного из этих стихотворений вечно будет жить в русской поэзии:

Горных рек нескончаемый гул,
Пред которым я вечно в долгу.

Он в крови моей, в сердце моем,
С этим гулом мы вместе умрем.

Красивы «Высокогорные стихи» Николая Асеева, яростно-энергичны рвущиеся с места ритмы его строк о битве, грянувшей в горах Кавказа («Это – медленный рассказ...»).

Для советской романтической поэзии было характерно воспевание радикальной перемены всего строя жизни и жертвенной героики. Характерные образцы этой поэзии – и стихотворение быстро достигшего известности Степана Щипачева об Умаре, который в детстве ходил босиком у подножия Эльбруса, а сегодня ведет свой самолет на Эльбрусом, и стихи одаренного, но вскоре погибшего на войне бакинского русского поэта Сергея Иванова о подвиге спасшего альпинистов балкарского проводника. Писалось все это в эпоху еще существовавшего в довоенной действительности интернационализма. Однако на переломе войны от интернационализма осталась лишь фразеология, да и в нее было занесено ритуальное упоминание «народов-изменников». В годы, когда жестоко страдали высланные народы, сочувствие к ним русских поэтов наглядно выразилось в ряде стихотворений, обращенных к Кайсыну Кулиеву – замечательному балкарцу, известному в московских литературных кругах еще до войны, отличившемуся на войне, но разделившему судьбу своих единоплеменников, с ходу отвергнув предоставленную лично ему возможность остаться. Находясь в ссылке Кайсын Шуваевич, получал замечательные письма от Бориса Пастернака и даже (настолько великая была степень доверия) смог ознакомиться с пересланной во Фрунзе рукописью первой части романа «Доктор Живаго». А стихи, обращенные к Кулиеву и посвященные ему, еще тогда же, сразу после постигшей его народ катастрофы, написали Мария Петровых, Дмитрий Кедрин (которого цензура принудила назвать Кайсына «кабардинцем», сверх того указав на вид, что негоже сравнивать хромящего кавказца с Байроном). Несколько позже появились стихотворения Бориса Слуцкого, Семен Липкина, Михаила Дудина...

От составителя

Лучшие стихи на русском языке, написанные в горах Балкарии и Карачая, давние и новейшие, не были стихами «туристическими», вызванными к жизни только любованием первозданной природой и великолепными руинами. Они замечательны глубиной переживания, раздумьями о преступлениях века и судьбах свободолюбивых, борющихся за выживание и дорожащих своим культурным наследием народов.

В этот сборник на законном основании входят и произведения современных русских поэтов, живущих в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Независимо от национальности – русских, ибо все решает и определяет выбранный язык. Совершенно справедливо мнение, что не писатель является хозяином языка, а язык становится властным хозяином писателя. Но и вдохновенное служение великому русскому языку не лишает таких карачаевцев и балкарцев завещанной предками приэльбрусской родины.

***

Представление о жизни карачаевцев и балкарцев, о многовековом эпическом и патриархальном мире, жестоко разрушенном и перекроенном наступающей цивилизацией, о многострадальной судьбе народа и незаживающих ранах его исторической памяти возникло в сознании русских читателей и благодаря знакомству с карачаевско-балкарской поэзией. Общим наследием балкарцев и карачаевцев является грандиозный, могучий, неистоцимо-многовариантный и удивительный эпос «Нарты», последние сказители которого ушли из жизни сравнительно недавно. Но народ, на протяжении полутора тысячелетий создававший этот эпос, сверх того обладает и замечательным песенным фольклором, некоторые образцы которого переводились на русский язык и публиковались в авторитетных изданиях. Стоит заметить, что многие удержанные памятью сказителей превосходные произведения, конечно носящие на себе отпечаток индивидуального авторства, остались – в духе времени – по определению безымянными. Что касается окончательно оформившейся авторской поэзии, то она неизмеримо моложе, но все же за неполные

два столетия выдвинула и в Карачае, и в Балкарии несколько поколений значительных мастеров, чья известность вышла за пределы их малой родины и Северного Кавказа в целом. В первую очередь это касается таких авторов, как балкарцы Кязим Мечиев, Керим Отаров, Кайсын Кулиев, Танзиля Зумакулова, Ибрагим Бабаев и карачаевцы Халимат Байрамукова, Назир Хубиев, Мусса Батчаев... Приходится признать, что многое зависело и от качества русских переводов, открывавших поэтам-горцам путь к самым многочисленным читателям. Огромное личное обаяние Кайсына Кулиева, его образованность, широта кругозора, разумеется, в сочетании с крупным природным дарованием, привлекли к нему сердца видных русских поэтов, что выразилось не только в стихотворных посвящениях, но и в блистательных переводах, обеспечивших балкарскому поэту всесоюзную и даже мировую славу при жизни. Но благородный Кулиев не был ревнив и своекорыстен. Это его усилиями были организованы мастерские переводы произведений Кязима Мечиева, Ибрагима Бабаева и ряда других авторов из Балкарии и Карачая. Надо сказать, что Кулиев не разделял карачаевцев и балкарцев, воспитывал и вскармливал литературную молодежь из разных концов Приэльбрусья, поддерживал своими отзывами и предисловиями и тех, и других, посвятивших себя родной словесности. С восхищением говорил он составителю этой книги об изумительном стихотворении Иссы Каракотова «Кавказ», существующем и в проникновенном русском переводе Осипа Кольчева, всегда восхищался и творчеством Исмаила Семенова, которое доселе российским читателям по существу незнакомо – мало и плохо переводилось (отчасти, конечно, из-за остроты трагических тем, поднятых с большой силой, а также из-за нескрываемой религиозности величайшего поэта Карачая). Пришлось специально для этой книги сделать несколько переложений стихов Семенова, чтобы пробел не был столь зияющим...

Раздел переводов, вошедший в этот сборник, не является антологией академического образца. Здесь не могли быть соблюдены пропорции привычной для сознания карачаевцев и балкарцев иерархии. Составитель, искренне стремившийся взять для книги все

От составителя

наилучшее, был вынужден ориентироваться на качество переводов, выбирая, по крайней мере, сносные. Но ведь и сносными они бывали не всегда... Здесь сказалась историческая несправедливость, коснувшаяся прежде всего поэзии Карачая. А ведь известна старинная поговорка: «Песня сочиняется в Карачае, а поется в Балкарии». Впрочем, всегда бывало и встречное движение... Упомянув о проблемах, которые, быть может, однажды будут восполнены, нельзя забыть и великолепные удачи поэтов-переводчиков, полюбивших край всей душой и воссоздавших некоторые шедевры горской поэзии в русском слове. Назовем здесь, прежде всего, имена Николая Тихонова, Семена Липкина, Наума Гребнева, Новеллы Матвеевой, Якова Козловского, Олега Чухонцева...

Составитель позволит себе сказать, что работа над этой книгой была для него не случайным и не поденным промыслом. Нет, я не безучастен к судьбе народов, о которых пишу. Ведь еще в среднеазиатском детстве мог видеть нелегкую жизнь кавказских ссыльнопоселенцев и учился с их детьми в одной средней школе. Так случилось, что своими детскими глазами видел я на перегруженной пробивающимися составами Среднеазиатской железной дороге и перипетии драматичного возвращения на Кавказ – в теплушках, где везли и малых детей, и кости умерших, чтобы предать родной земле. Считаю себя певцом темы этого беспримерного «Исхода», что выразилось и в моих собственных стихах, некоторые из которых я решился включить в эту книгу. Моего отца в киргизском Джалал-Абаде навещал Кайсын Кулиев, и я помню его, можно сказать, с младенчества, а через много лет стал его младшим другом и одним из переводчиков. В последнее десятилетие я и с увлечением, и с некоторой робостью, упорно борясь с трудностями, почти непреодолимыми, занимался поэтическим переложением необъятного эпоса «Нарты» в его тюркской, то есть карачаевско-балкарской версии. Мне чудится, что и в словах этого эпоса, подхваченных мощным хоровым пением, то и дело возникает «горных рек нескончаемый гул».

Михаил Синельников

*КАРАЧАЙ И БАЛКАРИЯ В СТИХАХ
РУССКИХ ПОЭТОВ*

Василий ЖУКОВСКИЙ (1783–1852)

Из послания «К Воейкову»¹

...Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто, притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый.
Ужасною и величавой
Там всё блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни елени,
Орла услышав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями,

¹ Среди перечисляемых в этом послании племен Северного Кавказа, конечно знакомых поэту понаслышке, есть и тюркские. Не все уцелели в бурях жестокого времени, но в списке значится и балкар, то есть балкарец, представитель выжившего вопреки всем испытаниям, народа (ред.)

И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там всё является очам
Великолепие творенья!
Но там – среди уединенья
Долин, таящихся в горах, –
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
И карбулак, и абазинец,
И чечереец, и шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь – соратник быстроногий –
Их и сокровища и боги;
Как серны, скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;
Или по топким берегам,
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут.
Скалы свободы их приют...

25 января 1814

Александр ГРИБОЕДОВ (1795–1829)

Хищники на Чегеме

Окопайтесь рвами, рвами!
Отразите смерть и плен –
Блеском ружей, твердей стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева,
Те же лдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Наши – камни, наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?

Досягнешь ли? – Вон над тучей –
Двувершинный и могучий²
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
Той же тканью свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

Двиньтесь узкою тропею!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: – берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
Вглубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

Ждем. – Готовы к новой сече..
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече,
И по ряду, дележом,
Делим взятое ножом.

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям,
И джигитам, узденям

² Эльбрус (примечание А. С. Грибоедова).

Юных пленниц приумножим,
И кадиям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

Узникам удел обычный, –
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный;
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи! Вчуже – плен!

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем бузу! Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

*Кам<енный>мост на Малке
Октябрь 1825*

Кондратий РЫЛЕЕВ (1795–1826)

Отрывок из оды «Гражданское мужество»

Так в грозной высоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мгlistом:
Вкруг буря, град и гром гремит
И ветер в ущельях воет с свистом;
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

Михаил ЛЕРМОНТОВ (1814–1841)

Хаджи Абрек

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани.
Его стена – ручной булат,
Его мечеть – на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены,
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.

По небу знойный день катится,
От скал горячих пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены –
В ауле нет лишь тишины.
Аул встревоженный пустеет,

И под горой, где ветер веет,
Где из утеса бьет поток,
Стоит внимательный кружок.
Об чем ведет переговоры
Совет джематских удалцов?
Хотят ли вновь пуститься в горы
На ловлю чуждых табунов?
Не ждут ли русского отряда,

До крови лакомых гостей?
Нет – только жалость и досада
Видна во взорах узденей.
Покрыт одеждами чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой,
И льется речь его потоком,
И вкруг себя блестящим оком
Печально водит он порой.
Рассказу старого лезгина
Внимали все. Он говорил:
«Три нежных дочери, три сына
Мне бог на старость подарил,
Но бури злые разразились,
И ветви древа обвалились,
И я стою теперь один,
Как голый пень среди долин.
Увы, я стар! Мои седины
Белее снега той вершины.
Но и под снегом иногда
Бежит кипучая вода!..
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто возвратит мне дочь мою?
В плену сестры ее увяли,
В бою неровном братья пали, –
В чужбине двое, а меньшей
Пронзен штыком передо мной.
Он улыбался, умирая!
Он, верно, зрел, как дева рая
К нему слетела пред концом,
Махая радужным венцом!..
И вот пошел я жить в пустыню

С последней дочерью своей.
Ее хранил я, как святыню;

Всё, что имел я, было в ней:
Я взял с собою лишь ее
Да неизменное ружье.
В пещере с ней я поселился,
Родимой хижины лишен:
К беде я скоро приучился,
Давно был к воле приучен.
Но час ударил неизбежный,
И улетел птенец мой нежный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спал... Безмолвно надо мной
Зеленой веткою махая,
Сидел мой ангел молодой.
Вдруг просыпаюсь: слышу, шепот, –
И слабый крик, – и конский топот...
Бегу и вижу – под горой
Несется всадник с быстротой,
Схватив ее в свои объятия.
Я с ним послал свои проклятья.
О, для чего, второй гонец,
Настичь не мог их мой свинец!
С кровавым мщеньем, вот здесь скрытым,
Без сил отмстить за свой позор,
Влачусь я по горам с тех пор,
Как змей, раздавленный копытом.
И нет покоя для меня
С того мучительного дня...
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто привезет мне дочь мою?>>

«Я!», – молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий,
И в изумлении немом
Толпа раздвинулась кругом.
«Я знаю князя! Я решился!..
Две ночи здесь ты жди меня:
Хаджи бесстрашный не садился
Ни разу даром на коня.
Но если я не буду к сроку,
Тогда обет мой позабудь
И о душе моей пророку
Ты помолись, пускаясь в путь».

Взошла заря. Из-за туманов
На небосклоне голубом
Главы гранитных великанов
Встают, увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось
И понеслось по вышине.
Всё дышит утром. За оврагом
По кособору едет шагом
Черкес на борзom скакуне.
Еще ленивое светило
Росы холмов не осушило.
Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Небрежно бросив повод,а,
Красивой плеткой он махает
И песню дедов иногда,
Склонясь на гриву, запекает.

И дальний отзыв за горой
Уныло вторит песни той.

Есть поворот – и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом,
Там, где красивые граниты
Рубчатым сходятся венцом.
Оттуда он, как под ногами
Смиранный различит аул,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гул,
И на краю крутого ската
Отметит саклю Бей-Булата,
И, как орел, с вершины гор
Вперит на крышу светлый взор.
В тени прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидит.
Пред нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядит.
Кого ты ждешь, звезда востока,
С заботой нежною такой?
Не друг ли будет издалёка?
Не брат ли с битвы роковой?
От зноя утомясь дневного,

Твоя головка уж готова
На грудь высокую упасть;
Рука скользнула вдоль колена,
И неги сладостная власть
Плечо исторгнула из плена;
Отяготел твой ясный взор,
Покрывшись влагою жемчужной;
В твоих щеках, как метеор
Играет пламя крови южной;

Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.
Немым встревожена желаньем,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабым трепетаньем
Хотят покровы оттолкнуть.
О, где ты, сердца друг бесценный!..
Но вот – и топот отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,
И дева шепчет: «Это князь!»

Легко надежда утешает,
Легко обманывает глаз:
Уж близко путник подъезжает..
Увы, она его не знает
И видит только в первый раз!
То странник, в поле запоздалый,
Гостеприимный ищет кров;
Дымится конь его усталый,
И он спрыгнуть уже готов..
Спрыгни же, всадник!.. Что же он
Как будто крова испугался?
Он смотрит! Краткий, грустный стон
От губ сомкнутых оторвался,
Как лист от ветви молодой,
Измятый летнею грозой!

«Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость – подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня.
Ты, вижу, беден, – я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!

Когда опять поедешь в путь,
В молитве нас не позабудь!»

Хаджи Абрек
Аллах спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И от отца тебе поклон
За то привез с собою он.

Леила
Как! Мой отец? Меня поныне
В разлуке долгой не забыл?
Где он живет?

Хаджи Абрек
Где прежде жил:
То в чуждой сакле, то в пустыне.

Леила
Скажи: он весел, он счастлив?
Скорей ответствуй мне...

Хаджи Абрек
Он жив.
Хотя порой дождям и стуже
Открыта голова его...
Но ты?

Леила
Я счастлива.

Хаджи Абрек
(тихо)
Тем хуже!

Леила
А? Что ты молвишь?..

Хаджи Абрек
Ничего!

Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним, не тронуты доселе,
Стоят! Он странен, в самом деле!

Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины
Проведены они по нем?

Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой
И тихо черными очами
Поводит, – и, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе – всё мечта!»

Хаджи Абрек

Довольно! Перестань, Леила,
На миг веселость позабуди:
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвечай.

Леила

Нет! Что мне хладная могила?
Я на земле нашла свой рай.

Хаджи Абрек

Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?

Леила

К чему? Мне лучше, веселей
Среди нагорного тумана.
Везде прекрасен божий свет.

Отечества для сердца нет!
Оно насилья не боится,
Как птичка вырвется, умчится.
Поверь мне – счастье только там,
Где любят нас, где верят нам!

Хаджи Абрек

Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на земле второе
Тому, кто всё похоронил,
Чему он верил, что любил!
Блаженство то верней любви
И только хочет слез да крови.

В нем утешенье для людей,
Когда умрет другое счастье;
В нем преступлений сладострастье,
В нем ад и рай души моей.
Оно при нас всегда, бессменно,
То мучит, то ласкает нас...
Нет, за единый мщенья час,
Клянусь, я не взял бы вселенной!

Леила
Ты бледен?

Хаджи Абрек
Выслушай. Давно
Тому назад имел я брата;
И он – так было суждено –
Погиб от пули Бей-Булата.
Погиб без славы, не в бою,
Как зверь лесной, – врага не зная,
Но месть и ненависть свою
Он завещал мне, умирая.
И я убийцу отыскал,
И занесен был мой кинжал,
Но я подумал: «Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук?.. О нет!
Он что-нибудь да в мире любит:
Найду любви его предмет,
И мой удар его погубит!»
Свершилось наконец. Пора!

Твой час пробил еще вчера.
Смотри, уж блещет луч заката!..

Пора! я слышу голос брата.
Когда сегодня в первый раз
Я увидел твой образ нежный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, как адом, вся зажглась.
Но это чувство улетело...
Валлах! исполню клятву смело!

Как зимний снег в горах бледна,
Пред ним повергнулась она
На ослабевшие колени;
Мольбы, рыдания, слезы, пени
Перед жестоким излились.
«Ох, ты ужасен с этим взглядом!
Нет, не смотри так! Отвернись!
По мне текут холодным ядом
Слова твои... О, боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Ответствуй! ничего не значат
Невинных слезы пред тобой?
О, сжался!.. Говори – как плачут
В твоей родимой стороне?
Погибнуть рано, рано мне!..
Оставь мне жизнь! Оставь мне младость!
Ты знал ли, что такое радость?
Бывал ли ты во цвете лет
Любим, как я?.. О, верно, нет!»

Хаджи в молчанье роковом
Стоял с нахмуренным челом.

«В твоих глазах ни сожаленья,
Ни слез, жестокий, не видать!..

Ах!.. Боже!.. Ай!.. дай подождать!..
Хоть час один... одно мгновенье!!».

Блеснула шашка. Раз – и два!
И покати́лась голова...
И окровавленной рукою
С земли он приподнял ее.
И острой шашки лезвиё
Обтер волнистою косою.

Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел и прыгнул в седло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним,
Щетиной грива, ржет и пышет,
Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит
И мчится в горы как стрела.

Заря бледнеет. Поздно, поздно,
Сырая ночь недалека!
С вершин Кавказа тихо, грозно
Ползут, как змеи, облака,
Игру бессвязную заводят,
В провалы душные заходят,
Задев колючие кусты,
Бросают жемчуг на листья.
Ручей катится – мутный, серый,
В нем пена бьет из-под травы
И блещет сквозь туман пещеры,
Как очи мертвой головы.
Скорее, путник одинокой!

Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.
Тебе вослед еще не мчится
Ни горный дух, ни дикий зверь,
Но если можешь ты молиться,
То не мешало бы – теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливым оком
Зачем глядишь перед собой?
То камень, сглаженный потоком!..
То змей блистает чешуей!..
Твоею гривой в поле брани
Стирал я кровь с могучей длани;
В степи глухой в недобрый час
Уже не раз меня ты спас.
Мы отдохнем в краю родном.
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром,
И будешь ты в зеленом поле.

Давно ль, давно ль ты изменился,
Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что тяжело дышишь подо мной?
Вот месяц выйдет из тумана,
Верхи дерев осеребрят,
И нам откроется поляна,
Где наш аул во мраке спит,
Заблещут, издали мелькая,
Огни джematских пастухов,
И различим мы, подъезжая,
Глухое ржанье табунов,
И кони вокруг тебя столпятся...

Но стоит мне лишь приподняться,
Они в испуге захрапят
И все шарахнутся назад:
Они почуют издалёка,
Что мы с тобою дети рока!..»

Долины ночь еще объемлет,
Аул Джемат спокойно дремлет,
Один старик лишь в нем не спит.
Один, как памятник могильный,
Недвижим близ дороги пыльной
На сером камне он сидит.
Его глаза на путь далекой
Устремлены с тоской глубокой.

«Кто этот всадник? Бережливо
Съезжает он с горы крутой;
Его товарищ долгогривый
Поник усталой головой.
В руке, под буркою дорожной,
Он что-то держит осторожно
И бережет как свет очей».
И думает старик согбенный:
«Подарок, верно, драгоценный
От милой дочери моей!»

Уж всадник близок, под горою
Коня он вдруг остановил,
Потом дрожащею рукою
Он бурку темную открыл,
Открыл – и дар его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видит – боже правый! –
Своей Леилы голову!..

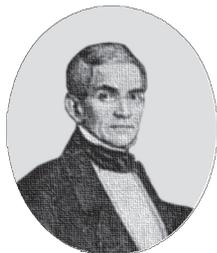
И он, в безумном восхищенье,
К своим устам ее прижал!
Как будто ей передавал
Свое последнее мученье.
Всю жизнь свою в единый стон,
В одно лобзанье вылил он.
Довольно люди и печали
В нем сердце бедное терзали!
Как нить, истлевшая давно,
Разорвалось вдруг оно,
И неподвижные морщины
Покрылись бледностью кончины.
Душа так быстро отлетела,
Что мысль, которой до конца
Он жил, черты его лица
Совсем оставить не успела.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился;
Взглянул на шашку, на коня –
И быстро в горы удалился.

Промчался год. В глухой теснине
Два трупа смрадные, в пыли,
Блуждая, путники нашли
И схоронили на вершине.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятие на их челе.
Обнявшись крепко, на земле
Они лежали, костеняя,
Два друга с виду – два злодея!
Быть может, то одна мечта,
Но бедным странникам казалось,

Что их лицо порой менялось,
Что всё грозили их уста.
Одежда их была богата,
Башлык их шапки покрывал, –
В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал.

1833-1834

Дмитрий ОЗНОБИШИН (1804–1877)

Кисловодск

Долина есть в краю далеком,
Одна в горах затаена,
В ней блещет и кипит потоком
Нардзана³ свежая волна.
Приют беспечности и лени!
Ее древес в густые сени
Не раз входил я, полон дум;
Облит прохладной негой юга,
Я, как привет радушный друга,
Любил внимать дубравный шум.

Любил я видеть струй кипенье,
Их ложе, взрытое в скале,
Их бег и звучное паденье
С сердитой пеной на челе.
Любил я ток их молчаливый
Под липой иль плакучей ивой,
Когда луна между ветвей,
Таинственно перебегая,
Как одалыка⁴ молодая
Глядится в зеркало зыбей.

Душистый воздух, свежесть сада,
В горах полуугасший день,

³ Нардзан (Нарзан) – источник минеральной воды (от «нарт» – богатырь, и «сан» – колодец).

⁴ Одалыка (одалиса) – прислужница в гареме.

И дальний ропот водопада,
И тополей гигантских тень,
И шум Нардзана говорливый...
О, как тогда роились живо
Мечты забытые мои!
Как дух мой окрылялся юный!
Как звучно трепетали струны
Живой поэзией любви!..

Кипи, Нардзан! В лучах востока
Играй клубами жемчугов!
Как хаджи в светлый град Пророка
К тебе сын северных снегов
Придет не раз, надежды полный,
Испить целительные волны,
И, позабыв тяжелый путь,
В твоих струях переродиться,
Усталой грудью обновиться
И жизнью свежею вздохнуть.

Придет, быть может, издалека,
Подобно мне, другой певец
Задуматься у струй потока,
И светлых дум своих венец
Повергнет в ропщущие струи!..
Другие скроет поцелуи
Твоих древес густая тень!
Другие тайные признанья,
Другие пылкие желанья
Пробудит твой роскошный день!

И вновь замолкнут эти звуки!
Лишь ключ один не смолкнет твой
Свидетель встречи и разлуки,

Свидетель пылкий и немой.
Кипи ж, Нардзан, струей могучей
И пеной звонкой и шипучей
Лаской прищельца жадный взор!
Шуми, обильный, здравье льющий,
Студеный, жгучий, искробьющий
Алмазный ключ Кавказских гор!

1839. Кисловодск

Нардзан

(Кавказская легенда)

Говорят, Кавказа кущи
Див коварный и могущий
В древни годы обитал.
Воздух мрачен был, и льдины
Покрывали гор теснины,
Возвышались грудой скал.

Ни былинки, ни растенья
В сей стране грехопаденья
Не встречал унылый взор,
И потоки не журчали,
Не змеились, не сверкали
У подошвы грустных гор.

Мертво было все творенье!
В вековом уединеньи
Презирал все грозный Див.
В хладном пологе тумана
Он, как в хлябях Океана,
Жил суров и молчалив.

Вот однажды, ясным утром
Рос, сверкая перлаутром,
Плыла Пери в Джиннистан!⁵;
Плыла в музыке небесной,
Томно-бледен лик прелестной,
Стройно-гибок тонкий стан.

И на Дива, ненароком,
Взгляд очей ее потоком
С думой страстною упал.

Взгляд сей полн был чудной силой;
Встретил Див улыбку милой
И любовью запыхал.

Быстро скрылося явленье!
Тщетно милое виденье
Див влюбленный звал опять.
Взвившись дымкою тумана,
Тщетно розу Джиннистана
Мнил на миг он увидеть.

Дни текли, тянулись ночи;
Но ее не зрели очи
С недоступной высоты.
Там ключи одни журчали,
Там, блестя, благоухали
Неба райские цветы.

Неутешный и убитый,
Он ударился в граниты,
Проклиная Джиннистан.

⁵ Джиннистан – страна джиннов-демонов.

Задрожал Кавказ суровый,
И волной вскипел громовой
Вечноропщущий Нардзан.

Льдины скрылися. Раины
Встали вокруг как исполины,
Изменилась вся страна!
Воздух дышит негой сладкой,
По плитам звенит украдкой
Быстробьющая волна.

Вспыхло солнце в небосводе;
С звучной песнью на свободе
Птицы в воздухе кружат.
Полны негой блещут розы,
И росы вечерней слезы
Ярким жемчугом горят.

Но кипит, клокочет шумный,
Полный страсти и безумный
Див тоскующий – Нардзан.
Он с небес не сводит очи,
Он глядит и дни, и ночи
В свой заветный Джиннистан.

Солнце ль в небе засияет:
Он огнистый луч ласкает
И на грудь к себе манит.
Месяц тихо ли восходит:
Он во глубь его уводит
И задумчиво кипит.
Но когда, в звездах сверкая,
Сходит ночь, и молодая
Взглянет дева в сонный ключ,

Как заплещет, как забьется,
Словно выпрыгнуть он рвется,
Как властительно-могуч!

Всё в мечтах своей потери,
В сладкой думе: это Пери –
Неба райского цветок!
Вы, чьи очи негой полны,
Бойтесь взгляд ваш бросить в волны,
Чтоб Нардзан вас не увлек!

1839. Кисловодск

Константин БАЛЬМОНТ (1867–1942)

Воспоминание

Когда я в сумерки у волн мечтаю долго,
И шествует прилив, за валом плещет вал,
Я снова в юности. Сильна в разливе Волга.
И Каспий шепчет мне: «Ты в Персии бывал?»
Я не был в Персии. Но вспоминаю наши
Родные области. Глухая Кабарда.
Обрыв Балкарских гор. И в двадцать лет что краше,
Чем в близи нежных глаз манящая звезда?
Такой уклончивой, зовущей, тонкостанной,
Как девушка в горах, где встретить на Земле?
Аулы помню я в ложбине скал туманной,
Серебряный кувшин, усмешку Джамиле.
Мой юный проводник, – я не забыл Османа, –
Привел из табуна горячего коня.
И мы скакали с ним – до дальнего тумана,
До впадины в горах, до завершения дня.
Мы ночевали с ним в заброшенной землянке.
В молитве перед сном он повторял: «Алла!»
А я, хоть спал, не спал – от нежной в сердце ранки.
Мне снились Джамиле и голубая мгла.
Мне грезились кругом нависшие твердыни.
Не досягнуть звезды, которая зовет!
Но пела песню кровь: «Навеки твой отныне!»
И время в звездный час замедлило полет.

Я проходил пути, где было только счастье.
Встречались люди мне, в которых только свет.
Одна лишь власть – любовь, и весь простор безвластья.
Чтоб достичь звезды, низвергнись в звездный бред.
Притянутый лучом, я, легкий, падал в бездны.
Но чувствовал у плеч два сильные крыла.
И та, кого любил в пустыне многозвездной,
Скрывалась в цепи гор – и все вперед звала.
Когда же, наконец, я где-то пал на склоны
И близко увидал мерцанье милых глаз,
В землянку свет вошел, рассвет синезеленый,
И ранний холодок позвал в дорогу нас.
Два рьяные коня оседланы проворно.
Заря еще ждала, чтоб брызнуть в норы гор.
А резвый звук копыт перебегал повторно.
И к солнцу мчались мы, гоня во весь опор.

5 августа 1921
Бретань

Бенедикт ЛИВШИЦ (1886–1939)

Одиночество

Холмы, холмы... Бесчисленные груди
И явственные выпуклости губ,
Да там, вдали, в шершавом изумруде,
Окаменевший исполинский круп...

Так вот какую ты уснула, Гея⁶,
В соленый погруженная туман,
Когда тебя покинул, холодея,
Тобой пресытившийся Океан!

Еще вдогонку ускользавшим рыбам
Протягивая сонные уста,
Ты чувствовала, как вставали дыбом
Все позвонки Кавказского хребта.

В тот день – в тот век – в бушующем порфире
Тобою были предвосхищены
Все страсти, мыслимые в нашем мире,
Всё то, чем мы живем, твои сыны.

---

⁶ Гея – древнегреческая богиня Земли, родившаяся, когда первозданный Хаос разделился на Землю и Океан.

И я, блуждая по холмам Джинала⁷,
Прапамять в горных недрах погребя,
Испытываю всё, что ты узнала,
Воды уже не видя близ себя.

1937

---

⁷ Джинал – горный хребет на Северном Кавказе, сложенный из известняков и песчаников мелового периода (ред).

Николай ТИХОНОВ (1896–1979)

***

Я снова посетил Донгузун,
Где лед светил в реки седой бурун.

Остры, свежи висели вокруг снега,
Я видел: жизнь моя опять строга,
И я опять порадовался ей,
Что можно спать в траве между камней
И ставить ногу в пенистый поток,
И знать тревогу каменных берлог.
В глуши угрюмой, лежа у костра,
Перебирать все думы до утра.
И на заре, поднявшись на локте,
Увидеть мир, где все цвета не те...

Эльбрус с Бечасьна

... Намеченный смело
Над зыбью полей
Светящимся мелом
По аспидной мгле...

Вычерчивал мастер
Во весь небосклон
Его, как на части
Разбившийся сон.

Чертил он и правил
Снега, как рассказ,
И гору поставил
И вывел на нас.

И падал кусками
И сыпался мел,
Но гору на память
Он кончить сумел!

***

Встает Эльбрус,
Весь залитый огнем,
Как будто куст
Костров горит на нем.

Дыхтау с Ушбой
Выше облаков
Клянутся дружбой
Вечных кунаков...

А там как будто
Кто-то разорвал
И в снег окутал
Стены пестрых скал.

Ты станешь снег
В восторге целовать,
О человек!
Могу тебя понять!

Верхний Хулам

Как будто затяжным прыжком
Лечу, и дух мне захватило,
И тянет вниз пространства сила
На камни, вставшие кругом.

Над темным кратером безмерным,
В зеленом трепете неверном –
Гранит со снегом пополам –
Вечерний высится Хулам.

Над скал воинственными лбами
Туманов белых вьется прядь,
Ожесточась, как этот камень, –
Что можешь сердцем ты сказать?

Пока горят лучи скупые,
Запоминай, окаменев,
Природы игрища слепые –
Преображенный в камни гнев!

Кыртык-Ауш⁸

Кыртык-Ауш прошли мы на рассвете,
В пустынный мир ущелья, где гремел
Седой поток и камни, словно дети,
Плескались в нем, и каждый – как умел.

Мы наслаждались утром, светом, склоном,
Где дикий щебень под ногой хрустел,
А горный дождь с каким-то вольным звоном
У самого аула заблестел.

---

⁸ Кыртык-Ауш – перевал в Балкарии.

А в комнате камин топился жарко,
Свеча, диван и выцветший палас,
Так встретила нас старая балкарка,
Как будто жизнь всю поджидала нас.

Как гостю полагается с дороги,
Айрану всласть напиток дали нам.
Вошел баран, высокий, круторогий,
С достоинством взглянув по сторонам.

Старуха тут же хлопнула в ладоши,
И дети враз на блюде принесли
Барану смесь каких-то вкусных крошечек,
С поклоном детским, чуть не до земли.

Стоял баран, нисколько не смущенный,
И ел баран, как юный янычар,
Как сказочный царевич, превращенный
В барана волей высших горных чар.

Казалось нам, что витязь златорогий
Возьмет сейчас и вдруг заговорит
На языке, каким владеют боги,
И хор лавин в ущелье загремит.

О, сколько в жизни было перевалов.
Кыртук-Ауш, где мы приют нашли,
Помечен ты, ни много и ни мало, –
Счастливым днем, где в сказку мы вошли.

***

Женщина в дверях стояла,
В закате с головы до ног,

И пряжу черную мотала
На черный свой челнок.

Рука блеснет и снова ляжет,
Темнея у виска,
Мотала жизнь мою, как пряжу,
Горянки той рука.

И бык, с травой во рту шагая,
Шел снизу в этот дом,
Увидел красные рога я
Под черным челноком.

Заката уголь предпоследний
Весь раскален дрожал.
Между рогов аул соседний
Весь целиком лежал.

И сизый пар, всползая кручей,
Домов лизал бока,
И не было оправы лучше
Косых рогов быка,

Но дунет ветер, леденя,
И кончится челнок,
Мелькнет последний взмах, чернея,
Последний шерсти клочок...

Вот торжество неодолимых
Простых высот,
А песни – что? Их тонким дымом
В ущелье унесет.

***

Горных рек нескончаемый гул,
Пред которым я вечно в долгу.
Он в крови моей, в сердце моем,
С этим гулом мы вместе умрем.
Голубая вода Теберды,
Знал я реки, что были горды,
Их надменный и грозный язык
Я читать с увлечением привык.
Знал я тихие воды, что шли,
Как спокойные думы земли.

Стал теперь я и прост, и жесток:
Я люблю безымянный поток,
С ледяной он сбегает коры
Безызвестной высокой горы.

Он ворчать свои мысли привык;
То седеет он, точно старик,
То в его молодые глаза,
Удивляясь, глядится гроза.
И пастух на его берегах
Запевает о прошлых веках.
И поет, проходя, пешеход
Про бессмертный советский народ.
И поет альпинист молодой
О вершинах, склоняясь над водой.
И поет про девичьи сны
Ему девушка горной страны.
И потоку великая честь –
Через жизнь эти песни пронести.

Горец

Сказал, взглянув неукротимо:
«Ты нашим братом хочешь быть,
Ты должен кровью побратима
Свое желание скрепить».

И кровью гор морозно-синей
Кипел ручей, высок и прям.
«Ты, горец, прав! Клинок я выну –
Я буду верный брат горам!

Пускай на рану льет отвесно
Простая горная струя,
Пускай сольется с кровью трезвой
Кровь опьяненная моя».

Степан ШИПАЧЕВ (1899–1980)

Бурка

А. М. Лейтесу

Ливень нахлынет
Льда синей, град застучит по кручам,
Но бурка тепла:
Шерстинок в ней
Больше, чем капель в туче.

Вьюга закрутит
Снежный прах,
Лютотого зверя злее,
Но бурки пастушьей
В горах
Нет ничего теплее.

1936

Эльбрус в самолете

Ой, высок же ты, Эльбрус,
Синий лед!
Только выше пролетел
Самолет.

У подножья твоего –
Знают все –

Степан Щипачев

Босиком ходил Умар
По росе.

Ой, высок же ты, Эльбрус,
Синий лед!
Но Умар ведет у звезд
Самолет.

1936

Николай АСЕЕВ (1889–1963)
Из цикла «Высокогорные стихи»

Рождение облака

Ребенок – облако
Выходит
Из пеленок гор.
Потом, потягиваясь тельцем,
Он по изложьям горным стелется.
То в птицу превратятся,
То – в рысь,
Летит, вытягиваясь ввысь,
Туда, где горы давит туча,
Синя, сурова и сверкуча.

1933–1938

Водопад Муруджу⁹

Женщина стоит у водопада,
Рада, рада,
Что ее – с головы до пят
В блеск и в шум одел водопад.
Водопад – ее фаворит,
И она ему говорит:

⁹ Водопад Муруджу находится на реке Уллу-Муруджу в Домбае. В этом, в сущности, шутивном стихотворении, странным образом возникает мотив близкий карачаевско-балкарскому эпосу (ред.).

«Драгоценный мой Муруджу,
Хочешь – я от тебя рожу,
Я рожу от тебя девчонку,
Замечательную речонку,
Совершенно такую, как ты, –
Неописанной красоты!»

1933–1938

Это – медленный рассказ...

Это – медленный рассказ,
Как полет
Туч.
Это Северный Кавказ –
Мощный взмет
Круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
Не пройдет
Скор, –
Через Нальчик и Моздок
Смотрит смерть
С гор.

Всё затянется корой,
Схлынет в шум
Рек.
Грозный год сорок второй
Не забыть
Век!

Враг ударил на Черкесск,
Пятигорск
Пал.

Враг пошел наперерез
Вековых
Скал.

По долине Теберды,
Через горб –
Мост
Перекинул он ряды,
Растянул
Хвост.

Он преграды прорывал,
Бил гранат
Град,
На Клухорский перевал
Подымал
Взгляд.

Вот куда он залетел,
До каких
Мест!
В сердце гор он захотел
Вбить кривой
Крест.

Подымалось на дыбы
Всё –
Врагу встречь:
Корнем вверх пошли дубы
На завал
Лечь.

На альпийские луга
С ледников

Сверк,
Чтоб скользкая нога
Не прошла
Вверх.
Злобно щерил враг клыки,
Щурил злой
Глаз.
Волчи горные полки
Тщились сбить
Нас.

Но у наших медвежат
Не был дух
Слаб, –
Враг был стиснут и зажат
Между их
Лап.

Захрустел его костяк,
Унялась
Спесь,
И недолго он в гостях
Побывал
Здесь.

Обвалился грязи груз,
Вновь чиста
Даль.
Не склонился Эльбрус
Под его
Сталь.

Это – медленный рассказ,
Тяжкий ход
Туч.
Это Северный Кавказ –
Мощный взмет
Круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
Не пройдет
Скор, –
Через Нальчик и Моздок
Шел громов
Спор!

1943

Сергей ИВАНОВ (1915–1941)

Могила Исмаила Джаппуева¹⁰

Всё реже цветы и упрямей тропа.
Ещё поворот. Крутизна.
И вот – «Кругозор». Палатки. Маяк.
Альпийский флажок голубой.

Отсюда туманы начало берут
И падают в доли дождём.
Отсюда видны ледяные пути
В Сванетию и на Кубань.

Чуть выше приюта костров и коней –
Последний лужок на горе.
Ромашки и маки. На этом лужке
Могила твоя, Исмаил.

Дощечка на меди. Литой ледоруб,
С которым ты в горы ходил.
Обломок скалы, за которую ты
Цеплялся до крови в тот миг.

Когда, потянув за собою канат,
Скользнул предпоследний, и ты

---

¹⁰ Исмаил Джаппуев – балкарский комсомолец, проводник. Погиб 25 марта 1936 года во льдах восточного склона Эльбруса, спасая группу альпинистов. Могила его – выше приюта «Кругозор» на высоте 3250 метров (*Примечание автора*).

Пытался от смерти друзей отстоять,
Бросаясь на верную смерть.

Когда мы шагали Эльбрус штурмовать,
В пути, у могилы твоей,
Мы шлемы подняли, винтовки к ноге
Прижали, храня караул.

И наш комиссар, поседелый в боях,
На камень цветы положил.
Мы шли по снегам и к вершинам несли
Отвагу твою, Исмаил.

Мария ПЕТРОВЫХ (1908–1979)

Поэту-горцу

К. К.¹¹

Когда ты стиснешь кулаки и зубы,
Склоняя голову – ты так хорош!
Гляжу и повторяю: любо, любо!
(Ты тихих слов не разберешь.)

Когда ж ты руки распахнешь, и ветром
Меня охлынет с горной высоты,
Таким широким, прямодушным, щедрым,
О, как тогда прекрасен ты!

1943

---

¹¹ Стихи определенно посвящены знаменитому балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву (1917–1985), известному и любимому в московском литературном кругу, доблестно сражавшемуся на войне, а затем разделившему судьбу своего репрессированного и депортированного народа (ред.)

Дмитрий КЕДРИН (1907–1945)

Другу-поэту

Кайсыну Кулиеву

Ночь поземкою частой

Заметает поля.

Я пишу тебе: «Здравствуй!»

Офицер Шамиля!

Вьюга зимнюю сказку

Напевает в трубу.

Я прижал по-кавказски

Руку к сердцу и лбу.

Искры святочной ваты

Блещут в тьме голубой...

Верно, в дни Газавата

Мы встречались с тобой.

Тела ярость былая,

Нас враждой разделя:

Я – солдат Николая,

Ты – мюрид Шамиля.

Но над нами есть выше,

Есть нетленнее свет:

Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт»¹².

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас:
Кабардинцу – Россию,
Славянину – Кавказ?

Эта сила – не знак ли,
Чтоб, скитаньем вedom,
Заходил ты, как в саклю,
В крепкий северный дом.

И, как Байрон, хромя,
Проходил к очагу?..
Пусть дорога прямая
Тонет в рыхлом снегу, –

В очаге, не померкнув,
Пламя льнет к уголькам,
И, как колокол в церкви,
Звонок тонкий бокал.

К утру иней налипнет
На сосновых стенах...
Мы за лирику выпьем
И за дружбу, кунак!

1945

---

¹² В 1947 году при публикации цензура изменила эту строку на «По-кавказски: «поэт»...». Так и многократно перепечатывалось вплоть до наших дней.

Борис СЛУЦКИЙ (1919–1986)

***

Кайсыну Кулиеву

Поэты малого народа,
Который как-то погрузили
В теплушки, в ящики простые
И увозили из России,
С Кавказа, из его природы
В степя, в леса, в полупустыни –
Вернулись в горные аулы,
В просторы снежно-ледяные,
Неся с собой свои баулы,
Свои коробья лубяные.
Выпроваждали их с Кавказа
С конвоем, чтоб не убежали.
Зато по новому приказу –
Сказали речи, руки жали.
Поэты малого народа –
И так бывает на Руси –
Дождались все же оборота
Истории вокруг оси.
В ста эшелонах уместили,
А все-таки народ! И это
Доказано блистаньем стиха,
Духовной силою поэта.
А все-таки народ! И нету,
Когда его с земли стирают,
Людского рода и планеты:
Полбытия
Они теряют.

Вероника ТУШНОВА (1911–1965)

Из поэмы «Дорога на Клухор»

Последний предвоенный год.
Уже июль к концу идёт.
Становятся студёней зори.
Закаты ранние желты.
Как будто ближе стали взгорья
И чётче снежные хребты...
Счастливый отдых на исходе.
Друзьям, сроднившимся в походе,
С горами расставаться жаль,
Но план таков: через Клухори
Спуститься вниз, на берег моря,
Где зреют сливы и миндаль.
В горах недолго длится лето
И рано стужей дышат льды...

Итак, мы вышли до рассвета
Вверх по теченью Теберды.
Тысячелетних скал горбы
От мха иззелена-седы,
И камни масляные лбы
Высовывают из воды.
Похожие на веера,
Фонтаны брызг шумны, белы...
Литые глыбы серебра
Стремятся с гулом изо мглы,
И на волны крутой разбег
Взлетает, тельце накреня,

Форель – творенье горных рек –
В багряных крапинках огня.
Трава густа, и лес высок,
Промяты тропки у воды –
Следы босых ребячьих ног,
Следы подков, следы сапог,
Копыт раздвоенных следы...
Всё глуше путь... За часом час
Шагаем мы долиной длинной,
В колючих зарослях малины...
Жара и жажда мучат нас.
Скорее бы в тени прилечь,
Рюкзак тяжёлый сбросив с плеч!

Беспечный путь на перевал,
Студентов шумное веселье...
Как ты мне памятен, привал
У Гоначирского ущелья!
Скалистый коридор глубок,
На диких кручах пихты виснут,
Отвесными стенами стиснут,
На дне беснуется поток ...

Юлия ДРУНИНА (1924–1991)

Теберда

Вспоминаю знойные долины,
Вспоминаю вечные снега.
Вьется, вьется лента серпантина,
Теберды петляют берега.

И над этой развесёлой речкой,
Что всегда волнуется, спешит,
Абазинка, стройная, как свечка,
Плакала, обняв рукой самшит.

Так ты мне запомнилась навеки,
Так вошла мне в сердце, Теберда –
Слёзы и смеющиеся реки;
Снег и солнце,
Радость и беда.

... Я теперь на Севере.
Так что же?
Душу в том оставила краю,
В тех долинах,
В тех горах,
Похожих
На любовь твою.

1958

Николай СТАРШИНОВ (1924–1998)

***

Где-то за долиною Домбая
На вершинах дремлет вечный лед,
Синеву крылами разрубая,
Горные орлы вершат полет.

Солнце раскаляется в зените,
И по склонам гор от ледников
Тянутся серебряные нити
Бесконечно малых ручейков.

В дальний путь отправившись однажды,
Каждый совершает свой полет,
Каждый надрывается,
Но каждый
Маленькую песенку поет.

Здесь и капле петь необходимо,
Уж такая певчая вода...
Но ручьи связались воедино, –
Так и зародилась Теберда.

Как же ей молчать?
Она так рада,
На своем большом пути собрав
Тишину
И грохот камнепада,

Николай Старшинов

Крик орла
И мягкий шелест трав.

Солнечные скалы огибая,
Мчит лавина ледяной воды.
И звучит до самого Домбая
Голубая песня Теберды...

Александр ЯШИН (1913–1968)

Домбай

То ли горы, то ли облака,
То ли овцы, то ли валуны?
Огненная лава иль река?
Кратеры по краю ледника
Иль воронки бомб – следы войны?

Твердь земли, крутая, как стена,
Разрисованная вкривь и вкось,
До бездонных недр расслоена
И просматривается насквозь.

Ни тропинок козьих, ни дорог,
Только пересохшие ручьи.
Терн шипит и жжет подошвы ног,
Молнией сверкнул язык змеи.

Листья трав колючи, как ежи.
Каменные грани что ножи.
Даль раскалена,
Запылена...
Где ж ты, заповедная страна?
Но владеют миром миражи,
И в глазах людей –
Голубизна.

1961

Леонид РЕШЕТНИКОВ (1920–1990)

Мне снятся горы по ночам

Мне снятся горы по ночам
Донгуз-оруна,
И пики льда – под стать мечам,
И сосен струны.

Горит и гаснет под луной
Их льдистый пламень.
А над дорогой ледяной
Нависнул камень.

Он тихо дышит, как живой.
Под снегом талым,
Грозя угрозой ножевой –
Сплошным обвалом.

Но след уходит на карниз,
И – по карнизу.
И снег летит с карниза вниз.
А холод – снизу...

Мне снятся горы по ночам –
Белей постели.
Во льду, подобные свечам,
Пылают ели.

И тени черные от них
Летят по склонам –

Поверх снегов, за кромку их,
К лугам зеленым.

Там над костром сидит пастух,
Не шевелится.
Давно костер его потух,
Едва дымится.

И слышит он, как дышит лед,
Как овцы дышат,
И самолета дальний лет
Над горной крышей.

Мне снятся горы по ночам
В тиши глубокой
И, неподвластный мелочам,
Их дух высокий.

И эта глубь и крутизна
Земли и неба,
Что – час приходит – вдруг одна
Нужнее хлеба,

Нужнее жизни даже – та
Немногословность,
И грозных нравов прямота,
И безусловность...

Горя в ночи – под стать мечам, –
Звения, как струны,
Мне снятся горы по ночам
Донгуз-оруна.

Семен ЛИПКИН (1911–2003)

Взгляд

Я спросил у поэта-кавказца¹³,
Старой дружбою с ним умилен,
Отомстит ли он, если удастся,
За угон малосильных племен?

Но дыша перегаром эпохи,
Всех вина, никого не вина,
Голубые глаза выпивохи
Он уставил тогда на меня.

Этот взгляд был такой безучастный,
И разумный такой, и дурной,
Что я понял, как все мы несчастны,
Но не понял, что будет со мной.

1972

Кавказ

Я видел облака папах
На головах вершин,
Где воздух кизяком пропах,
А родником – кувшин.

Я видел сакли без людей,
Людей в чужом жилье.

---

¹³ Здесь явно имелся в виду Кайсын Кулиев (ред.)

И мне уже немного дней
Осталось на земле.

Но преступление и ложь,
Я видел, входят в мир
С той легкостью, с какою нож
В овечий входит сыр.

1988

никита Жуковский

Никита ЖУКОВСКИЙ (1913–1993)¹⁴

*<Гроза в Теберде>
Темно-фиолетовый ...
Сиреневый ...*

*Молния резкая, сверкающая ...
Мягкий оттенок зарницы ...*

*О миг, напряжение сил ...
И покой полусонный ...*

Начало 1970-х годов

---

¹⁴ Никита Дмитриевич Жуковский был в Карачаево-Черкесии уважаемым медиком, на протяжении трех десятилетий являлся главным врачом Тебердинского туберкулезного санатория. Мало кому было ведомо, что он – сын принадлежащей к волошинскому окружению известной поэтессы Серебряного века Аделаиды Герцык, антропософ и мастер йоги, автор своеобразной прозы и стихотворец.

Виктор **ВАСИЛЕНКО** (1905–1992)

По пути к Чегему

Провал и взлет, и вновь провал,
И в бездне грохот водопада;
Не отводи с испугом взгляда
От бездны, у которой встал.

Не прекращается движенье
Трав, зарослей, и в вышине
Таинственное зарожденье потоков,
Мчащихся ко мне.

Их голос в щелях каменистых,
Их гневный, сумрачный призыв,
И в небесах – в лазурях чистых –
Орла, чуть видного, порыв!

1985

Юрий ВИЗБОР (1934–1984)

Теберда

Теберда, Теберда, голубая вода,
Серебристый напев над водой.
Теберда, Теберда, я хотел бы всегда
Жить в горах над твоею волной.

Серебрей серебра там бурунная рать
По ущелью бурлит не смолкая.
Там в туманной дали бастионом стоит
Синеватая Белалакая.

Теберда, Теберда, голубая вода,
Нет красивей твоих тополей.
Я б остался всегда коротать здесь года,
Если б не было русских полей.

Я б остался, поверь, если б как-то в метель
Я б одну не довел бы домой.
Теберда, Теберда, голубая вода,
Серебристый напев над водой.

7 мая 1952

Домбайский вальс

Лыжи у печки стоят, гаснет закат за горой,
Месяц кончается март, скоро нам ехать домой.
Здравствуйте, хмурые дни, горное солнце, прощай,
Мы навсегда сохраним в сердце своем этот край.

Нас провожает с тобой гордый красавец Эрцог,
Нас ожидает с тобой марево дальних дорог.
Вот и окончился круг, помни, надейся, скучай!
Снежные флаги разлук вывесил старый Домбай.

Что ж ты стоишь на тропе, что ж ты не хочешь идти?
Нам надо песню допеть, нам надо меньше грустить.
Снизу кричат поезда. Правда, кончается март!
Ранняя всходит звезда, где-то лавины шумят.

Анатолий ЖИГУЛИН (1930–2000)

Теберда

Теберда, Теберда,
Голубая вода!
Ледяная вода
Из Домбайского льда.
Никогда я не видел
Воды холодней,
Ничего не встречал
Крепче этих камней,
Что упрямо и трудно
Шлифует река,
Отражая в воде
Облака.
А над речкой
В зеленых долинах живет
Молчаливый и гордый народ.
Сколько лет
От родимой земли вдалеке
Их катала судьба,
Словно камни в реке?!
Потому холодна
И прозрачна вода,
Видно, в ней растворилась
Печаль и беда
Навсегда!

Дмитрий ГОЛУБКОВ (1930–1972)

Кериму

Был полдень –
Вечера темней.
Был праздник возвращенья.
Костями тесаных камней
Белел скелет селенья.

Золой тянуло от земли
И пустотой могильной,
И огороды поросли
Седой полынью пыльной.

Дом – в груди щебня.
Тополя
Порублены под корень...
Но запах дымного жилья
Бессмертен и упорен.

Склонись над стылým очагом,
Зажмурься на мгновенье –
И сами выстроятся в дом
Ноздристые каменя.

Ты жив – и родина жива,
И к делу рвутся руки,
И в песню строятся слова,
Проросшие в разлуке.

Баксанское ущелье

Михаил ДУДИН (1916–1993)

Письмо Кайсыну

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли.
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.

Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.

И во главу угла стиха,
По мановенью ока
Поставим посох пастуха
Как инструмент пророка.

Стадам овец нужна трава
И в полдень тень чинары.
А нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.

Потом сгонять от ледников
В долины гурт овечий
На перекресток всех веков
И всех противоречий.

Чтобы над пропастью пустынь
Одна спаяла фраза

России трепетную синь
И седину Кавказа.

Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,
Как сыновья одной земли,
Одной земной печали.

Чтоб наше слово мир, как цель,
Держало на примете,
Чтобы играло, как форель
В Жилге при лунном свете.

Надпись на книге Кайсына Кулиева «Раненый камень»

Проводника, шагающего рядом,
Я памятью своей благодарю.
Старался я его увидеть рядом,
По ледникам скользящую зарю.

Стих зарождался. Холодны и немые,
Вставали горы, как наметки тем,
И клочкотал в гортани у поэмы
Разноударной рифмою Чегем.

Шли облака ущельями в разведку.
И горы, распадаясь на куски,
Давили стих, его грудную клетку,
Как боль земли, тиски ее тоски.

Здесь двух начал неистовство браталось
И с тьмой времен перемежался свет.
Жизнь или смерть. Гармония и хаос,
Его нагроможденья и Поэт.

Он этот мир призвал к первопорядку,
В его разлад характер свой привнес.
И, как стальной клинок по рукоятку,
В его судьбу и в дикий камень врос.

Тень от орла пласталась и скользила
По гребням, набирая высоту,
По осыпям, по зарослям кизила, –
Подчеркивая мира красоту.

И в этот мир вошла его натура,
Как откровение всему и всем,
Пером орла, горячей кровью тура
На ледниках написанных поэм.

В них мир поет, остановясь с разбега,
Пылают мальвы, колется осот.
Нельзя представить чистоты без снега
И радости победы – без высот.

Сквозь камень пробиваются наружу
Щедрот души подспудных родники.
Ты хочешь в горы, в высоту и стужу, –
Возьми его в свои проводники.

***

Как чист Эльбрус в ночи январской
В двойной короне вырезной
Своей осанистостью царской
И неземною белизной.

Там, меж вершин в ложбине белой,
Моей судьбы затерян след.

Там я, от счастья оробелый,
Встречал единожды рассвет.

И пел, и плакал от смятенья,
Как первый гений и дикарь,
Открывший в первый день творенья
Свой бесконечный календарь.

И вот опять высокой грудью
Он закрывает смертным путь.
И я тянусь к его безлюдью
И грудью падаю на грудь.

Форель играет в лунном свете

В ущелье Верхнего Чегема
Глядит луна, и перед ней
Жилга, цыганкой из гарема
Бежит, танцуя меж камней.

То падает, то замирает,
То в камень брызгами пылит.
Смотри! Форель в Жилге играет
И в лунном воздухе парит.

Над валуном мелькает стая,
Законам рыбьим вопреки,
Червонным золотом блистая,
Меж звезд струятся плавники.

Как из доверия в измену,
Как из бессмысленности в цель,
Форель летит из пены в пену,
Играет горная форель.

Михаил Дудин

Прислушайся. На всей планете
Замедлен времени полет.
Форель играет в лунном свете,
И вся вселенная поет.

Инна КАШЕЖЕВА (1944–2000)

Возьми меня в Балкарию!

Глаза твои не карие,
Глаза твои светлы.
Возьми меня в Балкарию,
Где горы и орлы.

Хочу увидеть заново
Края моей мечты.
Хочу дышать нарзановым
Туманом высоты.

Чтоб снегом руки пахли,
Звонкие, как медь.
Хочу вместо папахи
Облако надеть!

Давай с тобой не ссориться
Из-за моих причуд.
Дотронуться до солнца
Рукой своей хочу.

Глаза твои не карие,
Глаза твои светлы.
Возьми меня в Балкарию,
Где горы и орлы!

***

О названья земли родной!
Одурманивая и маня,
Вы повсюду всегда со мной,
Непонятные имена!
И какой-то щемящей тоской,
Взяв меня в свой гортанный плен,
Отдается во мне: «Терскол!
Куркужин! Нартан! Гунделен!».
Голос рек протяжней поэм,
Словно крик победный орла...
Как стихи, повторяю: «Чегем!
Малка! Урух! Жемтала!»

В лошадях небывалых пород
И в паденьи скупой воды –
Имена балкарских высот
И вершин,
и долин Кабарды!

Ольга ЕРМОЛАЕВА (род. 1947)

Любительский снимок. Терскол

Владимир Иванович Шошин сидит у окна.
Под цвет купороса ледник чуть левей Когутая.
Владимир Иваныч, Отечественная война
С высот Приэльбрусья взирает на Вас, не мигая.

Возьмите бинокль театральный, он тут, на столе,
Приблизьте горячий театр наших действий военных.
Вон облачный пар у Донгуза на чёрном пере,
Контрфорсы хребтов, череда этих граней надменных.

Граниты и гнейсы, и выплеск целительных вод,
Коричневый окисел на диабазном вкрапленьи.
Здесь туф ноздреватый за вечностью вечность живёт,
Он бурый и красный, запёкшийся при изверженьи.

Здесь фирновый снег и озёра моренной гряды,
Каньон ледника – повелителя здешней природы...
И взглядам нечастым сурово являют хребты
Остатки чужих блиндажей – в малоснежные годы.

Здесь сходы лавин, камнепадов хохочущий гром,
Здесь сель, подчистую слизнувший селение сразу...
...В киосках Берлина в году этак сорок втором
Лежали, ощерясь, подробные карты Кавказа...

Владимир Иванович Шошин сидит у окна,
Как будто работник контрольно-спасательной службы.
Так воздух прозрачен, такая стоит тишина,
Но в снежных карнизах все гребни от Накры до Ушбы.

Здесь перед лавиной воздушная мчится волна,
Случайному путнику лёгкие вмиг разрывая...
Что было бы с Вами, когда бы не Ваша жена,
Творилова Женечка, в семьдесят лет молодая?

Владимир Иванович Шошин сидит у окна,
Он кубик сухарика местной аджикой снабжает.
...Под снегом бергшрунд¹⁵, маркировка тропы не видна,
Но тридцать четыре вершины его окружают.

...Когда он кронштадской воды, обессилив, хлебнул:
И сторожевик потонул, и погибли ребята, –
Каких там миров разрежённый услышал он гул,
Каких там высот он тогда ощутил перепады?

Он вытащен был и засунут под чей-то бушлат,
И срочно полился горящий огнём в организме –
Да если бы спирт! – натуральнейший денатурат...
Но этот вульгарный продукт воротил его к жизни.

...Дворец балерины Кшесинской. Метель. Ни огня.
Он – Блока поклонник, он – грубо-рабочая сила...

Творилова Женечка клей с лоскутками ремня
На тот новогодний, торжественный ужин варила.

---

¹⁵ Бершгрунд – нем. большая трещина.

Она постелила ковёр на полу у печи,
И хлеба осьмушку свою разняла на салфетке,
И долго глядела на личико тёплой свечи,
Стараясь не думать о мёртвой, за стенкой, соседке.

А думала про Эрмитаж и про Русский музей...
Им всем выдал клей академик чудесный Орбели,
Затем, чтоб хотя бы в течение нескольких дней
Сотрудники не умирали, а ели и ели...

И был некий звук... и в ответ задрожала душа...
Но, впрочем, весь ужас был ею мгновенно отброшен:
Втащился как зверь в свою нору, победно дыша,
Во всём своём шике морском невозможнейший Шошин!

...Владимир Иванович Шошин сидит у окна,
Он сиднем сидит, потому что он встать не умеет,
Поскольку прошла ампутация, только она,
Нога эта подлая, не существуя – немеет...

Но тридцать четыре вершины стоят перед ним.
Там россыпи гильз, провода полевых телефонов,
И кошей пастушьих бараниной пахнущий дым,
И сонмы космических, кремовых рододендронов.

Как мощен поток радиации там, наверху!
Как солнце объёмно на фирновом поле, в тумане!
А резкие ветры, ударясь о Шхельду в снегу,
Летят на Местиа, где нынче музей Хергиани...

...Как радостный ад, или, может быть, яростный рай,
Он претерпевает вас, горы, уж четверть столетья.
А жизнь, преполняя сосуды, хлестнёт через край:
И Блок, и блокада, и тот Новый год сорок третий...

...Он в тридцать шестом в «школе мужества» был в
Адылсу,
И с ним некий Грот на единой страховке болтался...
О, всё Приэльбрусье мы им подносили к лицу,
А немец большой любознательностью отличался!

И Грот с «Эдельвейсом» вошёл в наши горы в свой срок...
Мы молоды были, просты. Нас ломало и гнуло.
У немцев – системы разборных канатных дорог,
И были у них итальянские белые мулы...

И вот ещё: эти прошли подготовку в горах,
Кого ни возьми – горнолыжников ли, альпинистов.
Сам Гитлер у асов в почётных ходил егерях...
И взят был цветок благородный эмблемой фашистов!..

...За линией снега открылся заоблачный фронт:
До трёх с половиною тысяч над уровнем моря...
Лавина. Ледник. Камнепад. Перепады высот...
Куда там солдатикам, знающим лишь плоскогорье!

Шли энкаведешники, вовсе не бравый кавполк...
Наш воин в равнинной, наивнейшей экипировке
На бой – снизу-вверх! – по чудовищным склонам пополз,
С трудом применяясь к чрезвычайной такой обстановке.

Тут каждая выемка снайперским стала гнездом.
В руках егерей – все господствующие высоты.
Поспешный штандарт в том же августе, в сорок втором,
Воздет на Эльбрусе уже упомянутым Гротом...

...Но Басса отбита! Но сваны помогут теперь!..
Водой снеговой воспалённые глотки мочили.
Майора Ромазова полк – в рваных дырах потерь –
Майора Сироткина свежим полком заменили...

Ещё альпинисты захватчикам врежут по дых...
Грязнов, Каратаева! помните строй ледорубов?!
Сидоренко и Персиянинов... сколько родных! –
Кухтин, Двалишвили, Малеинов и Одноблюдов...

...Владимир Иванович Шошин сидит у окна,
Как обозреватель событий на телеэкране,
И Рушевой отдана ближняя к свету стена,
И редкие книги – стопою на твёрдом диване.

И кортик морской, и сухая изысканность трав...
Как лёгок вихор... лёгок плед на моём капитане...
Весь лёгкий, как воздух – мой Шошин, наверно, пропах
Нагретой сосной и расколотым льдом на Баксане...

Я «мой» говорю, и никто не возьмёт моего,
Коль клетками памяти, сосредоточенно-хмуρο,
Снимает, снимает, прицелясь, снимает его
Зрачок, первобытно надёжней, чем камера эта обскура.

1985. Поселок Терскол, Приэльбрусье,
Кабардино-Балкария

Белла АХМАДУЛИНА (1937–2010)

Метель¹⁶

Переделкино снег заметал.
Средь белейшей метели не мы ли
Говорили, да губы немые
Целовали мороз, как металл?

Не к добру в этой зимней ночи
Полюбились мы пушкинским бесам.
Не достичь этим медленным бегством
Ни крыльца, ни поленьев в печи

Возносилось к созвездьям и льдам,
Ничего еще не означало,
Но так нежно, так скорбно звучало:
Мы погибнем, погибнем, Эльдар.

Опаляя железную нить,
Вдруг сверкнула вдали электричка
И оттаяла в сердце привычка
Жить на свете, о, только бы жить.

---

¹⁶ Стихотворение обращено к Эльдару Кулиеву, сыну Кайсына Кулиева, в начале семидесятых годов являвшемуся мужем Беллы Ахмадулиной.

Юсуф СОЗАРУКОВ (1952–2008)

Возвращение

– Ой, аннам!
    Что за черные птицы за нами летят?
– Это горести наши.
    Их мало осталось, сынок.
– Ой, аннам! Я боюсь их.
    О чём они это кричат?
    Они скоро умолкнут.
    Но ты их запомни, сынок.
– Ой, аннам!
    Что ты плачешь над горсточкой здешней земли?
– Это горсточка Родины, вновь обретенной, сынок.
– Ой, аннам!
    Что над тучами там заблестело вдали?
– Наши горы!
    Мы снова Народ!
    Это Счастье, сынок!

Аркадий КАЙДАНОВ (род. 1955)

***

Мы не проспали. И в знобящий час
Росы и пробуждения растений
Балкария приветствовала нас
Гортанным голосом речушек и селений.

Вдоль вьющейся тропинки рос кизил,
Светился красно-огненным пунктиром.
Такой рассвет безумствовал над миром,
Что вынести – не доставало сил!

О, Господи, какая чистота!
Пусть мы ничтожны, но она – всеильна!
Какой вселенской гениальной синью
Пронизана над нами высота!

Восторженная спутница моя,
Дитя смиренных готикой кварталов,
Всем телом, всей душою трепетала,
Как стронга в горле горного ручья!

Пройдет и это. Грянет суета,
Мы будем жить, работая и ссорясь.
Но неизбывна в мире чистота,
Как небо, мука, музыка и совесть.

1977

Лето. Балкария

Где пали на склоны дуга сенокосные
В преддверии вечных снегов
Меня врачуют своим спокойствием
Старые женщины гор.

Целебны их речи неторопливые,
Как выбродивший айран.
И пламя костров лошадиными гривами
Полощется по вечерам.

А ночи опоены травами мятными;
И истину жизни тая,
Лишь голос речушки напоминает мне
О быстроте бытия.

Светлана МОТТАЕВА
Наедине с зеркалом

*Лица кавказской национальности...
Из публицистики, наших дней*

Я в зеркале свое лицо
Теперь пытаюсь изучить,
Оно – кавказское, увы,
И как с лицом подобным жить?

Я, воздававшая богам
За счастье быть всегда собой,
Теперь едва ли им воздам
За эпатажный облик мой.

За этот нечестивый вид
И за надменное чело,
За то, что носом знаменит
Мой предок был всему назло.

За то, что жил он вопреки
И по понятиям иным
На берегах шальной реки,
В ауле с именем Кюнним.

Я, воздававшая богам,
За счастье быть всегда собой,
Теперь едва ли им воздам
За непотребный облик мой...

26.07.1994

Монолог кавказца

*В Казани он татарин,
В Алма-Ате казах....*

Разноязыкий говор –
Наследие отцов,
Но слышу бред: кавказцы –
Все на одно лицо.
Одно оно в Казани,
В Алма-Ате – одно,
В Полтаве и в Рязани,
И в Курске – всё равно.
Я не ингуш, не лакец,
И вовсе не адыг,
Тем паче – не балкарец –
Ведь нету таких!
Итак, забыто имя
Моё, в конце концов,
И мне навязан имидж –
«Кавказское лицо!»
Не отрекусь и ныне,
И не предаю отцов –
Да, я лицо Кайсына,
Гамзатова лицо!
Гроза времен ярится,
В смятенье племена,
Кавказ, кавказским лицам
Ты – Родина одна.

Владимир ФЕДИН (род. 1946)

Карачай

Ездил я в тот год, встречая
Старость первую свою,
По долинам Карачая,
В зачарованном краю.

Вдоль реки, сиявшей сизо,
Шёл в безлюдной тишине.
Звезды зоркие Архыза
Говорили обо мне.

И вступал я на закате
В мир израненных камней,
Забывая об утрате
Давней юности моей.

В опустевшем Божьем доме
Светоносная игла,
Брызнув золотом в проёме,
Как судьба меня вела.

И цвели костры пастушьи
В море чуткой темноты,
В хоровом единодушье
Пели горные хребты.

Юрий БЕЛИЧЕНКО (1939–2002)

Терскол¹⁷

О.Е.

Ты помнишь, любимая, горские эти дворцы,
Где имя хозяек призывно коровы мычали
И женщины шли из домов, подоткнув подолы,
И ведра несли, и по-горскому им отвечали.

Потом начинался прерывистый звук молока,
Десятками струй ударявшего сбоку по жести.
И древний порядок, который бытует века,
Опять утверждался, исполненный смысла и чести.

А рядом мы жили в надоблачной этой стране,
Меж страхом и снегом на вогнутых лыжах летая.
Где так я бежал, так бежал я наверх по лыжне,
Когда ты упала на слаломный склон Когутая!

Где стал принудительным этот порядок смешной –
Макать свои лица в когтистые струи нарзана.
Где белым и черным дымился базар шерстяной,
У зябнущих лыжников опустошая карманы.

Там праздные козы легко заходили в кафе,
Из черных бочонков лениво текло «Напареули»
И с нами смеялся, пришпилив дыру в рукаве,
Весёлый десантник, оставивший руку в Кабуле.

¹⁷ Терскол – поселение в балкарском Приэльбрусье, лыжный курорт.

На снежный хребет вечерами слетала звезда.
И жизнь на земле становилась воистину раем.
Но шли по стране и кричали внизу поезда.
И женщины шли, подоткнув подола, по сараям.

И малый козленок, попавший на скальный отвес,
Во мраке просил у людей теплоты и свободы.
И ветры тугие, слетая с высоких деревьев,
Вели на равнину густые гурты непогоды...

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ (род. 1946)

Первые воспоминания

Узнаю бесконечное лето,
Вижу, вглядываясь во тьму,
Одеяло горчичного цвета,
Солнцем выжженную кошму.

Ключья жизни неистово-острой
Возникают в разорванном сне.
Вновь сменяющиеся медсестры
Днем и ночью подходят ко мне.

Шоколадки и пестрые книжки
За терпение дарят они.
Колют, колют меня без отдышки,
И сменяются ночи и дни.

Встречу взгляд сострадательно-зоркий
И замечу, что я не один...
В порыжелой стоит гимнастерке,
Смотрит ссыльный Кулиев Кайсын.

1987

Улица Кулиева

Улица Кулиева в Бишкеке.
Грязные ограды высоки.
Хмурые уйгуры и узбеки,
Белые киргизов колпаки.

Русские столыпинской закваски,
Ставни и заборы из тесин.
Хижина, где жил поэт кавказский,
Виданный в младенчестве Кайсын.

Дом, где ждал он писем Пастернака.
Сизых гор волшебный полукруг,
Мусор, шелудивая собака,
Кладбище, где мой схоронен друг.

Сизый дым и вывеска харчевни,
Кушанье Китая «ашлам-фу»,
Запах роз и нежность пыли древней,
Выплывает детство, как в тифу.

Ночью – жар и ветра опахало.
Я не сплю и не включаю свет.
Для чего мне это? Разве мало
Всех былых и предстоящих бед?

Все равно отречься не сумею
И чужую понесу беду.
Темную, чумную «Одиссею»
Через «Илиаду» проведу.

1995

В старой Алании

1. Карачай

К. М. Алиеву

Страна метеоритного железа
И византийских каменных церквей,

Здесь воскресили нарта Ачемеза –
Ну, отомсти, но только не мертвей!
Не мезтью – жизнью горный веет воздух,
Целебной мощью благовонных трав,
И вновь своё вещает небо в звёздах,
Склонившись к башням, на снега упав.
Там иссиня-черно, здесь млечно-сизо,
И вечно зорким оком чабана,
Не только телескопами Архыза,
Исследуется эта глубина.
И, может быть, когда земля пустела,
Когда народ клеймо изгнанья нёс,
Из этой тьмы, взывавшей то и дело,
Из этой бездны грозный шёл запрос.

2

Убили активистов и евреев,
Сражались храбро в ледяных горах
За фюрера и Фатерланд, посеяв
На перевалах ржавчину и прах.
Рассыпались, истлели, улетели,
В разбомбленные скрылись города...
А здесь вошли в немой аул метели,
И пустоте дивилась Теберда.
И жгучие тьянь-шаньские созвездья
Изгнанье осенили тяжело.
Ненужные последние известья
Безжалостное радио несло.

3

Рунические письмена,
Зигзаги рубленых каракуль,
Все переживший времена
Рисунка вьющийся каракуль.

Ребёнок, всадник, тур, стрела
И рот разинувшая рыба,
Где лишаями поросла
О Лувре грезящая глыба.

4. Архыз

Пустынный храм в лесной стране аланов,
Но Бога нет, он вдалеке воскрес.
В алтарные живые окна глянув,
Повсюду видишь облако и лес.
Давно здесь к новой обратились вере,
А, может быть, вернулись тайно к той,
Где с ними разговаривают звери
И носят птицы волос золотой ...
Сдав идолов, стояли у купели,
Страшась икон, стесняясь наготы;
И волновались в поле, и кипели
Языческие чуткие цветы.
Пусты гробы гранитные царевен,
Цветущих трав ликует ералаш.
И только воздух всё ещё напевен,
И чудится под сводом: «Отче наш!»

5

Я размышляя, читая «Жизнь растений»,
Что вырос криво, вяну на корню,
Что каждому даётся в детстве гений,
Но даже проблеск я не сохраню.
Всё протекло в бореньях иллюзорных,
И разнотравье свежее встаёт...
Пошло в размол – пойми, что было в зёрнах!
... Звенели пчёлы, собирая мёд.
Вот жизнь прошла, и на кавказских высях,
Где я бродил, угрюм и одинок,

Мне протянул отшельник-астрофизик
Высокогорный белый василёк.

2004

Бийчесын

I

Горяч был ветер тайны и пустыни,
Освобожденья от вседневных уз,
Но осенил меня на Бийчесыне
Белеющий, как забытье, Эльбрус.

Все разбрелись попутчики по склонам,
И я один. Как в юности, как встарь,
Меня пронзает веяньем бездонным
Веков минувших мыслящая гарь.

Войду в нее и с ней сумею слиться,
Чтоб выплывали из души моей
Текучие пастушеские лица
И лики умиленные коней.

Сент. 2004

II

И найду в полынном поле
У нарзанных вязких рек
Поздний зной последней воли
И под звездами ночлег.

Прах кочевья, сон кургана
Под копытцами овцы,
Пыльный дым, в котором канув,
Исчезали беглецы.

От сияния проснусь я,
И блеснут во мгле сырой
Луговины Приэльбрусья,
Озаренные горой.

Перед снежной крутизною,
Под лазорью навесной
Сладко таять в свежем зное,
Погружаться в древний зной.

Вот упавшая подкова
Рассыпается, пока
Очертанье верхового
Скачет в прошлые века.

2005

***

В звездном небе хазарского края
Византийские церкви встают,
И Пророка луна золотая
Над горами восходит, венчая
Сочетанье чудес и причуд...

В гулкий эпос пещер Карачая
Входит сумрак сегодняшних смут.

2003–2012

Памяти Кулиева

На улице вьюга, но слышу во сне,
Как горлицы юга поют о весне.
И вижу – дрожа, пробуждаются вдруг
То кряжистый тополь, то робкий урюк.
Мне чудится детство в обители муз,

Где с гулом, как скачки, клокочет комуз,
Где радиогрохот: «Убийцы-врачи!»
И шепот родителей длится в ночи.
Я чуть прозреваю гонимых судьбу,
Незримые клейма на сморщенном лбу.
Мне видится ссыльный Кулиев Кайсын,
Которого позже любил я, как сын ...
Но дух благовонный цветущей джидды
Бывает сильнее, чем привкус беды.
Окончится ссылка, продлится весна,
Минувшее – вишен зальёт белизна.
И скроет урюковый розовый сон
Могилы народов, раздоры племён.

7 марта 2013

***

А там, средь гор хазарских Карачая,
У быстрой, неразумчивой воды,
Свои плоды роняя и дичая,
Стоят аулов брошенных сады.

Сады, сады... Но у стремнины пенной
Немногие остались деревца ...
Циклопами воздвигнутые стены
Всё в ожиданье гостя и гонца.

То глянешь в небо, средь развалин стоя, –
На сонмы душ в потоке облаков,
То яблочко поднимешь, налитое
Тягучей болью странствий и веков.

11 марта 2013

***

Как лёд киркой ни колоти,
От века пращуров доньне
Хребет зимой не перейти
И негде спрятаться в долине.

Придут чужие, сея страх,
И жить по-своему заставят,
Потом за это впопыхах
Народ сошлют и обесславят.

И там, где стелются пески
Непостижимого изгнанья,
Всё снились предки-степняки
И превращались в изваянья.

Осиротевший мелкий лес,
То меднолист, то нежнозелен,
Всё шелестел и в душу лез
И осенял туман расселин.

И эта белая гора
При свете лампы вполнекала,
Как дремлющая медсестра,
У изголовья возникала.

21 февраля 2014

Маргарита НОГТЕВА (1936–2013)

Безенгийская стена

I

Где подвиг, там розы, как грозы,
Сверкают в расщелинах скал.
И вытер чегемские слёзы
Суровой рукой аксакал.
Одни лишь орлы да аланы
Успели той сини хлебнуть,
И ласточки в край великанов
Усеяли звездами путь.
Там море растений альпийских,
Там горы забот неземных,
И ответ на всем безенгийской
Сверкающей горной степи.

II

Круговерть изумрудной воды
И форели угасшие звуки –
Как могла я себя победить,
Этот горестный праздник разлуки?

Как могла я решиться запеть
Эту песенку, столь бесполезную?
Ни о чём не пристало жалеть
У стены Безенгийской над бездною.

III

Всю ночь от светлого окна
Ложилась тень орла, –
О Безенгийская стена,
Вершина Гестола¹⁸.
Мой мальчик! Градом алычи
Нас ветер обласкал.
Смотри, курчавится Гюльчи,¹⁹
Как роза в облаках.
Нас жгучий образ вдохновил.
Закон сердец един.
Пока у всех у нас в крови
Течет река Адил²⁰.
Она одна нам предрекла
Вершину лет и дней
И голубую тень орла
На ледяной стене.

IV

Это Верхний и Нижний Чегем.
Мелкорядье осеннего бука,
Словно счастье нарушится тем,
Что себя обрекаем на муку.
Одолеем вершину и спуск
И хребтов крутизну одолеем
Прежде чем до бесчувственных уст
Не дойдем по тропинке оленьей.
В глубину устремлен водопад,
Но падение взлёта милее,
И остывшие брызги летят,

---

¹⁸ Гора в Кабардино-Балкарии.

¹⁹ Гора в Кабардино-Балкарии.

²⁰ Карачаевско-балкарское название реки Волги.

Словно слёзы из глаз Водолея.
У коня бледно-синяя масть,
И народ по дороге к Чегему
Сгоряча успевает попасть
На лету в промелькнувшее стремя.

Сергей МАРКУС (род. 1955)

Карачай. Сошествие-восхождение

Царевна тишины сошла вчера с Эльбруса
И, взяв меня под локоть, повела
В заснеженное царство тюрков древних,
Там, где за медным зеркалом стоит
Огромный волк, а рядом с ним волчица,
Вокруг же стая маленьких волчат.
То стаи, племена, семейства вольных тюрков –
Смеются надо мной и ласково скулят.
– А что им я? Зачем сюда введён я
Тобой, красавица, ты скажешь или нет?
– Всё напиши про них, про каждого. Не скрою,
К тебе я шла не зря: будь песнопевцем их!
... Я закачался – рядом пропасть, солнце,
Их языка не знал и веры их не ведал.
Царевна тишины за зеркалом смеётся.
Иду к тебе, Эльбрус, ведь ты меня позвал.

Салам, эрттенлик! – Привет утро!²¹

Привет тебе, утро прозрачных гор,
Речи древней забываем лепет,
Хохот девушек, бьющих кувшины страха –
Мой народ, переживший отгон к Китаю,
Там, в киргизских простывших даях,

²¹ Название первой книги стихов Кайсына Кулиева на родном языке, 1940 год.

Там, в казахских горячих сопках –
Выжил, выжил! Назло злу. Выжил, выжил!
И вернулся к Эльбрусу, ты Минги-тау.
Мы навеки в сиянье Вечной горы, навеки.
Нас посеял сюда семенами в камень
Сам могучий и твердый Владыка Неба.
Минги-тау, несём мы с собою в сердце,
Даже, если нас бросят на смерть в ущелья,
Прорастём, прорастём – увидишь!
Минги-тау несём мы в сердце.

Шахриза БОГАТЫРЕВА

На сенокосе

Отдыхаю на стогу высоком –
Из цветов вчерашних это сено,
Дикий щавель истекает соком
Из надкушенной зеленой вены.

Роспись в воздухе осы жужжащей,
Травяным настоем хмельно веет,
Из ущелья ветерок дрожащий
В полдень солнечный влетел – и млеет.

Валуны шлифующей Кубанью
Тишина нарушена знакомо,
Расплатился луг обильной данью,
Сенокос – июль – жара – истома.

Медный грохот вод – как ритмы танца,
В полудреме шум Кубани – рядом,
Льется с неба пыл протуберанца
Огненным слепящим водопадом.

Облачко в белесом зное тает,
Прячется улитка сонно в келью,
И кузнечик соло вдруг вплетает
Дерзкой торжествующей свирелью.

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ (род. 1958)

Город Нальчик

Игорю Терехову

Хоть в мечеть обратился «Ударник»,
Хоть реклама повсюду в чести,
Хоть всё больше фасадов шикарных, –
От тебя, слобода, не уйти.

Пусть три слоя гудрона полягут
Здесь на землю подобьем оков,
Но проступит и прежняя слякоть,
И булыжники прошлых веков.

Пусть малюет хоть кто не по-русски:
Pizza, Club, Vavilon ли, Vivat, –
На углах, как и раньше, старушки
Сядут семечками торговать.

Даже если я буду сподоблен
Корбюзье изощрённых затей,
Не поверю в кончину колдобин,
Закоулков, трущоб, пустырей.

Светляки до сих пор не потухли,
Хоть, конечно, неону – мерси.
Нацепив итальянские туфли,
Самотечную грязь помеси.

Коль налипнет саманная глина,
Захолустье винить не спеши:
Не провинция в этом повинна,
А особое зренье души.

Мир обманной завесой окутан,
Но черты его сквозь ширпотреб
Прозревает художник Колкутин –
И все прочие, кто не ослеп.

Юруслан БОЛАТОВ (род. 1962)

В Балкарии

В твоих ущельях вечный ветер веет,
И полон нежности, он розовеет,
Касаясь новой тайны ледника,
В котором – неизбывность родника
И судьбы Мирового Океана.
О, Родина моя, как ты желанна!

***

Летит измирский ветерок
Вдоль жёлтых берегов Орхона
К суженой – флейте.

***

Подобно Лорке я стихи слагал
В Галисии, её далёкий сын,
По древним берегам её шагал,
И помнил имя светлое – Кайсын.
О два поэта сердца одного!
Оно – внутри меня, внутри планеты,
И так пылает, словно от него
Зависят все народы, все поэты.

Дмитрий ЛУНИН (род. 1982)

Руслану Батчаеву

До бессмертия десять шагов,
Но не в силах пройти и пяти,
Ты всю жизнь говорил с пустотой,
Безысходного века найдёшь.
Ты учился ходить, не оставив следов,
И сожженный фитиль
Странной памяти лег,
Угасая,
Забрал у тебя
То, что помнишь.

До бессмертия десять шагов.
Умоляю тебя, не молчи!
Положи на ладонь городов
Хоть немного
Того, что осталось...

Безвозвратно уходишь во тьму
Запоздалым трамваем в ночи
Ото всех,
От себя самого
Ощущая усталость...

Тахир ТОЛГУРОВ (род. 1964)

У кинотеатра «Восток»

... И мимо. Когда слезятся серые глаза киоска
В тени тутовника ...
Здесь – час семнадцать, и уходят мимо,
Игла, слюда и солнце. Остро, косо.
От кварцевой песчинки в стене востока
Сквозь час по полдню.
И Нальчика тенистые дворы
Бьет вдаль изломанная жесткая звезда.
Сейчас. Пока я здесь. Пока я есть.
Пока я помню ...
И вдаль, и мимо ...
Сейчас.
То есть всегда.

Владимир РОМАНЕНКО (род. 1948)

Ковыль

Ковыль, ковыль, седины ковылей
Среди полей, среди полынной пыли –
Как будто табуны шальных коней
В степные травы гривы уронили...

Здесь бьются ветры из далеких стран,
Плечо в плечо под низким небом встретясь,
Волнуя степь, как в прошлом океан –
Неугомонный, первозданный Тетис...

Теперь здесь твердь, сияющий простор,
Парят орлы, куда-то мчат машины,
А океан давно спустился с гор,
Как альпинист, уставший от вершины.

Парит земля. Сквозь зыбь воздушных струн
Столетия выплывают из тумана...
Здесь шли алан, и половец, и гунн,
Катили лавой орды Тамерлана.

А их Владыка, словно въехав в Рай,
Сошел, замороженный, с колесницы,
Сказал: О, как прекрасен этот край!..
Но так и не сумел остановиться...

Теперь здесь мы. У нас одна страна,
И значит – то, что всем необходимо,

Единый хлеб, история одна,
И Бог един, и совесть неделима,

И неделимы свет, и дождь, и пыль,
Течение рек, соцветья иван-чая...
...Вот у дороги клонится ковыль
И я ему поклоном отвечаю.

Архыз

Александр КУШНЕР (род. 1936)

***

Мы в постели лежим, а в Чегеме шумит водопад.
Мы на кухне сидим, а в Чегеме шумит водопад,
Мы на службу идем, а в Чегеме шумит водопад,
Мы гуляем вдвоем, а в Чегеме шумит водопад.

Распиваем вино, а в Чегеме шумит водопад.
Открываем окно, а в Чегеме шумит водопад.
Мы читаем стихи, а в Чегеме шумит водопад.
Мы заходим в архив, а в Чегеме шумит водопад.

Нас, понурых, с колен, а в Чегеме шумит водопад,
Поднимает Шопен, а в Чегеме шумит водопад.
Жизнь с собой не забрать, и чему я особенно рад, –
Буду я умирать, а в Чегеме шумит водопад!

ПЕСНИ И ЗАКЛИНАНИЯ НАРТОВ

Ильяр Миниев. В краю Нартов. 1982

Моление нартов Тейри

Тейри! Я, нартов сын, – твой раб, а ты – господин!
Мощный Тейри Воды кровь мою сотворил,
Властный Неба Тейри душу мне подарил,
Щедрый Тейри Земли в силу своей доброты
Пищу дарует нам; охотничью дичь – Апсаты.
О Тейри! Твоя кровь в жилах нартов течёт,
Плоть от плоти твоей – нартский вольный народ.
Кланяюсь я тебе, гнусь, как таловый прут,
Имя твоё, Тейри, нарты с трепетом чтут.

Умай-бийче

Нарты, нартов потомки, – слуги Тейри,
Все – джигиты бесстрашные, богатыри.
Нарты – дети волчицы, для этих волчат
Всех превыше Умай, нарты все её чтят.
А Умай-бийче, это – дочка Тейри,
Как прекрасна она – подивись, посмотри!
Оленихою белой приходит во сне.
Бег её – как полёт звезды в вышине,
И рога её юной подобны луне,
И глаза – словно утренняя звезда.
О трёхногая, щедрая к нам всегда,
Диво дивное, белый марал Умай!

Заклинание

Тюйюш-түйюш-түйюшде,²²
Кто с шекелом²³ твоим во вражде,
Пусть узнает он что почём,
Пусть под нартским падёт мечом,
Пусть его опустеет дом,
Но всегда в жилище твоём
Будет много любящих душ
И поёт попугай, тутай куш,
Пусть играет, пристав к детворе,
Новый нарт у тебя во дворе!

Элия²⁴

В небо взирая, богатыри поют сейчас: «Элия».
– Эй, наклонись, с небес посмотри, выслушай нас, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Все до единого в нартском краю, все собрались, Элия!
Все почитают волю твою, так покажись, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Радость не в радость, когда не мил свет без тебя, Элия!
Нет на охоте удачи – сил нет без тебя, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

---

²² Буквально «Бой, бой, в бою...». Здесь лепет сказительницы стал присказкой для рифмы

²³ Шекел – очевидно, идол, хранитель жилища.

²⁴ Элия – бог грома и молнии, покровитель нартских воинов (очевидно, библейский пророк Илия, вошедший в языческий пантеон).

Кто без тебя озарит нам путь, в тучах блеснёт, Элия?
Разве пойдет без тебя кто-нибудь ночью в поход, Элия?!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Ночью и днём во всём твоя власть в чаще лесной, Элия!
Кто без тебя сумеет попасть в зубра стрелой, Элия?!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Пить без тебя не сладко сыру²⁵ – ноют сердца, Элия!
Ночь без тебя не светлей к утру, нет ей конца, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

При смерти нарты, прежде всего, тебя почтут, Элия!
Благословения твоего старцы ждут Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

В небе с Тейри пребываешь ты, сиятельный Элия!
С нартами вместе вкушаешь ты зубрятину, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Головы благоговейно клоня, внемлем тебе, Элия!
Радостно ночью и в блеске дня видим тебя, Элия!

Элия, Элия, Элия!

Элия, Элия, Элия!

²⁵ Сыра – хмельной напиток, пиво.

В нартском краю, как видишь ты сам, длится война, Элия!
Кони устали, что делать нам? Чья тут вина, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Без перерыва – закон таков – стрелы летят, Элия!
И побивают сотни врагов стрелы, как град, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Стрелы свистят, что крылья орла, – тянется звук, Элия!
И за стрелою пронзает стрела звенья кольчуг, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нартские копья скалы крушат, как позвонки, Элия!
Головы вражки сносят подряд нартов клинки, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Так не сверкнёшь ли ты, прогремев? Зол ли твой дух, Элия?
И не сметёт ли врагов твой гнев, вскинув, как пух, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Силы мы просим, яви волшебство, дай победить, Элия!
Нарты ведь только тебя одного могут так чтить, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нашу отчизну враг-живоглот думает сжечь, Элия!
Нынче в тревоге нартский народ... Где же твой меч, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Движется враг, землю губя, – из Адиль-суу, Элия!
Сможем ли выстоять без тебя? Всё на весу, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Крепости нартов превыше седых горных гряд, Элия!
Словно Дых-Тау в зубцах снеговых, башни стоят, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нарты сегодня вступили в бой, ворог так лют, Элия!
Кто же у нартов остался живой? Жены их ждут, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Все ли вернутся богатыри? Близится бой, Элия!
Будут ли в нартском краю, говори, мир и покой, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Верный, хранящий нартский народ друг у нас есть – Элия!
Ворон тебе от нас отнесёт добрую весть, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Песнь о Сосурке

Нарты с горы Гезам выехали поутру,
Остались вдруг без огня – мёрзнут на злом ветру.

Каратора взнуздав находчивый Сосурка,
Молвил: «Ждите меня, добуду я огонька!»

В узком ущелье он увидел отсвет костра,
Слабо мерцала во мгле каменная нора.

Въехал в пещеру и, придержав коня,
Эмегена узрел, спящего у огня...
Выхватив головню, кинулся к свету дня.

Но искра попала в глаз спящему... Этот вой
Пусть бы в свой чёрный день слышал лишь ворог мой!

– Откуда ты взялся, нарт? Как ты попал, пострел,
В мой эмегенский край, меня разбудить посмел?

Ваши аулы сметём, смерчем пройдем по ним,
Вторгнувшись в нартский край, нартов мы истребим.

Мы их густую кровь выпьем, как воды рек,
В рабство нартских детей мы обратим навек...
Не правда ли, их страной правит нарт Ёрюзмек?

– Да, наш вождь – Ёрюзмек, нартов он в бой ведёт!
Доблестный Ёрюзмек – нартской страны оплот!

- Скажи, человеческий сын²⁶, остёр ли меч Сосурки?
- Отточенный режет он скалы, что курдюки!

- Скажи, человеческий сын, остро ли его копьё?
- Словно овечий сыр, камни пронзит остриё!

- Скажи, человеческий сын, стрелы его остры?
- Долетая до звёзд, входят в иные миры,
На излёте своём пронзают гребень горы!²⁷

Песнь в честь Сосурки

Славен нартский батыр Сосурка!
Орира, орира, орира!
Он – всех нартов кумир, Сосурка!
Орира, орира, орира!

Грозный нарт с копьём золотым!
Орира, орира, орира!
Мощный нарт со щитом стальным!
Орира, орира, орира!

Как блестит его шлем золотой!
Орира, орира, орира!
Собирайтесь нарты на той!
Орира, орира, орира!

Он могуч, ни с кем несравним!
Орира, орира, орира!
Всеми нартами он любим!!
Орира, орира, орира!

²⁶ В этой песне Сосурка именуется именно «человечьим сыном», а не особым мыслящим существом, предшественником человечества – нартом. Хотя о нартах и пелось чуть ранее. Очевидно, здесь выражено сравнительно позднее о них представление.

²⁷ Здесь текст обрывается; концовка песни была забыта престарелым сказителем.

В его честь у нартов байрам!
Орира, орира, орира!
Нынче все приходите к нам!
Орира, орира, орира!

Сосурка – наш славный батыр!
Орира, орира, орира!
В его честь мы устроим пир!
Орира, орира, орира!

Ждём и отрока, и старика!
Орира, орира, орира!
Нам принёс огонь Сосурка!
Орира, орира, орира!

Песнь о Сибильчи

Всласть барсучьего мяса поев,
Перед дорогой повеселев,
Нарты аульный покинули кров...
Едут и видят стадо коров.
Но пастуха нигде не видать,
Кто их пасёт, нипочём не понять –
Сами пасутся, пока светло.
Вечером стадо к пещере пошло...
Спутникам, отходящим ко сну,
Молвив: «Аланы, дайте взгляну:
Если жильё человечье там,
Гостеприимство окажут нам...», –
Ушёл Сибильчи... Как вдруг по холму
Идёт эмеген навстречу ему.
Во лбу единственный глаз горит,
Ласково эмеген говорит,
Гостя в пещеру свою ведёт,
Цельной скалой закрывает вход.

Жаркий костёр, торопясь, развёл,
И (воскликая: «Тейри велик!
Мне человечесий послал шашлык!»)
Поворотился, чтоб кинуть дров ...
Тут этот вертел, что стал багров,
Схватил Сибильчи и что было сил
В глаз эмегена его вонзил ...

Слеп эмеген, кричит без конца,
Бродит в пещере, ища наглеца.
А Сибильчи уж не страшен враг.
Всё же как выйти, выбраться как?
Нет, не подвинуть скалу Сибильчи!...
Утром, почуяв солнца лучи,
Стали коровы мычать в углу,
Тут эмеген чуть сдвинул скалу.
Щупая шерсти каждую пядь,
Тёлку за тёлкой стал выпускать.
А Сибильчи, что остался внутри,
Вновь он искал до вечерней зари.
Приутомившись, очаг свой разжёл...
Нарт совершил свой неслышный прыжок.
Тот же он вертел сунул в огонь ...
Вот остриё покраснело – не тронь!
Вот эмеген, чтобы стадо вошло,
Сдвинул свой камень, дохнув тяжело ...
Нарт, от отчаяния жесток,
Огненный вертел всадил ему в бок.
Бросив скалу возле каменных стен,
Кинулся на Сибильчи эмеген.
Твёрд Сибильчи – ткнул чудовищу он
Вертел в глазницу и выбежал вон ...
Всё ужасался, помня свой плен,
Что по пятам побежит эмеген.

Дух перехватывало на бегу...
Вот уже спутники, он в их кругу!
Страдая без пищи и без воды,
Нарты бежали от пущей беды
Туда, где ночёвка прежде была ...
На месте костра лежала зола.
Под ворохом этой золы глухой
Желудок с варёною требухой²⁸
Нашли и поели они ... Ей-ей,
Еще не бывало еды вкусней!
Зари не дождавшись, двинулись в ночь.
Бешено мчались, и стало невмочь.
Туда добрались, где скрытый от глаз
Медвежьего мяса лежал запас.
Птицы склевали большую часть ...
То, что осталось – на радость и всласть!
Кажется, лучше яств не найти ...
Видят: обувь сносила в пути.
Тотчас нарты из спрятанной тут
Шкуры медвежьей чабыры шьют ....
Выспались, отдохнули денёк,
И снова в дорогу, не чуя ног!
Входят в аул, где нартский народ
Всё так же в здравии добром живёт.

Песнь о Болат-Хымыче

Был грозен Болат-Хымыч,
Уой, уйрайдара.
От плеча до плеча –
Уой, уйрайдара.
Семь сажень и вершок,

---

²⁸ Балкарские и карачаевские охотники, если у них с собой не было никакой посуды, мясо варили в желудке убитого ими животного.

Уой, уйрайдара.
А в поясе как широк –
Уой, уйрайдара.
Два обхвата, поверь,
Уой, уйрайдара.
Две прилежных жены,
Уой, уйрайдара.
Валять ему бурку должны,
Уой, уйрайдара.
В бурке – сядет в седло,
Уой, уйрайдара.
В ней и в буран тепло,
Уой, уйрайдара.
Сто овец обстригут,
Уой, уйрайдара.
И весу в ней станет пуд,
Уой, уйрайдара.
Вот катают бурку его,
Уой, уйрайдара.
Валяют бурку его,
Уой, уйрайдара.
Поют «Ийнай» для него,
Уой, уйрайдара.
Сладко Хымыч вздремнул,
Уой, уйрайдара.
Им чудится – он уснул,
Уой, уйрайдара.
– Вот если уедет Хымыч,
Уой, уйрайдара.
К аварскому хану уйдет,
Уой, уйрайдара.
Там дочь его – в жены возьмет,
Уой, уйрайдара.
Сто всадников даст ему хан,

Уой, уйрайдара.
И сто возов с кумачом,
Уой, уйрайдара.
С ложа вскочил Хымыч,
Уой, уйрайдара.
Видно, был горд, горяч,
Уой, уйрайдара.
- Не быть же мне Хымычом,
Уой, уйрайдара.
Не отступлюсь нипочем,
Уой, уйрайдара.
Я дочку хана возьму,
Уой, уйрайдара...
Сказал – и скрылся во тьму,
Уой, уйрайдара.
А в ханстве бурлит народ,
Уой, уйрайдара.
Стрелков состязанье идет,
Уой, уйрайдара.
Вот зеркало, вот игла,
Уой, уйрайдара.
Попала в иглу стрела –
Уой, уйрайдара.
Наградой – ханская дочь.
Уой, уйрайдара.
Стреляют, целятся всласть,
Уой, уйрайдара.
Да только не могут попасть,
Уой, уйрайдара.
Пускает Хымыч стрелу, –
Уой, уйрайдара.
Враз раздвоил иглу,
Уой, уйрайдара.
Вот поскакали прочь,

Уой, уйрайдара.
Хымыч и ханская дочь,
Уой, уйрайдара.
Сто всадников – следом вскачь,
Уой, уйрайдара.
И вот арба за арбой,
Уой, уйрайдара.
Въезжают в Хымычев двор,
Уой, уйрайдара.
Вскричали обе жены,
Уой, уйрайдара.
– Не наше это добро,
Уой, уйрайдара.
Чужой, не Хымычев скарб,
Уой, уйрайдара ... –
Во двор не пускают арб,
Уой, уйрайдара.
Тут подъехал Болат-Хымыч,
Уой, уйрайдара.
Виновниц успел застичь,
Уой, уйрайдара.
– Она здесь шумит, – она!
Уой, уйрайдара.
– Врет, это – ее вина!
Уой, уйрайдара.
Срывает засов дверной,
Уой, уйрайдара.
Лопата – в руках у другой,
Уой, уйрайдара.
Тут грянул короткий бой,
Уой, уйрайдара.
И нет ни этой, ни той,
Уой, уйрайдара.

Песня нартских охотников на зубра

Из аула Схуртуковых едем в поход,
Ойра, рирара, ой!
На охоту в леса Ёрюзмек нас ведет,
Ойра, рирара, ой!

Его смелому сердцу мы кровь отдадим,
Ойра, рирара, ой!
Как и он, гордецы, вместе с ним победим,
Ойра, рирара, ой!

Мы доскачем до гор, до вершин снеговых,
Ойра, рирара, ой!
Диких зубров найдем, доберемся до них,
Ойра, рирара, ой!

Да пребудет и силу дает Элия,
Ойра, рирара, ой!
Молвит ворон, где счастья лежит колея,
Ойра, рирара, ой!
Задрожала земля – это кони пошли,
Ойра, рирара, ой!
Взмыли в звездное небо, и – прочь от земли,
Ойра, рирара, ой!

Это нас Элии осенило крыло,
Ойра, рирара, ой!
Пусть в пути от него будет нартам светло,
Ойра, рирара, ой!

Наши нартские крепости гордо стоят,
Ойра, рирара, ой!
Злые орды отбив, семьи нартов хранят,
Ойра, рирара, ой!

Грянул дождь наших стрел, он кольчуги крушит,
Ойра, рирара, ой!
С громом наши мечи разрубают гранит,
Ойра, рирара, ой!

Кто преследует зубра, не кормит коня,
Ойра, рирара, ой!
О привале забыли мы, зубра гоня,
Ойра, рирара, ой!

Не касаясь земли, резвый конь пролетит,
Ойра, рирара, ой!
На земле не оставит следов от копыт,
Ойра, рирара, ой!

Постреляем из луков мы в Чууана,
Ойра, рирара, ой!
Отдохнем у Адили, где брага пьяна,
Ойра, рирара, ой!

Песня нартов, возвращающихся из похода

Оком окиньте страну нартов издалека:
Длятся ли там пиры, всё ли там жизнь сладка?

Вот окончен поход! Аланы, отчизна ждет!
Мимо встречных летим, кланяясь на скаку,
Если заговорим – желаем добра земляку.

Легкой ваты нежней поступь наших коней,
А случится – они мчатся белки быстрей.

Все преграды падут перед нартским мечом,
Нам и смерч нипочем – неодолимы мы,
В многодневном бою неутомимы мы.

Рукоятки плетей – из таволги все они,
На тетиву пошли из шкуры турьей ремни.

Сносу чабырам нет – драконья кожа крепка,
И высока седла – осиновая лука.

С боем Сары-Арка пройдя из конца в конец,
Гоним диких зверей, свежует, словно овец.

В нартских наших сердцах верность дружбе храним,
Гибнущим пособим, словно братьям своим.

Как птицы, летим, спешим горы перемахнуть,
За день преодолеть четырехдневный путь.

Не спешиваем мечом встреченных верховых,
А уж встретим врагов – сбиваем с верблюдов их.

Вот и привал, ночлег – в скалах мы улеглись.
Состязаясь в стрельбе, стрелы пускаем ввысь.

Нарты заката ждут. Солнце зайдет и тогда
Въедут в страну, лишь тут отпустив повода.
Речи не поведут, пока не смолк тамада.

Плач по нартам

В давние, в древние времена
Близ Минги-Тау, где жизнь вольна,
Ойта, ой, орира!

Нарты селились – в те дни всегда
Там находилась для них еда.
Ойта, ой, орира!

В дни, когда начался страшный мор,
Нарты бежали, спускаясь с гор.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Топчут друг друга и сгоряча
Всё по дороге крушат, крича.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Вот обошли Алф-гау холмы
В поисках снадобья от чумы.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Нарты, на камне точка мечи,
К Солнцу зывают: «Нас излечи!».
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Но не помог им Солнца Тейри,
Нартские гибли богатыри.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Нарты ушли по равнине степной
И добрались до пещеры одной.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Искры оттуда вихрем летят,
Чёрный, как ночь, вырывается чад.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Нарты к Тейри Небес и Огня,
Плача, воззвали, гибель кляня.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Нартам Тейри Огня не помог,
Неба Тейри их спасти не смог.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Нарты пропали во мгле веков,
Кони остались без седоков.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Сгнули нарты, уйдя с земли,
Лишь песни дедов до нас дошли.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

Умар Мирзев. Нарты. 1985

ПОЭТЫ КАРАЧАЯ

Касбот КОЧКАРОВ (1834–1940)

Айджаяк

(Отрывок из повести)

Айджаяк! Яркий, пестрый платок,
Твою белую шею обвив,
Всю тебя обращает в цветок
И пьянит ароматом любви.

Если мать табуна не поймать –
Это рода высокого знак,
Я знавал твою гордую мать –
Краше всех своих сверстниц она!

Быстроногая юность моя,
Неужель ты минуешь тузак?
Мне бы крылья! И я Айджаяк
Увлеку, куда смотрят глаза!

Ой-ра, все донимают меня:
«Истрепал ты свой верный аркан!
Измотал ты лихого коня!».
Ой-ра, жизнь! Ты не так уж легка ...

Жеребята резвятся в горах,
И ничто не уймет их игру.
Мать твоя стала б тещей вчера,
Если б недруги смолкли вокруг.

Мы живем у богатых людей,
Отдаем им все силы свои.
И за это не видим нигде
Ни заботы, ни ласк, ни любви.

Знаю: ищешь ты друга и дом,
Это всё ты найдёшь у меня,
А отвергнешь, – тоскуя потом,
На себя, дорогая, пеняй!

В ночь весеннюю мать табуна
Жеребенка – красавца родит.
Айджаяк, словно песня, стройна,
Краше в мире, попробуй, найди!

Нет длинней и волнистее кос,
Чем у светлой моей Айджаяк,
Даже ветер обгонят легко
Молодые её сыновья.

Айджаяк! От недобрых людей,
От тревожных, нерадостных дум
Мы с тобой не спасемся нигде,
Не вернувшись к себе в Теберду.

Там на горке, за быстрой рекой
Синекрыший мы выстроим дом,
В нём, поверь, и уют, и покой,
И счастливую жизнь мы найдём.

Мне бы лестницу в небо – и я
Даже тучи в клочки б растерзал!
Мне бы крылья – и я Айджаяк
Увлеку, куда смотрят глаза!

О тебе я мечтаю всегда,
Я от жизни спокойной отвык.
Не умчать на руках тебя вдаль –
Сил моих не хватает, увы!

«... Ой, Касбот! Ты других не глупей,
Скакунов твоих вихрем зовут,
На тебе нынче лучший курпей,
А влюбился, чудак, во вдову!...».

Зной пылает в моей голове,
Одолел мое сердце недуг.
Ветер! Свежестью мыслей повеи!
Волны! Смойте с земли Теберду!

Даже в диком ущелии дичь
Чутко дремлет в ночной тишине.
Пусть колотится сердце в груди –
Нет покоя мне даже во сне...

Исмаил СЕМЕНОВ (1891–1981)

Махарский родник

На берегу реки крутом
Из-под скалы струишься ты,
И низко виснут над тобой
Со скал смородины кусты.
В зеленый бархат и парчу
Леса одели склон горы,
Кудрявых елей и берез,
Дубов и пихт подняв шатры.
Теснятся горы вокруг тебя,
И в чаще, шорох услышав,
От водополя чуткий тур
Летит чрез пропасти стремглав.
Фонтаном бьющий твой нарзан,
До ломоты в зубах студён,
И люди каждый год к тебе
Съезжаются со всех сторон.
Не счесть ручьев, что с круч бегут.
Но не сравниться им с тобой.
Нарзанов много есть в горах,
Но всех вкусней и крепче – твой.

до 1941

***

Слушаю я –
Всё доносится с запада шум.
Слышится гул –
Ледники Минги-Тау гудят.
Истосковавшись,
Зовут и зовут Карачай,
Силы людей возродив и умножив стократ.

Слушаю я –
Всё доносится с запада шум.
Грохот воды,
Голубых перекатных громад,
Истосковавшись,
Зовёт и зовёт Карачай...
Плечи людей, широко расправляясь, дрожат.

Слушаю я –
Всё доносится с запада шум.
Плещут в Махарских горах
Дерева, деревца.
Кличут они,
Всё зовут и зовут Карачай...
Переполняют, волнуют людские сердца.

И наяву и во сне это слышно,
И ночь напролёт.
Здесь – наша плоть,
Там – душа, нашей мукой полна...
Знает народ,
Что земля всё зовёт и зовет,
Истосковавшись, хозяина кличет она.

Песня истосковавшегося

Я вернулся, друзья, стосковавшись до слёз
По красе учкуланских высот,
Это слово, оставивши мёртвых, принёс
От души моей тем, кто живёт.

Ой, мы, камни целуя, глотая струю,
Что сбегает по скалам родным,
Имена умиравших в безвестном краю –
В нашем плаче навек сохраним!

О, святой Карачай, обнимая тебя,
Ограждая отчизну от лжи,
Босиком побреду, на рунах скорбя...
Кто вернулся живым, расскажи!

Слёзной солью лицо омываю и сам,
Средь сирот как ни плакать и мне!
Ой, воздвигну покинутым, сгнувшим там
Я надгробья в родной стороне!

На шелковые пряди сосны нанизав
Барбарисовых бус череду,
У подножья горы, средь некошених трав
Бедный холмик могильный найду.

Для народа, страдавшего в злые года,
Я спою, отвлекая его.
Где б я ни был, но дайте вернуться сюда
Перед тем, как поникнуть мертво.

О, как долго был путь мой к тебе, Карачай,
Так томился я в дальнем краю!

И, от радости плача, с тоской через край
Переполненным сердцем пою.

Черная змея

Сегодня видел я тебя, о, черная змея!
Ты выползла из под камней, с тобой – вся злость твоя.
Отпрянув, телом ослабев, робея предо мной,
Свернулась, прячешься в щели, там, в глубине земной.

Смертельный яд – на языке извилистом твоём,
Рождает слово мой язык, палящее огнём.
Обороняясь ядом, ты не веришь никому,
Я слово правды обратил к народу своему.

Живые души – мы с тобой, и ты в норе своей,
И я, ходящий по земле уже так много дней.
И необъятен небосвод, под ним – и ты, и я,
И всем принадлежит земля – моя, как и твоя.

Так почему же мы – врагу? Кто скажет? Ну, ответь!
Кто тайну жизни смог постичь, её уразуметь?

Глядя на абрикосовое дерево

Недавно первый вешний луч
Блестел в листве твоей,
Но вот он – день осенних туч,
И не унять дождей.

Пел соловей не так давно
Из зелени густой.
Сегодня ты обнажено.
Что сделалось с листвой!

Скорбишь. И всё же расцветёшь
Как прежде по весне.
Раскроешь душу, распахнёшь
Ты солнцу в вышине.

Вернуть весну, что отцвела,
Не в силах человек,
Твой век – беспечная юла,
Наш – быстротечен век.

В час печали

Юность моя,
Как радуга, блещет, свежа.
Старость моя,
Как рыба трепещет, дрожа.
Надежда моя –
Седьмого неба звезда,
Жизнь –
Мгла, зимняя ночь, беда.

Сил не нашёл
Взмыть в небесную высь,
Звезд не обрёл,
Не роздал народу звёзд,
Не озарил сердец,
Что доброты заждались,
На волю не убежал
Из этих змеиных гнёзд.

Куда из родных мест,
Камнем в них бросив, бежать!
Как неправду сказать,
Совесь свою продать?
Не был я льстив, лживый продажный стих

Вовремя не сложив,
Цели я не достиг.

К Старости

О, Старость, я не рад приходу твоему,
Уж ты поверь, не рад!
Не сдастся без борьбы тот, кто сегодня стал
Морщинист, седоват.
Коль Исмаила ты захочешь спешить вдруг
И выбьешь из седла,
Его не сможешь всё ж так просто оторвать
От отчего села.
Наполнив хворью плоть и мраком смутных снов,
И болью головной,
Все радости отняв, лишив меня надежда,
Воюешь ты со мной.
От сердца хочешь ты, чтоб съёжилось оно,
И что ни день ко мне,
Пытаясь невзначай от жизни отлучить,
Крадётся в тишине.
Стрелок-убийца! Я, смирившись, пред тобой
Не встану, как марал,
Покуда я живой, не слягу, чтоб меня,
Ты, волк, на части рвал!
И если – друг души – однажды смерть придёт,
Ищи меня в пути,
А нынче отцепись, за горло не бери,
Сегодня отпусти!

Сыну

Разрушен мой кош и найти не могу
Стада, что в степном потерялись снегу.
Мне враг не уступит находки моей,
Кукует кукушка, где пел соловей...

Исмаил Семенов

Бештау²⁹ иссякнет, начнётся тепло,
Ты сможешь сыскать, что в туман унесло.
Отары мои отними у воров
И вновь приведи под завещанный кров.
Пусть речь твоя будет смела и строга,
Коль, тяжбу затеяв, похитчик солжёт,
Моя ведь повсюду известна тамга,
И, если ты спросишь, поможет народ.
Моё не теряй, а чужое – долой!
Моё ты народу отдай, не деля,
И в этой работе да будет с тобой,
Тебе помогая во всём Суфиля³⁰!

---

²⁹ Бештау – восточный ветер, также ненастье, ураган, темень.

³⁰ Суфиля – младшая дочь поэта.

Исса КАРАКОТОВ (1900–1942)

Кавказ

Я чту тебя, закованная в снег,
Кавказских гор оправа золотая,
И прилетающая на ночлег
Лиловых туч извилистая стая...

Здесь вытесанный из гранита царь
На вытесанном из гранита троне
Закутывается в седую гарь
И думает: никто его не тронет...

И начинается старинный спор,
Великий спор Эльбруса и Казбека.
Кичливо говорит Эльбрус: «Средь гор
Могучей нет и не было от века...

И потому хотя бы, что я сед,
На откровенности мои не сетуй...
Не по достоинствам тебя, сосед,
Воспели легкомысленно поэты...

Ученые, писатели, князья
Вблизи тебя тысячелетья жили.
Ко мне же подступить было нельзя
Сквозь кварцевую толщу сухожилий...

А между тем сильнее всех Эльбрус
По выдержке, по духу и по крови,

Неисчерпаем и бесценен груз,
Лучистый груз моих земных сокровищ.

Гляди: по каменным моим ногам,
Врачуя раны, ключ бежит великий.
Шмелиной тучей закипает гам
Разноплеменный и разноязыкий...

На все, какие можно, голоса,
Звериные, цветочные и птичьи,
Леса поют и говорят леса...
О, вдохновенное косноязычье!

Леса горят, и дымчатым горам
Отвешивают низкие поклоны,
И огненные трели по кустам
Разбрызгивает соловей влюбленный...

Издадека... совсем издадека,
Под натиском могучего бурана
Кружатся перистые облака,
Как солнце, вызолоченные руна.

Чердак туманов, крыша облаков
Уперлись в призрачное поднебесье,

Где меж небесных и земных лугов
Сияют звезды, лилиями свесясь.

Есть облака, которые грубы...
Есть облака, которые игривы...
Закручены льняные их чубы,
Расчесаны их шелковые гривы.

Я изучил их краски искони,
Их очертанья знаю по старинке...
То кровью наливаются они,
А то блуждают без одной кровинки.

Рассыплются, как легкая зола,
И слепятся, как розовая глина,
Когда они вступают в поединок,
И молниями вспыхивает мгла.

Отгрохотав, уходят на покой,
И над пустынею голубовато
Летят лоскутья с траурной каймой
И белоснежная клокочет вата...

О, бешеные пасти ледников,
По-волчьи выдвинутые оскаль!..
О, высвобожденные из оков
И к солнцу разогнавшиеся скалы!..

И пролетает розовый олень,
И тур проносится через ущелье,
И начинается гремучий день,
Безумный день звериного веселья...

Прислушайся, как зычно рог орёт,
Когда в горах и в темных перелесках
Выслеживают древнее зверье
Охотники в бешметах и черкесках...

Они прикладываются к земле,
Они подкрадываются без звука,
И залп за залпом... и в зеленой мгле
Дремучих глаз неистовствует мука...

И с ношей возвращаются домой,
С дымящею тушею оленя.
И синей, синей, синей тьмой
Вы обволакиваетесь, селенья!..

И пастухи гнездятся, как грачи,
В чащобах и расщелинах зеленых,
И плещутся, и плещутся ручьи
Над склонами, под склонами, на склонах.

Попробуй, палец опусти в струю –
Полиловее, весь обледенелый...
Ручьи бегут, бегут и на краю
Друг с другом сталкиваются, как стрелы.

Из горных недр, из черной глубины
Взрываются алмазные нарзаны,
И словно в зеркале отражены
В целебных водах звезды и туманы»...

– Ручьи, ручьи! Как ваша песнь звонка!
Куда вы движетесь, дробя камень?
– Разбушевавшиеся облака –
Святое место нашего рожденья...

Мы перепрыгивает через ров.
И вот под гам и цокот окаянный
Звонкоголосой армией ручьев
Врываемся в моря и океаны...

И наша жизнь бродячая легка,
И упоительнее нет рассказа,
Как снова, превращаясь в облака,
Мы возвращаемся к горам Кавказа...

Абидат БОТАШЕВА (1902–1982)

Снова осень...

Снова осень – щедрая царевна,
Золотыми кудрями шурша,
В каждый дом аула и деревни,
Словно гостя, входит не спеша.

Вот листок упал на подоконник,
Вспомнилась мне весточка твоя...
В небе журавлиный треугольник
Уплывает в синие края.

Ветерок коснулся старой ивы
И, в ветвях запутавшись, затих.
Облако глядится молчаливо
В гладь озер холодно-голубых.

А вдали туманы кружевные
Задремали на плечах холмов.
Осень золотая и Россия –
Нет роднее, ближе этих слов!

Умар Б. АЛИЕВ (1912–1972)

***

Разрывается сердце моё пополам.
Лишь припомню Кавказ, как страдаю вдвойне:
Половина мгновенно окажется там,
А другая пока остается во мне.
И уже я не знаю, как быть мне сейчас,
Кровь кипит, разжигается в жилах моих
От неистовой жажды увидеть Кавказ,
От желанья в горах оказаться родных.
Словно снежные горы вдали восстают,
С них сбегают потоки, спеша на простор.
Половина души там находит приют,
Утолив свою жажду прохладою гор.
Эти реки – что кровь моя! Лью её, лью...
Половина всей крови моей в том краю,
Где равнины, лощины, луга и жнивья,
Птицы певчие в рощах, сменивших листву...
Вот всё это – душа моя, сердце моё,
И в надежде увидеть их я и живу.

1948. Фрунзе

Торгой³¹

Ой, торгой, торгой, птица летних дней!
Ты мне нового не споёшь,

³¹ Торгой (торгъай) – жаворонок.

Но услышанный на заре моей
Твой напев и сейчас хорош.

Не в одном я слышал тебя краю,
Словно следуешь ты за мной...
Снова в песенку вслушиваюсь твою,
Чтоб узнать тебя, о, торгой!

Но по голосу распознать не готов –
Тот ли жаворонок, или нет?
И на ветке, гнущейся от плодов,
Я не вижу тебя, мой свет!

Так, но песенка нежит сердце мое,
Дарит столько добра, тепла,
И зимою и летом в звуках её
Память детства жива, светла.

Длятся годы, в каждом – своя весна,
Ну, а песня – та же, точь-в-точь.
Возвращает лучшее мне она,
Всё дурное уходит прочь.

Эта песенка, как всегда, нова,
Словно жизнь и небес лазорь.
То возник, то исчез – синева густа,
В небе ты средь грядущих зорь.

Если ты останешься без отца,
За него ты всё так же пой!
И несёт эта песня, пронзив сердца,
Лик грядущей весны, торгой!

1955 г. Фрунзе

Халимат БАЙРАМУКОВА (1917–1996)

Горы

Горы, что вы сделали со мною?
Чем заморозили? Властным зовом
К подвигам горячим и суровым
Или мудрой снежной сединою?

Я держусь на ваших скользких тропах.
Ваша твердость мне передается,
Тем ровней, спокойней сердце бьется,
Чем пытливей вглядываюсь в пропасть.

И, встречая блеск вершин бесстрастно,
В самом риске чую сталь опоры...
Горы любят сильных и бесстрашных,
Горы любят тех, кто любит горы.

***

В одном колхозе
Кружку молока
Мне поднесла
Колхозницы рука.
Один глоток –
И вот
Волна тепла
Молочного
Мне сердце обтекла.
Другой глоток

Напомнил, что рука
Была еще
Теплее молока.

***

... Нет, женские песни ты мне позволь
Слагать по-женски
Пускай без конца,
Как женщина дом обживает свой,
Уютом они обживают сердца.

Пускай по-женски звучат слова,
И женских будет полно идей,
Пускай, как женщина, будет нова
Моя поэзия каждый день.

Пускай, как женщина, песня моя
Прекрасна будет и, может быть.
Как женщина, жертвуя и любя,
Она заставит себя любить.

Пускай, как мать, отдавая дань
По-женски мужественной судьбе,
Одной рукой отсылая вдаль,
Другой рукою – зовет к себе.

***

Ты любишь степи, вольный их простор
И трель кузнечика в вечерний час,
А я люблю громады снежных гор,
Хребтами к небу вскинутый Кавказ.

И кто же нас сумеет обвинить,
Что мы с тобой не про одно поём,

Степной простор и гребней снежных нить –
Не это ли мы родиной зовём!

Земля

Земля!
Я на тебе живу.
И, если падать мне случается,
Невольно
За твою траву
С тоской рука моя хватается.
Рывок, другой – и я встаю.
Но, не успев со страхом справиться,
Уже топчу траву твою,
Уже в лицо твоё плюю.
Тебе не может это нравиться.

***

«Какие высокие горы!», –
Приезжий турист произнёс,
Не глянув на горца,
Который
Все горы душой перерос.

***

Руку солдат потерял.
И ноги,
Кров и родину...
И один побрёл
Вдаль, не боясь потерять дорогу
К дому,
Где некогда их обрёл.

***

Я проснулась.
Луна разбудила меня,
Молча став перед самым окном.
- Что так поздно приходишь ко мне, Луна!
Почему не приходишь днём?
Отвечает Луна:
- Я пришла бы и днём,
Только днём не бывает меня.
Отвори!
Я спустилась к тебе за огнём:
Нынче холодно. Дай мне огня.
Едут гости в мой дом, –
Какой это дом!
О, представь мой очаг без огня,
И у солнца, с которым встречаешься днём,
Теплый луч попроси для меня.

***

Расплескался чай в купе вагона, –
Кой-кого успел облить, обжечь ...
Расплескалась жизнь моя с разгона.
Невозможно было уберечь.
Но когда бы слова чашей полной
Стала жизнь, я бы сказала ей:
- Расплещись!
До капли,
Но запомни:
Никого не обожги!
Не смей.

***

Что там за дерево
Из камня выросло?
Спросила: «Как зовут?» –
Ответа не было.
Но это дерево
Из камня вынесло,
Нектар,
Которого
В том камне не было;
Из камня выгнало
Росу,
И – выжило.

***

Дочь умерла.
Другая появилась.
И мать ей подарила имя той.
Дабы не стёрлось,
Не остановилось
То имя перед мёртвою чертой.

Так
Матери
Судьба явила милость,
Две жизни,
Две души соединились
И воплотились бережно
В одной.

***

Засохли,
Завяли,
Пропали цветы.
Зачем для меня
Их не пестовал ты?
Зачем и меня,
Как себя, не берёг!
Зачем торопил
Увядания срок!
Засохло,
Завяло
Соцветье любви.
Ты очень доволен!
Скажи, не тай!
Но я не завяну.
Я рада весне,
Хоть эта весна
Не тебе
И не мне.
Нет! Я не завяну.
Я рада весне.
Ты видишь, как много
Цветов расцвело?!
Но эти цветы не тебе
И не мне,
А просто –
Людское их греет тепло.

***

Боль с безболем.
Пустота во мне.
Чем заполнить?
Ты один – лекарство.

Боль с безбольем.
Это ты во мне,
Друг мой,
Враг мой, –
Ледяное царство.

***

Всё ушло, как будто не бывало,
Да и нас как не было с тобой.
Лишь одно, одно не миновало.
Беглый миг, ты машешь мне рукой...

Чем так дорог этот миг,
Который
Был так легок!
Взмах, да полкивка...

Не была и в близости опорой
Машущая издали рука.

Осман ХУБИЕВ (1918–2001)

Бичесын

Бичесын, Бичесын! Ветер катится с гор.
Вновь альпийские вижу луга.
И, как в юности, вновь мой туманится взор –
Как ты, родина, мне дорога!

В человеческий рост вырастает трава,
Аромат птицы пьют на лету...
Бичесын, никакие не могут слова
Рассказать про твою красоту.

Облака над тобой остановят свой бег –
Как меня вмиг охватит их грусть.
Бичесын, косарей твоих радостный смех
Любит слушать в сторонке Эльбрус.

По просторам твоим пастухи разбрелись –
Бичесын, тут отар и не счесть...
Здесь и горы, и доли навек обнялись.
Бичесын – Карачая песнь.

***

У женщины – сорок душ.

Карачаевская поговорка

Говорят в народе, что у женщин
Сорок душ, не больше и не меньше,

Сорок душ – как сорок тайн заветных,
Неизвестных, скрытых, незаметных.

Есть в горах легенда: в старину
Люди знали женщину одну.

Говорили, будто бы у ней
Было ровно сорок сыновей.

Каждому любовь она дарила,
Каждого душою наделила.

Весь запас душевный отдала,
Вырастила всех – и умерла.

Может быть, в легенде той старинной
Существует скрытый смысл глубинный!

Женщина, видать, не без причины
В сорок раз выносливей мужчины.

Материнской нежности полна,
Над дитем склоняется она.

От беды оберегает дом –
Будто бы орлица над гнездом.

Трудится, не зная праздных дней.
Не иначе, сорок душ у ней!

Ничего сильнее в мире нет.
Будет в доме и тепло, и свет,

Если, освящая жизнь любовью,
Женщина стоит у изголовья.

Не спеши

Желая жизнь переиначить,
Изъянов не ищи в судьбе.
Ищи причину неудачи
В самом себе,
В самом себе.

И, если ночь твоя беззвездна,
Терпи:
Твоя звезда взойдет,
И утро, рано или поздно,
Но обязательно придет.

И в спешке будь неторопливым,
И в сердце зависть не буди,
А верь, что будет путь счастливым!
Твоя вершина – впереди.

Не понукай коня напрасно.
Не плачь, что горек твой удел,
Что сердцем женщины прекрасной
Пока ещё не овладел.

Не плачь в печали и смятенье,
Что не под той звездой рожден...
А прояви в любви терпенье –
И будешь ты вознагражден.

Живи – и ничего не бойся!
Но берегись всего сильней
Земли родимой недовольства
И гнева матери своей!

Азамат СУЮНЧЕВ (1923–2012)
Из «Азиатской тетради»

Жалоба

О Кызыл-Кумы, Кызыл-Кумы, Кызыл-Кумы!
Глаза не жгите раскаленным мне песком.
О караванщика звезда, о знак угрюмый,
Зачем ты тропы наши сделал тупиком?

Хоть нас приветили в пустынях Туркестана,
Хоть понял беды наши живший здесь народ,
Назад, к горам своим стремлюсь я беспрестанно,
Как птица в те края, где гнёзда вьёт.

Пусть ноги связаны и отнято оружие, –
Но в сердце пленника свободный дух живёт.
Вода солёная с колючкою верблюжьей, –
Вы не по мне, – я сын других земель и вод.

Как далеко б я ни был загнан вражьей силой,
Не отрекись от гор Кавказских в чёрный час,
Куда б жестокая беда ни заносила,
Я не забуду никогда родной Кавказ.

И ковыряю ли в степях я глину вязкую,
Или долблю киркою камень в рудниках,
Я буду помнить высоту свою кавказскую,
Хоть посели меня в торосах и снегах!

Эй, Кызыл-Кумы, Кызыл-Кумы, Кызыл-Кумы!
Не обжигайте пылью знойною меня.
К звезде Чолпан печально устремляю думы.
Где ты, предвестница сияющего дня?

Спаси народ мой от безвинного страданья,
О нас, застигнутых бедой, не позабудь.
Пусть караван, что нас привёл в места изгнанья,
Скорей отправится в обратный дальний путь!

1944

Говорят: «Забудь»

Мне твердят: колыбельную песню забудь,
Горных рек по ущельям проложенный путь,
Свет высот, наполняющий радостью грудь,
Позабудь гордой жизни извечную суть.

Позабудь родников освежающий вкус
И росу, что сверкает несметностью бус,
И трудов, нам завещанных, сладостный груз
И парящий над миром двуглавый Эльбрус.

Мне твердят: позабудь дорогие края,
Где зарыта в землю пуповина твоя,
И очаг, пред которым сидела семья,
Где варилась насыщенная пища твоя.

Позабудь свой аул, что в предгорьях возник
В дни, что памятны лишь знатокам древних книг,
Дом, к которому ты с малолетства привык,
Позабудь своих предков, забудь свой язык.

Мне твердят: позабудь про орлиный полет,
Про свободу, что в сердце у горца живет,
И привыкни к местам, где бесправье и гнет
Ожидает и впредь твой несчастный народ...

Мне внушают: забудь... Но забыть не могу
Наших гор высоту в серебристом снегу,
И цветов пестроту на весеннем лугу,
И вечерние танцы в шумливом кругу.

О, мечта моя! Солнце надеждой встречай,
Словно всадник, скачи в обездоленный край,
Где гнездовья орлиных бестрепетных стай,
Где в горах и долинах пролег Карачай.

Пусть мне руки и ноги сковала беда,
Не смирится с изгнанием душа никогда,
Мне опорю – гор величавых гряда,
Мой Эльбрус, чья вершина, как мудрость, седа.

Крылья чистой души, крылья светлой мечты
Унесут за пределы запретной черты
В те края, где синеют в тумане хребты,
Где потоки шумят и алеют цветы.

В те края, где срывается с гор водопад,
Где надгробия предков по внукам грустят,
Где нас ждет Карачай, как орлица орлят,
И куда наши песни еще долетят...

1945

Надежда

В этих желтых песках не взрастет моя нива,
Нет здесь рек у меня, чтоб ее оросить.
Здесь и голод, и жажду сношу терпеливо,
Но терпения нет, горе ссылки сносить.

О, когда бы я мог стать свободно птицей,
Чтоб на снежный Кавказ свой направить полет,
Я снежинок набрал, чтоб вдоволь напиться,
Я б их пил, как бальзам, что мне силы вернет.

Нынче стан мой – как остров в пустыне песчаной,
Документ мой помечен, как лошадь – тавром,
Черным штампом прикован я к жалкому стану,
Я – изгнанник, я узник в краю неродном.

Мне подушкой – крапива, трава горькой ссылки,
Надзирают над жизнью моей сторожа.
И сухая колючка мне служит подстилкой,
Сплю на ней, как на иглах степного ежа.

Я ложусь, натянув на себя накомарник, –
Жаждают крови моей и комар, и паук,
Ночь проходит не в снах, а в виденьях кошмарных,
Ни лица обнажить я не смею, ни рук.

Трижды в месяц ходить на отметку обязан,
Как по правилам ссылочным мне вменено.
Я, как раб, этой ссылкой и спутан, и связан
В той стране, где повержено рабство давно.

Права нет у меня ни на мысль, ни на мнение,
Не воззвать ни к Аллаху, ни к власти земной.

Не проститься с умершим в соседнем селенье,
Ни проехать на рынок в поселок иной.

Просьб моих не услышать ушам властелина,
И дойдут ли молитвы мои до небес?
И за что мой народ так наказан безвинно,
Почему хочет деспот, чтоб род наш исчез?

Я – всего лишь народа-страдальца частица,
Словно сорванный с дерева лист, обречен
Вкруг ветвей и корней наших робко крутиться,
Чтобы помнить, кем я и рожден, и взращен.

Но витает надежда над горем, над болью,
Я – не раб, я свободный душой человек,
И стремится из ссылки душа на приволье
Карачаевских гор, карачаевских рек.

Здесь, где юность моя протекает уныло,
Зной пустыни, в колодцах вода солона,
Но надежда уводит нас властной силой
То в былые, то в будущие времена.

И надежда приходит в мои сновиденья:
Снова эхом в горах отдается мой шаг,
Строю дом из камней я в родимом селенье
И в дому разжигаю свой горский очаг.

Все стерпеть помогает надежда слепая, –
Протянула к Кавказу незримую нить,
Где шуметь будут реки, на скалах вскипая,
Где орлы с вышины будут край мой хранить...

1947

Пояс поэта

Азрету Уртенову

Не серебряный пояс
И не золотой,
Но дороже всего
Он горянке одной.

Этот пояс поэта,
Обычный ремень,
В скорбный час
Ей достался,
В безрадостный день.

Стал он тоньше теперь –
Много минуло лет...
Но дороже предмета
Для женщины нет.

Туго стягивал он
Молодой ее стан,
В дни войны
Он хранил ее,
Как талисман.

Ей с детьми приходилось
Не раз голодать,
Но она не подумала.
Пояс продать.

Сколько мужества
В женщине было простой!

Знать, не даром носила
Тот пояс мужской...

Рассказывал эту быль
Мне Саид у костра...
О, горянка,
Балкарская наша сестра!

Я с тобой не знаком,
Но могу подтвердить:
Драгоценностей нет,
Чтоб с тобой их сравнить!

Юсуф КАРАКЕТОВ (1932–2006)

Лесная груша

Мне гнев и горечь опалили душу:
Бредя однажды среди зеленых гор
Увидел я обугленную грушу
И тлеющий у ног её костёр...

Безжалостные, варварские руки
Красавицу, дарившую плоды,
Безвинно обрекли на смерть и муки...
Я ей помог,
Я ей принёс воды.

Потом её природа врачевала,
Поила корни соком,
Ливнем гроз...
И груша ожила
И прежней стала,
Ожог
Корою свежею зарос.

Согреты солнцем стан её и крона,
Обиде и беде наперекор
Опять она
Шумит листвой зелёной,
Держась за почву
Каменистых гор.

Людей всегда приветливо встречает,
И сочный плод протягивает мне...
Нет! Никогда
Добра не забывают
Те, кто страдал
И побывал в огне!

Назир ХУБИЕВ (род. 1934)

Лавина

Как лавиною, все мое детство
С головой завалило войной.
Помню: бьет пулемет по соседству,
Всадник падает рядом со мной...

До сих пор, когда скрежет лавины
Среди ночи поднимет меня,
Мне все кажется: руки раскинув,
Там, в горах, кто-то рухнул с коня.

Сон

Весна и горы. Теберды ущелье.
Родной аул на солнце стал светлей,
Поет река и в мир несет веселье,
И соловьино вторит сердце ей.

Наш старый дом, меня к себе зовущий,
Я счастлив, точно детство на заре, –
Лохматый пес, мне лапу подающий,
Обросший мохом камень на дворе...

И камень я, как друга обнимаю,
На нем отец мой отдыхал не раз.
Он ничего так не любил, я знаю,
Как этот камень во дворе у нас!

И черной бедою висит на воротах замок,
И пес караульный бессильно упал на порог.

Война продолжается в черном провале зрачка,
И крупные слезы роняет в ущелье река.

Но время идет, пробежали не день и не год...
Так пусть воробьи гомонят у раскрытых ворот!

Да будет дано нам рождение нового дня!
Пусть льется зерно, словно лучшая песня моя!

В затишье ночном я стою на речном берегу,
О будущем знаю и детства забыть не могу.

Окутан туманом, рассветным лучом озарен
У мельницы старой, на самой границе времен.

Вращайся, волна, шевелящийся жернов, мели,
Беги, колесо, на границе воды и земли!

И радость воде – побегать с колесом наравне...
Хотел бы и я сослужить свою службу стране.

Белый снег

– Куда уходит белый снег,
Когда весна приходит?
– Уходит в землю белый снег,
А в небе солнце бродит.

– Что делать будет белый снег
Под черной почвой поля?
– Разбудит зерна белый снег
И вызовет на волю.

– А чем же встретит белый снег
Весенних птиц кочевья?
– Живет на ветках белый снег,
Когда цветут деревья.

– А чем же станет белый снег,
Когда совсем растает?
– Ручьем звенящим станет снег,
Звенящей песней станет!

***

Рыдающим эхом ответит скала
Паденью деревьев и вспышке багровой,
Но прянет к скале огневая стрела,
И молча расколется камень суровый.

Так матери сердце ответит слезой
На слезы твои и на слово призыва,
Но собственной боли укол грозовой
Она, как скала, сохранит молчаливо.

***

Не добратся врагам, не пройти, не пробиться
Через сердце мое в мой родной Карачай.
Свил гнездо ты на скалах, как вольная птица,
Мой суровый, ветрами исхлестанный край.

Пусть глаза мне завяжут, оставят в пустыне,
Всё равно до тебя добреду, Карачай,
Пусть мне вечную жизнь посулят на чужбине,
Всё равно я к тебе возвращусь, Карачай!

Горная дорога

Под светом и мглой так задумчиво вьется дорога,
Бежит по ущелью, петляет, бредет одиноко.

Дорога, ты слышала горцев напев похоронный.
Невесту под буркой жених увозил верхоконный.

Колеса гремели, и камни скрипели упрямо,
Прохладно мерцали туманные звезды ахшама³².

Кровь павших солдат на землю, чернея, сбегала,
И красный закат на скалу опускался устало.

Я знаю, немного мы схожи с тобою, дорога:
Всегда с нами в ногу шагает людская тревога,

Луна над юртой

В горах струится веянье прохлады,
Трава горит в серебряном огне,
И облаков торопятся отряды,
Бегут над юртой в лунной тишине.

Висят над миром зоркие светила
И в сумрак юрты смотрят свысока,
И, как звезду, светильник погасила –
В безмолвии – чабанская рука.

Кумыса запах, горький привкус дыма
Струятся в юрте долгие года,
А лунный свет летит неуследимо,
Звенит, как песня, льется, как вода.

³² Ахшам – поздний вечер

Бежит луна, качаясь и маяча,
Овчарка смотрит на овечий путь,
Но овцы спят, в больших зрачках собачьих
Отары туч пытаются уснуть.

Степь видит сон, прекрасный и мгновенный,
Мерцают звезд тревожных фонари...
Они померкнут в глубине вселенной,
И обнажится красный край зари...

Горит очаг, и первый луч с востока
Пронзает зелень пробужденных трав.
Луна бледнеет, бродит одиноко,
Отары звезд за юртой растеряв.

Ночная гроза

Горы древние, седые, горы снеговые,
Вас окутали большие тучи грозовые.

Громким рокотом органа водопады льются,
Будто в небе над горами буйволы дерутся.

Пляшет ливень полуночный над ущельем Белы,
Тучи черные пускают огненные стрелы.

Громким рокотом органа водопады льются,
Будто в небе над горами буйволы дерутся.

***

Камней не видим под ногами,
А ведь настанет время им
Неумолимо встать над нами,
Как мы сейчас на них стоим.

***

Я становлюсь то птицей, то растением,
Преображаясь сорок раз на дню.
Гранитом буду – обрасту терпением,
Снежинкой стану – свежесть сохраню.

Зерном проснусь, и колос встанет спелый,
Ручьем пробьюсь – напев исполню свой.
Судьба моя, со мной что хочешь сделай,
Но не лишай земли моей родной!

***

Желтый день печали и прохлады,
Ожиданье тихое вокруг.
Журавлей осенние отряды
Держат путь к родным горам, на юг.

Голубой далекий край мне снится,
Милый взгляд на том краю земли,
И мое уносят сердце птицы...
Жду, когда вернуться журавли!

У очага

Внимала мне вершина, в окна глядя.
Сияли звезды над зубцами скал.
Стихи из школьной тоненькой тетради,
Свои стихи я матери читал.

Как счастлив был тот мальчик, вдохновенно
Стихи читавший, – и не мог устать!
А в очаге лизал огонь полено,
И на меня глядела нежно мать.

И вновь над саклей вьются кольца дыма,
Вновь пламя обхватило головню...
И, как бывало матери любимой,
Стихи читаю – жаркому огню.

Нет матери – и сакля стала ниже,
Поблекшим звездам ярко не сиять,
И не гнездятся ласточки под крышей...
Стихи читаю у огня опять.

И кажется – осталась в нем частица
Ее тепла, тепла ее души,
И солнце детства ласково струится...
Не исчезай, помедли, не спеши!

Летят года и машут мне крылами,
Их веренице вслед гляжу с крыльца,
И мечется, изнемогает пламя,
Как птица, потерявшая птенца.

Тебя уж нет. И сердце мне пронзила
Разлуки боль в ущелье Теберды.
Едва мерцают надо мной светила,
Полна печали песнь живой воды.

Мне кажется, что в этот час печали
Стал медленней потока бурный бег,
Мне кажется: вершины ниже стали,
Прохладней – солнце и темнее – снег.

Но там, где пламя полыхает ало,
Я молча сяду, голову склоню.
И, как любимой матери, бывало,
Прочту стихи струистому огню.

Родник

Как чувство передать? Ни словом, ни рассказом
Его не удержать, так смысл его велик,
Оно – как солнца шар над брезжащим Кавказом
Иль – в сердце ледника мерцающий родник.

Закон его судеб во тьме непостижимой
Крылами зашумит над смолкшею землей,
И кажется любовь звездой неугасимой,
Глядящей с высоты на яркий отблеск свой.

Назифа КАДИЕВА (1935–2013)

***

Гора моих гор Минги-Тау!
Скажи мне, была ли весна у тебя,
Иль сразу седого тебя родила
Мать родная земля?

***

Две алычи росли в саду у нас,
Кора была шершава и черна,
Корявы ветви... А плоды,
Как брызги солнц золотые,
В округе радовали всех детей.
Сегодня нет деревьев тех,
Лишь запах алычи душистой
Мне золотое детство вновь дарит.

***

Звезда моя над Иссилеу,
Как счастье, как мечта, ты высока.
Всё видела ты, всё ты знаешь.
Вновь окупись во глубину веков,
Поведай мне о жизни и о славе
Моих отцов.

***

Я плакала у родника,
Всё горе слов
В него излила я.
Он чистотой сиял мне в ответ.
Уходя, я умылась
И жажду свою утолила.
О чудо, меня успокоив,
В горькую соль превратился
Родник у меня на глазах.

***

Давным-давно кукушкой нарекли
Тоскующую птицу.
Считали люди, что она
Всегда лишь о себе кукует,
Свою гордыню тешит.
Не свое она твердит веками имя –
Зовёт любимого, бедняжка, безутешно.

***

Бескрыла, неподвижна красота,
Которая бездушна.
Устало застывает на лице.
Лицо увянет – красота умрёт...
Что ж станет с тем,
Кто лишь лицом красив?

***

На чужбине плакали предки мои:
О Аллах, нам не нужен твой рай,
Дай нам Родину нашу – Кавказ,
Землю будем мы целовать,
Родные облизывать камни,

Кубанской водой запивать.
Рай не нужен нам твой, о, Аллах!
Родину дай нам!

***

Уходя от меня,
Ты смущённо лицо запрокидывал от людей,
Будто вину свою уносил.
И тут к тебе взгляды чужие пристали,
Как скакуны, за тобой поскакали.
С той поры позабыл ты дорогу,
По которой сердце моё уносил.

***

Мальчик и щенок боролись
На лугу, как два джигита,
Думая, что в поединке
Самый сильный победит.
В душах маленьких борцов
Не было ни капли злости,
Их глаза тепло светлели.
Пожалел щенка мальчишка,
А щенок – не по-собачьи –
Не вострил клыки, а прятал –
Мальчика оберегая.

***

Не улетай, не улетай, одуванчик,
Далеко от родной земли...
Если в беду попадёшь,
Если ветер жестокий тебя захочет
Унести на своём крыле,
Ты схватись за землю родную,
Растворись и пылинкой стань,

Слейся с нею навеки.
А когда наступит весна,
Цветком золотым взойдёшь
Или влажным комочком станешь на пашне.

***

Подойди, давай станцуем,
На виду у всех станцуем
«Абезек» – волшебный танец.
Медленно пойдём по кругу,
Прошепчи во время танца
Всё, что у тебя на сердце, –
«Абезек» – влюблённых танец.
Выбери меня из многих
Девушек, что здесь танцуют.
Буду я всегда с тобою.
Наши руки неразлучны,
Только я тебя и слышу.
Слышишь, как два сердца бьются?
Ну давай, давай станцуем,
На виду у всех станцуем
«Абезек» – влюблённых танец.

***

Мальчик крылышко сломал птенцу,
Из рогатки выстрелил в него.
Камнем на асфальт упал птенец.
Мимо шёл старик, к птенцу нагнулся,
С писком от него птенец метнулся,
Сломанное за собой влача крыло.

Ахмат КУБАНОВ (1939 – 1991)

***

Я имя твое напишу
На кручах заоблачных гор.
Куда ни один человек
Еще не всходил до сих пор.
Средь мертвых сыпучих песков,
Не знающих вод дождевых,
Тебя я создам из цветов,
Из тех, что живее живых, –
Чтоб ты среди сумрачных скал,
В пустынях, что высушил зной,
Для всех, кто в дороге устал,
Взошла путеводной звездой.

Боевым к словам присловьем
У отца над изголовьем
Блещет дедовский клинок.

В очаге стрельба поленец,
Но спокойно спит младенец,
И тревог не утоля,
Оставаясь домовитой,
Вечной движется орбитой
Неспокойная Земля.

Спит ребенок в колыбели
И над ним в ночном пределе
Вышла звезд пасть гурьба.
Говорят о том приметы,
Что его и всей планеты
Кровно связана судьба.

На берегу Кубани

Стоит село на берегу Кубани,
Чей каждый дом белеет в синей рани.
Как будто лебедь.

И само село

На стаю лебединую походит
И плещется река и колобродит,
Раскинувшись лазурно и светло.
А на речном зеленом берегу
С утра пасется стадо на лугу.
Рога склоняя, будто бы короны,
Пьют из Кубани белые коровы,
И волны льнут к ногам их на бегу.
А за селом

Воистину, как диво,

Сестрою солнца золотится пива,
Творенье рукотворное она.
Встает заря и небо на востоке
Алеет, словно в свековичном соке.
И слышится мне имя: «Кулистан».
Ах, не ее ли волей так багрян
Свод неба над угодем свековичным?
И голосом окликнул кто-то зычным:
«Эй, Магомед!»

И парень в свой черед
Махнул рукой и дал машине ход.
С отарой в горы двинулся Халит,
Пусть бурка от дождя его хранит,
И слышит он, как в облаках Кубань
Летит, ущелья озвучив гортань.

Лунные руки

У слиянья двух рек
Теберды и Кубани,
Руки вскинула ты
На смеркавшей грани.

Словно лунные крылья,
Они предо мною
Засветились во мгле,
Озарясь вышиною.

Под ногами тропа
Или путь это Млечный?
И звучит в тишине:
«Здравствуй, друг мой сердечный!»

То, что встречу тебя,
Знал с утра и заране

У слиянья двух рек
Теберды и Кубани.

«Подношу вам обоим
Свою благодать я», –
Говорит карачаевок
Раскрыв нам объятия.

И сплелись не впервой
Пред часами ночными
Твои лунные руки
С моими земными.

И мерцает звезда
На высоком платане
У слиянья двух рек
Теберды и Кубани.

***

Вначале был я посохом слепых,
Вначале был я голосом немых,
И получил не потому ли право
Я говорить от имени других?..

***

Слова любую одолеют даль.
Они всечасно ходят по планете.
От них исходят радость и печаль
Для одного иль двух, иль всех на свете.

Память

Безмолвен

Этот памятник-музей.
В торжественном молчании вокруг

Столпились скалы,
Словно круг друзей;
И скорбен, и недвижим
Этот круг.
И сам ты
В тайном трепете стоишь.
От Вечного огня вокруг светло...
В ущелье этом, где аул Кумыш,
Немало душ невинных полегло.
За солнце.
За Россию.
За Кавказ.
За всех людей,
Живущих на земле.
Огонь сердец погибших не угас,
Он светит днем
И в полуночной мгле.
Между печальных двух
Высоких плит
Цветком в губах большой седой горы
Огонь трепещет,
Светится,
Горит –
И озаряет
Дальние миры.
Подходит старец –
Гордый аксакал.
Мудра его седая голова.

Он белую папаху молча снял
И прошептал какие-то слова.
Дождинка,
А быть может, и слеза
Сверкнула вдоль морщинистой щеки.

... А горы вновь уходят в небеса,
Как те бойцы, тверды и высоки.
И сердце жжет
    Недавнею бедой.
Огонь трепещет,
    Светится,
        Горит
Между печальных двух
        Высоких плит –
Цветком
    В губах большой горы седой.

Мусса БАТЧАЕВ (1939–1982)

***

Когда б земля была арбою,
Кого бы – научи! –
Посовещавшись меж собою,
Назначить арбачи³³?
Кто твёрд, чья хватка жестковата,
Тот жалости лишён,
Ну, а податливый, как вата,
Так мягок будет он.
- Жизнь, сделай мягкого потвёрже
И твёрдого смягчи!
И тот, кто человечен, всё же
Пусть будет арбачи!

***

Не видели мы
Поваленное тяжёлым ветром
Крепкое дерево,
Не видели мы
Превращение в пепел под палящим солнцем
Вырванных из земли корней,
Не видели мы
Смерть оторванных от веток
Зелёных листьев,
Которые знойный песок хоронил под собой.
Не видели мы...

³³ Арбачи – возчик арбы.

Все это нам приснилось
На чужой – на бесплодной земле,
В снах без Родины.

***

Тот, кто зрения лишился,
Может слушать пенье птиц,
Потерявший слух
Увидит
В небе всполохи зарниц.
Потерявший ноги
Может
Дорогих друзей обнять;
Потерявший руки
Может
Танец огненный сплясать.
Кто лишился счастья в жизни,
Тот в родную землю лёг,
А кто родины лишился,
Даже этого не смог.

***

Высоко на придорожной круче,
Что молчанье гордое хранит,
Гибкий куст смородины пробился
Сквозь холодный вековой гранит.

Тишина здесь,
Лишь гуляка ветер
Набредет порой на тот утес,
Устилая сумрачные камни
Ягодами спелыми вразброс.
Но к вершине путь далек и труден
Мимо камнепадов и стремнин.

Почему-то вкуса этих ягод
Не изведал путник не один.
Но зачем же рваться через камни,
Так упорно солнца свет любя,
Коль живешь, плодонося впустую,
И цветешь для самого себя?

Белое – чёрное...

Этой весной,
Рано пришедшею,
Все посветлело
Все побелело –
С белого Севера
В край мой приехала
Белая женщина.
Белые ветры
С белых вершин
С яблонь срывают
Самые белые –
Их лепестки, –
Кажется, стая
Белых снежинок
Землю покрыла.

Здравствуй, женщина,
Мне дорогая!
Белые ветви
Все к тебе тянутся,
Белые ветви
Радостно хлопают:
Рад тебе, женщина,
Белый мой сад.

Этого светлого
Счастья не стою я,
Видно, поэтому
Кем-то придумано
Всё, что есть черное...
Этой зимою,
Рано пришедшею,
Черные ветры
Черных вершин
Черные листья
Срывают с ветвей...
Голые руки,
Черные руки
Сад простирает
Вслед тебе, женщина,
Рано ушедшая.

В черных одеждах
Молча стою.
Падает снег,
Молча стою я,
Молча смотрю я,
Как на свиданье
С черной землею,
Снег небывалой
Спешит белизны.

***

Бродя в ущелии дорогой горной,
На склонах их увидеть вы могли
Тропинки, разминувшиеся с торной,
Что змейками к вершинам пролегли.

Билял АППАЕВ (род. 1939)

Вдали от тебя

Наступает не сразу
Здесь темная ночь.
И сегодня она
Все никак не наступит, хоть тресни.
В небе – свет потаенный,
Но мне он не может помочь,
Как и мягкий прибой,
Напевающий тихие песни.
Дремлет море Балтийское,
Чаяк уже не видать,
Лишь мигает маяк
Да видны кораблей силуэты.
Пляж прохладен и пуст,
Тишина, красота, благодать,
Но покоя опять
Мне средь мира притихшего нету.
Лучше б море взыграло
Крутою соленой волной,
Лучше б буря, кидаясь песком,
Среди дюн засвистела.
Но – покой и прохлада,
И я оглушен тишиной,
В благодати земной
Я сейчас инородное тело.
Даже сердца не слышу,
Не знаю – а есть ли оно...
Внезапно вблизи прозвучало.

И еще и еще...
И бодрящая, словно вино,
Ночь вливается в сердце,
Которое вдруг застучало.
Огляделся – но пуст
И песок, и недалний причал,
Лишь седая луна
Над прибором колдует, как пряжа.
Оказалось, что это...
Я имя твое повторял,
Как больной повторяет
В беспомыслии имя Аллаха.

Бергер БАТЧАЕВ (1940–1974)

Лес

И снова цветет карачаевский лес,
Дыханье весны, источая свободно!
С восторгами нашими или же без, –
Он, зная свой долг, будет цвести ежегодно!

Махмут КУБАНОВ (род. 1944)

Борозда

Под светом утренней звезды
Земля роимая лежала.
Нить жизни шла вдоль борозды:
Одна другую продолжала.

Завидя издали врагов,
Бывало, предок мой бесстрашный
Не останавливал быков
Посередине темной пашни.

Он без семян не оставлял
Земли, которой нет дороже.
Но свой серебряный кинжал
Неспешно извлекал из ножен.

И если все-таки сломить
Его упорство удавалось,
То прерывалась жизни нить,
Но борозда не прерывалась.

Фатима БАЙРАМУКОВА

И любовь, и дорога

Судьба. Как тебя обозначить?
В подарок нельзя предназначить,
Не золото ты, не награда,
Не выгода и не отрада,
Не конь, чтоб тебя оседлали,
Не дева, чтоб хитростью взяли.
Судьба. Ты добра иль жестока?
Не вижу прямого истока.
Ты счастьем одаришь неожиданным –
Сведешь с дорогим и желанным,
То недругом вдруг обернешься, –
Швырнув с крутизны, ухмыльнешься.
Воздашь не по чести, но честно.
Унизишь, за что – неизвестно...
Судьба. Я и жизнь повидала,
И смерть надо мною витала,
И плакать пришлось, и смеяться,
Любить, ненавидеть, бояться...
Так что же ты, кто ты – не знаю.
Судьбою, как все, называю,
Судьба, ты и смерть, и тревога,
И жизнь, и любовь, и дорога.

Пусть не седеет мечта

Приходит срок – и волосы седеют
Не потому, что горе белит их.

И листья клена осенью желтеют
Не от луча, который в них проник.

В глазах и сердце горе оседает
Безвыходней, чем в серебре волос.
Пусть обойдет людей мечта седая –
Печальный дух всего, что не сбылось.

Пусть никогда не поседеют чувства,
Что зародились в любящих сердцах,
И доброты высокое искусство
Не сгинет в поседевших словах.

Родной язык

Ты – эхо гор, я – водопадов ропот,
Ты – храм, народной созданный душой,
Ты – матери дыхание и шепот,
Язык родной.

Тебя мы, как и мать, не выбираем.
Ты – колыбельный наш напев простой.
Ты – словно отчий дом, забываем,
Язык родной.

Ты – горных рек могучие потоки,
Ты – гребни гор, что слиты с вышиной,
Ты – жизни неиссякнущие соки
Язык родной.

Ты – дух страны, ты дух её народа,
Его судьба отражена тобой.

Язык Карчи³⁴, язык певца Касбота³⁵,
Язык родной.

---

³⁴ Карча – живший в XIV – XV веках прародитель карачаевцев, возродивший народ после нашествия Тамерлана.

³⁵ Касбот (Кочкаров Касбот) (1834–1940) – знаменитый певец и поэт.

Сапар УЗДЕНОВ (1953)

***

В. Стрельцу

Прикоснёшься пером к листу –
Звук слетает с листа.
Пусть уходит он в высоту,
К синеве в уста.

Там, где дышат ветра вдали,
Станет звук живым.
Станет музыкой для земли
И стихом моим.

***

Над столом дрожит огонёк свечи,
Но не может взлететь никак.
На востоке свет замерцал в ночи –
Недалёкого утра знак.

Человек уходит ночным огнём.
Опустеет подсвечник вновь.
Позабудет царящая жизнь о нём
И другому отдаст любовь.

Человек – игрушка в её руках,
Он не может поспорить с ней.
Даже самый сильный – всего лишь прах,
Только память ушедших дней.

Да, я знаю, что я не сильней других –
Мне в кладбищенской спать земле.
Жизнь, не смейся над гордостью слов моих.
И огонь пусть горит во мгле.

Пусть он дольше в женских блестит глазах
И в заветном труде моём.
Да, я жить хочу, презирая страх.
И уйти – забыв обо всём.

***

В этом тихом лесу, как горянки, стройны стволы.
Не боится он бурь. И гроза ему не страшна.
Он порой поёт и возносит Творцу хвалы,
А порой молчит в синеве ледяного сна.

Но от чувств таких и от дум в моей голове
Старый тополь не сможет опять прошуметь листвою,
Не с живой природой, а с небом одним в родстве
Мёртвый ствол его над весёлой застыл травой.

Прошлым летом он приглашал отдохнуть в тени,
И беспечной груше о чём-то своём шептал.
Но подруга-груша забыла про эти дни
И стоит, красуясь, на фоне далёких скал.

Ты не жалуйся, тополь, на женский лукавый нрав.
Не вини весь мир, – ведь всему свой отпущен срок.
Я согреюсь сердцем в цветенье ветвей и трав.
И сложу молитву – десяток зелёных строк.

***

Как прекрасно, что дороги не найти.
И под ветром раскачались тополя.
Снова вьюга заметает все пути.
И от снега обновилась вся земля.

Не зови меня домой, – я не пойду.
Не ругай меня, не смейся надо мной.
Я на улице, как в сказочном саду,
От морозного цветения хмельной!

Эта вьюга так похожа на меня –
Так же плачет без причины и поёт,
И смеётся, колокольчиком звеня...
Улыбнись и полюби её полёт.

Ты всегда меня считала чудаком.
Говоришь, что в сновиденьях я живу.
Что я с жизнью настоящей не знаком.
Но не могут жить поэты наяву!

***

Студит ветер затылок мне,
Мокнут волосы под дождём.
Призрак ночи в холодной мгле
Заглянул в лицо фонарём.

Заглянул в лицо фонарём –
Нежным взглядом твоим дразня.
Только нам не бывать вдвоём.
Лучше ты позабудь меня.

Лучше ты позабудь меня.
Я устал от бесплодных дум.
И в душе моей нет огня,
В сердце ветра вечерний шум.

В сердце ветра вечерний шум.
Свет свисает с ветвей, как сеть.
И отравлен виденьем ум –
Будто мне на луче висеть ...

Будто мне на луче висеть ...
Но людей голоса слышны.
Греет окон горящих медь.
А в могиле другие сны.

А в могиле другие сны.
Их постичь живым не дано.
Вспомнишь солнце земной весны –
Сердцу станет не так темно.

Сердцу станет не так темно.
Вот и дождь моросит сильней.
Дует ветер. И всё равно
Не забуду я этих дней.

Моя Отчизна

Не вижу я в чужой стране,
В пути, огней родной земли.
Моя земля, что делать мне?
Полсердца там, в твоей дали.

Венеры утренний алмаз,
Как ты, сверкая в вышине,

Порой скрывается из глаз.
Но этот свет горит во мне.

Земля моя, земля моя,
Настои трав в твоих ветрах.
А если здесь останусь я,
Пусть проклянут мой жалкий прах.

***

Я совсем позабыл про дела.
Что мне мир без улыбки твоей?
Без тебя мне и жизнь не мила –
Я совсем разуверился в ней.

Я давно обещаньями сыт.
Я давно от надежды не пьян.
Не скакать мне под звоны копыт
На коне в предрассветный туман.

Как деревья в глухом ноябре,
Без тебя опустела душа.
И безмолвно стою на дворе,
Как старик, никуда не спеша.

Нет, не звякнет уздечка коня.
Дождь стихает. И сыплет опять ...
Снова жизнь обманула меня. ...
А хотелось о счастье сказать.

***

Привет вам, камни кладбищ родовых.
Привет вам всем, со всех сторон земли.
Пусть мирный сон ваш не смутит живых, –
Вы тишину и вечность обрели.

Привет вам, камни кладбищ родовых.
Взволнован я... мне не хватает слов.
Пусть трепет тайный чистых чувств моих
Стирает с вас и пыль, и грязь веков.

Привет вам, камни кладбищ родовых.
Привет вам шлюют безумец и мудрец.
Ваш мир в тенях и бликах золотых
Приветствуют Начало и Конец.

***

В юности не страшен гнев судьбы,
Мне защитой будет отчий край.
Как его просторы голубы!
Ты, душа, гори и не сгорай.

В старости не страшен гнев судьбы.
Как благая весть в краю родном
Прозвучит зов ангельской трубы
Надо мной в пространстве голубом.

***

Иссякают силы ума от бесплодных дум.
Иссякают, слабеют силы души моей.
Впереди меня ждёт не пирушек весёлый шум, –
Нет, дорога жизни спускается в мир теней.

Очень скоро скажу я: «Прости, моя жизнь, прощай!».
Бедный разум мой и душа обретут покой.
После смерти узнаю бессмертный, счастливый край.
И как путник пот, эти мысли смахну рукой.

Билял ЛАЙПАНОВ (род. 1955)

***

Не камень, сорвавшийся с диких скал,
А звездный метеорит –
Вот слово, которое я искал:
Пусть в небе хоть миг горит!

От сердца к сердцу – далекий путь
Через пространство тьмы...
Как пламенным словом перечеркнуть
Пропась между людьми?

***

Ты семь пластов земли – и щедрых, и чудесных,
В сиянии светил семь ярусов небесных,
Большой Медведицей повсюду ты со мной,
Семь незабвенных букв, в любом краю известных, –
Мой Карачай родной.

В сердечной глубине, просторной, семислойной,
Ты на семи крылах паришь мечтою стройной,
Мой Карачай родной.

В немеркнущем мечтанье,
Как древних семь чудес в любовном сочетанье,
Как радуга, что мир небесный и земной

Покоит радостно в объятых семицветных –
Семь звуков дорогих, семь букв твоих заветных,
Мой Карачай родной.

Моей недели дни, крылатые мгновенья
И думы ясные, мои благословенья,
Эдемов и геенн седмица, свет и зной, –
О Карачай родной!

Навеки я уйду, когда судьба прикажет,
И сердце в отчий край смиренным даром ляжет,
Объято благодарных песен пеленой,
А ты живи, живи под синевою вечной,
С тобой воскресну я для жизни бесконечной –
Душа моей души, мой Карачай родной!

Молитва старика карачаевца-мухаджира

Лицом обратившись к востоку,
Прошу, милосердный Аллах:
Пусть люди, чье сердце жестоко,
Не тронут отцов наших прах!

Ни доблесть и сила джигита,
Ни мудрых людей седина
Для наших могил не защита,
Ведь это – чужая страна.

Безропотно бедность приемлем
И вытерпим мы нищету..
Раздай свою милость всем землям,
Оставь без богатства лишь ту,

Где предков священные кости, –
Молю, чтоб не трогали их!
Мы здесь – как незваные гости
Вдали от пределов родных.
Да будет бесплодна природа
Там, где очагов наших дым...
Пускай только сердце народа
Останется век золотым.

***

Крик заблудившихся журавлей
В тумане встретился
С воем собак,
Прикованных цепью....

И землю
Пронизал осенний дождь.

***

Не считай уходящие дни –
Всё свершится в положенный срок.
Ты и смерть, как сестру полюби,
Ведь она – твоей жизни итог.

Не спросясь, ты родился на свет.
Не спросясь, тебя смерть унесёт.
В этом мире бессмертия нет,
За приходом быть должен уход.

И, устав от мирской суеты,
Тихо день догорит за спиной...

На пороге оставив цветы,
Молча дверь затвори за собой.

Молния

Оленорогая молния
Была когда-то оленем.
Вот и теперь
Копытом бьет по земле,
К траве припадает,
С ревом проносится
По горам –
Ищет того, кто выстрелом
Превратил её
В молнию.

Рыбак

Чиста его улыбка.
Он мускулист, высок!
А рядом бьётся рыбка,
Отброшена в песок ...

И он забьётся рыбкой,
Но счастлив он, пока
На мир глядит с улыбкой
Глазами рыбака.

Смеется, убивая.
А я смотрю в тоске –
Его душа живая
Трепещет на песке.

Стремление

Стремление от века суждено:
В нем смертное бессмертному равно.
Хоть в облака, хоть на морское дно:
Но для всего стремление одно.

Так птиц к родному берегу влечет,
Так к морю сквозь скалу река течет.
Пускай зерно в земле погребено:
Но и ему стремление дано!

Придет весна, и в нем забродит сок,
И к небу пробирается росток...
И тополь начинает к звездам рост,
Хоть знает он, что не достигнет звезд.

Вот так и я стремлюсь к тебе всегда,
Пусть ты недостижима, как звезда.
Хоть вечность буду я к тебе идти,
Конца не будет этому пути.

***

Как высохшая кожа,
Разорван лик земной –
Живое уничтожил
Палящий летний зной.

Ни облачка, ни тучи,
Лишь огненный зенит
Всю землю жаром мучит
И как струна звенит.

Пылающее небо
Не устаю просить
Спасти колосья хлеба,
Деревья оросить.

О влаге молит каждый:
И корень, и побег,
Что обескровлен жаждой,
Как горем – человек.

Для них, как для народа,
Судьба и жизнь – одно...
Что дерево без плода?
Без колоса – зерно?

Прошу за все живое –
За травы и за мох...
Я сам – иголка хвои
На дереве эпох...

Играй же, музыка, играй!

Играй же, музыка, играй!
Открой для нас иные дали...
Играй для тех, что проиграли.
Играй же, музыка, играй!

Играй же, музыка, играй!
Пусть музыкант не знает лени.
Играй для новых поколений
И будущее разгадай!

Билял Лайпанов

Играй, ведь главное – начать!
Играй, покуда хватит силы!
Ведь мы успеем помолчать
В уединении могилы...

Играй же, музыка, играй!
Играй всю жизнь, не умолкая.
Лишь ты способна нам, играя,
И землю подарить, и рай!

Играй же, музыка, играй...

Альберт УЗДЕНОВ (род. 1957)

1957. Возвращение

Нежный май... Под луной
Крутосклоны белей молока.
Мой конек вороной
Пьет из звездного родника.

Только радостный всхлест,
Только пена и плеск вгорячах
И качание звезд
В этих конских раскосых очах.

Что до нашей беды
Жеребцу!.. Он и счастлив, и юн...
Только сладость воды
Знает этот беспечный шалун.

Та песчаная сушь
Будет сниться вернувшимся, где
Столько сгнуло душ
Вот об этой мечтая воде.

Журавли

Осенью облака гонит ветра порыв,
Серые облака гонит в далекий путь.
Вот обтекли Эльбрус, горло его обвив,
Чтобы, проплыв над ним, вновь на него взглянуть.

И, сторонясь облаков, вытянувшись стрелой,
Криками торопя тех, что отстать могли,
Тут собрались и вы в путь вековечный свой,
К дальнему югу вновь двинулись журавли.

Трепетно помахав крыльями с вышины,
Счастья нам пожелав и оставляя нас,
Звучные голоса, словно печаль зурны,
Шлете моей душе в этот прощальный час.

Родина ваша вновь под взмахами ваших крыл,
Я – опять под крылом милой Отчизны моей.
Что же ваш долгий крик душу мою пронзил,
Горькую пробудил память изгнания в ней.

Скольким из вас сюда не вернуться весной,
И, не дождавшись вас, – как обрывают нить,
Скольким из нас прервать путь суждено земной,
С завистью горькой к тем, кто остаётся жить.

Бурхан БЕРБЕРОВ (род 1961)

***

Отбрасывает тень на стену
Висящий на сене кувшин –
То лунный луч, придя с вершин,
Его наполнил сокровенно.

В стене не поржавеет гвоздь,
И нету трещин на кувшине.
Для сердца ты – желанный гость,
Приди, как лунный свет к вершине.

И снова тень отдаст стене
Кувшин, наполненный луною.
Я верю – ты придёшь ко мне
И не расстанешься со мною.

Шамиль УЗДЕНОВ

Жизнь на высоте

Ветер черные тучи на тучи несёт,
Бьются лбами, и схватка долга,
И вонзаются в землю, срываясь с высот,
Быстрых молний оленьи рога.

На заре перепуг у живущих внизу...
Всё горит деревцо на скале,
И глядят на огонь, поминая грозу,
Будто горя и нет на земле.

Знать, тому нелегко, кто на кручу залез,
Хоть избегнет он дольного зла.
Но утёсу не скрыться от грозных небес...
Ствол древесный обуглен дотла.

Старый путник

Вдали, как острие стрелы, конец пути.
Плетётся, силится старик тот путь пройти.
А вдоль дороги тополя стоят, желты...
Под ветром, сухи и мертвы, летят листья.

Из долгой вечности старик идёт, устав.
Погоня времени за ним летит стремглав.
Вот, чуть помедлив, поглядел на листьев слой,
Как будто бы один из них сравнил с собой.

ПОЭТЫ БАЛКАРИИ

Кязим МЕЧИЕВ (1859–1945)

***

К тебе я хотел перебраться в челне, –
Челнок опрокинулся мой.
К тебе я хотел прискакать на коне, –
Свалился мой конь вороной.

В письме я с тобою повел разговор, –
Письмо утонуло в реке.
Мой голос не слышен тебе из-за гор,
Лишь эхо звенит вдалеке.

1890

***

Холмик мы не приравняем к скалам,
Ветке садом слыть не подобает.
Выживает раненный кинжалом,
Раненный любовью – погибает.

1890

***

Твой отец заходил как-то раз
В нашу кузню – заказывал путы.
Я всё сердце вложил в тот заказ!
Он унёс его... Я ни минуты

Не жалел, не жалею о том:
Скакуна пусть отец твой стреножит,
Но он внес моё сердце в твой дом –
И тебя он стреножить не сможет!

1890

Сетования девушки

Дал мне косы длинные Аллах,
Только счастья не дал мне в делах,
Черные глаза дала мне мать,
Чтоб любовь у дочери отнять.

С милым я навек разлучена,
Скорбь моя соседям не слышна.
Где найду слезам своим приют?
Только скалы боль мою поймут...

1900

***

Было время – любовь даром счастья была,
Даром жизни была золотым;
Но иными привычными стали дела:
Нет огня меж любимыми, – дым!

Спорят, судятся сами себе на беду,
Были – родичи, стали – враги.
Сколько дёгтя сегодня в любовном меду?
Где свет в душах? Не видно ни зги!

Ведь мерилом стал нынче достаток служить:
Коль богат, то и древний слепец
С луноликой красавицей сможет зажечь,
Истерзав её душу вконец!

О Тахире с Зухрой, их великой любви
Написавший когда-то Кязим,
Твоё сердце сегодня от горя в крови –
Ты судьбою влюблённых казним...

1904

Завещание сыну

Сын мой, скоро я в могилу лягу.
Сколько зла судьба мне принесла!
Ты же, может быть, придешь ко благу,
Жизнь увидишь без людского зла.

Если ты увидишь, что взрастили
Люди мир и счастье на земле,
Сын мой, подойди к моей могиле,
Крикни мне о побежденном зле.

Может быть, сквозь черный прах могильный,
Чтоб я смог спокойно отдохнуть,
Голос твой услышу звонкий, сильный...
Только, сын мой, крикнуть не забудь!

1906

***

Серый камень сорвался с утеса,
В мрачной бездне остался лежать.
Никогда ты наверх не вернешься,
Свой утес не увидишь опять...

Я молю тебя, господи, ныне:
Лучше в камень меня преврати,

Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати!

1910. Дамаск

***

Я сравню тебя с моей стрелой,
Молодость, пустилась ты в полёт.
За какой сокрылась ты скалою?
Кто тебя, далёкую, найдёт?

Ты взяла красу и стать фазанью,
Молодость, достойная хвалы, –
Или ты была той самой ланью,
Что погибла от моей стрелы?

1910

***

Порою на вершине снег блистает,
Порою тает на горе,
А боль моей души, увы, не тает,
Ни при какой жаре.

Свалился тур, чью кровь земля глотает, –
И вот от крови нет следа,
А боль мою долина не впитает,
Не унесёт вода.

1910. Стамбул

***

У турков, арабов проделав скитаний круги,
Я снова увидел вершины твои, Безенги.
Что может быть лучше, отраднее в мире земном,
Чем запах кизячного дыма в ауле родном!

1910

***

Чтоб родину избавить от невзгод,
Я в кузнице кую железо с жаром,
И, видя как страдает мой народ,
Я сам горю, как уголь в горне старом.

1910

Колыбельная песня

Луна в родном ауле
Нам светит, мой малыш.
Вершины гор заснули,
А ты еще не спишь.

И ослик и теленок
Уснули на дворе.
Не плачь, мой соколенок, –
Проснешься на заре.

Цыплята спят в сарае,
Луна им шлет привет.
Усни, забот не зная,
Усни, мой лунный свет.

Скорее стань мужчиной,
Скорей порадуй нас,
Усни, мой снег вершинный,
Усни, мой светоч глаз.

Пусть беды в день жестокий
Проходят стороной.
Усни, мой белобокий
Ягненок родной.

Под месяцем лучистым –
Покой и забытье.
Твой мир да будет чистым,
Как молоко мое.

А кто клинок добудет,
Кто станет нам врагом, –
Да материнским будет
Он проклят молоком!

Ты на земном просторе,
Всем недругам на страх,
Живи, как рыба в море,
Как птица в небесах.

Спят скалы и утесы,
Кругом – луна и тишь.
Усни, звонкоголосый,
Усни, усни, малыш!

1910

***

Сегодня князь Суююнч Ахмата бедняка
Ударил палкою – и голову рассек.
Той палкой ранен я, и рана глубока:
Душа моя в крови, – не заживёт вовек.

1912

***

Стал мрачен свод небес, над салями нависший,
И горести, как снег, посыпались на крыши.
Аллах, Аллах, взгляни на горы! В самом деле:
Их головы от бед и горя поседали!

1913

***

Легко в горах находит путь беда –
Она к нам в дол приходит без труда.
Но где блуждает счастье до сих пор?
Трудна его дорога среди гор!

1913

Стихи, сказанные одинокой иве у горной реки

Ты у речки расцвела красиво
И меня обрадовала, ива.
Трудно в кратких описать словах
Мягкие барашки на ветвях!

К нам пришла ты из какого края?
Как ты здесь росла, семьи не зная?
Как ты не сгорела в душный зной?
Не замерзла, бедная, зимой?

Как росла ты без сестер и братьев,
И друзей, и родичей утратив?
Ни отец, ни любящая мать
Не могли сиротку опекать!

Я не раздавлю твои барашки,
Зла тебе не причиню, бедняжке,
Не срублю тебя, не погублю,
Я не из таких: я жизнь люблю!

Ты нежна от белого цветенья,
И тобой люблюсь каждый день я.
Я склоняюсь у твоих ветвей,
Прелесть бедной родины моей!

Знаю, есть такие лиходеи
(Оттого ты стала мне милее!),
Что тебя хотят сломать, срубить,
Вместе с корнем вырвать, истребить.

Не позволю, чтоб лила ты слезы!
Пусть тебя не обдирают козы,
Пусть не гнет свирепый ветер с гор,
Пусть не рубит вражеский топор!

Этот мир обходится жестоко
С нами, уходящими до срока...
Ива-сиротинка над рекой,
Да хранит Всевышний твой покой!

1913

***

Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,
Но горы, как всегда, без трепета стоят.
В години бедствия, тревоги и невзгод
Учись у наших гор, несчастный мой народ

1914

***

Послушайте, люди, что скажет Кязим,
Я много хорошего знал и дурного.
Пришла ко мне старость, как тысяча зим...
Пусть с вами живет мое доброе слово!

1939

Моя корова

С лысинкой на лбу моя корова,
Ты отменным нас поишь питьем.
Дружно восклицая: «Будь здорова!»,
Твой айран мы с наслаждением пьем.

Молоко даришь ты нашим детям,
Чтоб росли скорей и веселей.
С молоком густым, прохладным встретим
В жаркий день приехавших гостей.

Если будут бить тебя ребята,
Оскорбляя доброту твою, –
Их настигнет быстрая расплата:
Посохом своим я их побью.

Крепкая от корма лугового,
Нашу украшаешь ты судьбу,
С лысинкой на лбу моя корова,
Ласковая, с лысинкой на лбу.

1940

***

Я – часть живого. Жил. Горел светильник.
Кузнец я был. И много книг прочёл.
Я, старших уважая, годы чтил в них,
И путь земной, страшась греха, прошёл.

Останутся мой горн и наковальня,
Мой молот, что в работе был горазд.
Никто не знает с миром расставанья,
Покуда всё, что должен, не отдаст.

Умру – в мой двор придут односельчане,
Придут, скорбя, со всех концов села,
Молясь, чтоб на меня не осерчали
Те, кто итожит бранные дела.

Молитву старцы вознесут неспешно.
Рвать волосы останется сестре.
Мой старый пёс завоюет безутешно...
Три дня пробудут люди во дворе.

Могильный холод стиснет моё тело,
Мункар с Нанкиром жизнь мою прочтут.
При жизни от молитв лицо светлело –
Я буду там таким же, как и тут.

«Един Аллах...», – так скажут возле кузни
Те, чья глава от долгих лет бела.
Даст Бог – и я, своей могилы узник,
Живым пребуду в памяти села.

1943

Многострадальный мой народ

Вслушайтесь и правильно поймите
Вы слова печальные мои:
Ненависти в сердце не берите,
Гиблой избежите колеи.

Главный так решил. В чужие дали
Повелел переселить народ.
Разве виноватых здесь искали?..
Не было в веках таких невзгод!

Без одежды зимней и без пищи,
Стольких потеряв, бредем во мгле,
Ну, а там, на отчем пепелище,
Мертвые не преданы земле.

Губит нас корысти вражьей сила.
Суд неправый, и не жди добра,
И к земле невинных придавила
Наговоров темная гора.

Мы вошли в товарные вагоны,
Мы стальных путей узнали зло,
Но однажды выправят законы,
И терпенье наше не ушло.

Вижу: потускнели наши лица,
Мы слабеем, тучи все темней.
Если это бедствие продлится,
Разве светлых мы дождемся дней?

Стала жизнь, как рубище, дырява,
Сделалась безвкусною еда,
Беды – и налево и направо,
Нищие, уходим в никуда.

Силы сердца иссякают ныне,
Ни в руках нет мощи, ни в ногах.
Маются бездомные в пустыне,
Жизни радость превратилась в прах.

Враг на землю наступил родную,
Истребить решил нас и стереть.
Все равно старался он впустую –
В собственном огне ему гореть!

Честный труд – спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас,
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.

Свой народ прошу – с бедою споря,
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут.

1944. Казахстан

Завещание

К тем, кто будет меня обмывать,
Совершая последний обряд,
К тем, кто будет по мне горевать,
Сна не ведая, ночи подряд,

К тем, кто будет могилу копать,
К тем, кому мое тело нести,
К тем, кто будет мой прах засыпать,
К тем, чьи дальше уходят пути, –

К ним, ко всем с завещаньем своим
Обращается ныне Кязим:
В трудный час, чтобы выжить и жить,
Надо ближним уметь дорожить.

В единении – сила, расцвет.
Без любви единения нет.
Пусть язык ваш не знает вражды,
Пусть ваш дом не узнает беды.

1944

Берт ГУРТУЕВ (1910–2001)

После боя

Он в атаку бежал,
Смерть летела к нему
Быстрой пулей,
Как ветер, свистящий в ушах.
Он в атаку бежал
По крутому холму,
Сапогами сбивая
Росу на цветах.
И когда добежал
До окопов солдат,
Он забыл обо всём,
Он себя не щадил,
На врагов опускал он,
Как молот, приклад,
Словно ярость солдату
Прибавила сил.
А потом он сидел,
Вился сизый дымок.
Остывала земля.
Продолжалась война.
Но казалось земле,
Что покой недалёк,
А солдату казалось –
Кричит тишина.

1942

Ландыш и черемша

Растаяли ночные облака,
И на рассвете поднялись упруго
Облитые росой два цветка,
Похожие, как братья, друг на друга.

Под вешним солнцем набираясь сил,
Они стояли рядом, и при этом
Казалось так, что каждый повторил
Себя в другом
И листьями, и цветом.

Их можно было спутать под рукой,
Двух близнецов с несхожею душою,
Один был нежным ландышем,
Другой –
Стоявший рядом – звался черемшою.

Один дарил тончайший аромат –
Вдохнуть его и дорого, и любо;
Другой как будто людям был не рад
И терпкой влагой обжигал им губы...

Не ошибись в пути, товарищ мой,
Когда, любуясь пестротой луга,
Увидишь ты цветы перед собой,
Похожие, как эти, друг на друга.

Природа наделила их равно
Неброской, одинаковой красою,
Но только одному из них дано
Людей приветить раннею весною.

А то и так бывает на веку, –
И этому у нас примеров много, –
Притронешься к прекрасному цветку
И вскрикнешь от мгновенного озноба.

1947

***

Ты звезда из серебра или солнце золотое?
Ты – душа моей любви, её сердце молодое.

Что поможет показать белый свет, если вправду
Ты – зеница, свет очей, а не что-нибудь другое.

Или – сладостный язык, мне газели говорящий,
Те слова, что о любви, не изведавшей покоя.

О тебе, как ученик, думаю я, джан, всё время.
Ты – непознанная даль, тайна, смутное былое.

Если я – рододендрон на горе высокой, белой,
Ты – цветок её вершин и цветение живое.

Чтоб сквозь бездны перебраться, чтобы верный путь найти,
Ты – надёжный мост, я знаю, сердцем ведаю про всё я.

Чтоб спасти меня от тягот и от трудностей спасти,
Ты всегда моя защита, а без этого ничто я.

***

К Аслиджан стремился я, к ней, что свет моих лет,
Даже ночью мои сны беспокойные – о ней.

Как смогу я рассказать, что безмерна эта грусть,
Что на свете нет любви, нет любви моей сильней?

Хоть решусь я объяснить ей любовь свою и грусть,
Даст ли мне она ответ, тот, который всех верней?

Что же горестней всего, если любит человек
Без взаимности большой, той, которой нет милей?

Но бывают среди нас притеснители любви,
Сбросить с гор её хотят, сбросить в бездну поскорей.

Кто влюблённым мстит, смеясь, словом хочет уколоть,
Пусть он сгинет сам с земли, станет пищею червей!

***

Мечту свою к тебе направил, карачач³⁶,
Себя я ждать в тот час заставил, карачач.

И спас в тебе свою я лучшую мечту,
Её и прятал я и славил, карачач.

Теперь пришла в мои объятия сама,
Путь к счастью я себе поправил, карачач.

На нашу свадьбу гармониста пригласил,
Танцоров лучших я представил, карачач.

Как танцевали, веселились во дворе –
Я ничего здесь не прибавил, карачач.

³⁶ Карачач – черноволосая.

Берт Гуртуев

А проводив гостей, остался я с тобой,
И месяц путь к нам свой направил, карачач.

И все сомненья, что держал на сердце Берт,
Ты прогнала. Нас жар оплавил, карачач.

К любви я шёл – и вот попал я в светлый рай,
А потому, что не лукавил, карачач.

Керим ОТАРОВ (1912–1974)

Колокольцы весны

За окном у меня колокольцы весны
Все звенят и звенят, гонят зимние сны.
Все звенят и звенят, а глядишь сквозь стекло –
В светлом инее сад и, как прежде, бело.
Но средь белого дня кто-то тронул струну, –
Колокольцы звенят, бороздя тишину;
Им зима не родня, и они подо льдом
Все звенят и звенят: землю мы раскуем!
И бегут все быстрее по холмам и полям
От холодных ночей к расцветающим дням...
За окном у меня колокольцы весны
Все звенят и звенят, гонят зимние сны.

1935

Крик птицы в ночи

Летняя ночь и душна и темна,
Мрак, будто море, огромен.
Сутки без отдыха и без сна
Рота стоит в обороне.
Ливень обрушился, как водопад, –
Сразу отхлынула дрема.
Вот, будто рядом взорвался снаряд,
Грохот послышался грома.
И в тишине наступившей, в ночи –
Может быть, это лишь снится? –

Все мы услышали: птица кричит,
Плачет, как женщина, птица!
То ли гроза разорила гнездо,
Ветер ли хлынувший сдунул?
И, подавляя непрошенный вздох,
Каждый о доме подумал: о, радость земли –
Матери наши и жены!
Сколько вас плачет вот так же вдали
Возле селений сожженных!

1941

Письмо на фронт

От тревожных мыслей нет покоя,
Ночи провожу, не знаю сна,
Выйду, тополь обниму с тоскою,
Со своими думами одна.

Не расскажут о тебе Элькеры³⁷,
Где ты? И Луна не даст ответ.
Мне войну не пережить без веры,
Что она не разлучит нас. Нет!

Пышно разрослись цветы под домом,
Те, что ты когда-то посадил.
Боль прихватит, встанет в горле комом,
Стоит вспомнить, как ты уходил.

Мой любимый, слышишь ли подругу,
Если бы из сердца я могла
Боевую выковать кольчугу,
Чтоб тебя в бою уберегла!

---

³⁷ Элькеры – созвездие Плеяд.

Ветер слезы сушит – не осушит.
Может, где-то встретит он тебя,
Вдалеке разыщет, вездесущий,
Припадет к груди, как я любя.

Как мои слова запомнить ветру –
Их не меньше, чем волос в косе.
Может, он, летающий по свету,
Донесет к тебе слова не все.

Знай, что я в победу нашу верю.
Верю, что меня ты не забыл.
Ожиданьем я разлуку мерю.
Лишь бы жил ты! Лишь бы жив ты был!

1941

Ласточка вьёт гнездо

Ласточка вьёт гнездо
На потолке блиндажа, –
Лепит спокойно, словно
В мире – мир, тишина.
Я смотрю на неё
Пристально, не дыша.
Сердце громко поет:
Это – весна, весна!

Листьями вспыхнул лес.
Зазеленели поля.
Дождик брызжет, и даль
Беспредельно ясна.
Сладко пахнет земля,
Травами шевеля.

Сердце гулко стучит:
Это – весна, весна!

Вдруг – немецкий снаряд
Разорвался вблизи.
Снова громом войны
Вся округа полна.
Снова земля в крови.
Снова весна в грязи.
Снова сердце скорбит –
Ранена вновь весна!

Наши орудья опять
Начали гроыхать.
Тяжко гудит земля,
Вздрагивает она.
Глухо стонет она,
Словно старуха мать.
Сердце твердит:
Излечим! Мы поможем, весна!

Грохот орудий стих.
Грозно закат горит.
Передохнем чуток –
Скоро начнется бой.
Слушаю тишину...
Сердце мне говорит:
Скоро победы весну
Мы увидим с тобой!

1942

В разоренной деревне

С бою взяли село на рассвете,
Не сдержал нас и шквал огневой.
С бою взяли село –
И никто не встретил,
И души не отыщешь живой.
Где дымились приветливо трубы
И дома протянулись в ряд,
Там теперь, словно черные трупы,
Обгоревшие сосны торчат.
Все вокруг запорошено пеплом,
Только голые печи видны.
До чего же они нелепы,
Эти памятники войны!
Тишина.
Отгремела атака,
Лишь руины, чернея, дымят,
Да оглошшая смотрит собака
На идущих вразвалку солдат...
Так и врезался в сердце солдат
Сиротливый собачий взгляд.

1942

Глаза любимых, дружеские руки...

В тяжелых испытаниях, в разлуке,
В дыму атак и просто в горький час,
Глаза любимых, дружеские руки,
Нет на земле нам радости без вас.
Среди огня и пушечного грома,
Приняв без страха тысячу смертей,
Мы шли вперед по самому крутому
И трудному из всех земных путей.

Мы сотни верст прошли в пыли походной,
Святую ненависть к врагу тая,
Чтоб ты была счастливой и свободной,
О, Родина великая моя!
Как мать свою, спасая от удара,
Сын заслоняет от врагов, любя, –
Так в грозный час от пламени пожара
Мы заслоняли, Родина, тебя.
В едином поднимались мы порыве
За правду нашу и за честь страны,
Мы защищали мир – и справедливей,
Чем битва эта, в мире нет войны
Когда мы шли сквозь непогодь и вьюги,
По бездорожью, топям и снегам,
Глаза любимых, дружеские руки
И днем и ночью помогали нам.
Они, как сказка, были между нами
И песней, что навеки дорога,
И крыльями, и острыми штыками,
Направленными прямо в грудь врага.
Они сердца спасали от печали,
И, нас благословляя на борьбу,
Своим прикосновеньем облегчали
Суровую солдатскую судьбу.
В тяжелых испытаниях, в разлуке,
В дыму атак и просто в горький час,
Глаза любимых, дружеские руки,
Нет на земле нам радости без вас!

1943

Ты помнишь, Харьков?

Харьков! Залечил ты свои раны,
Снова жизнью мирною живешь,

На твоих проспектах утром ранним
Весело смеется молодежь.
Но на каждом твоём старом здании
Все ж остался тех осколков след.
В скольких семьях длится ожиданье
Блиzkих и родных.
А их все нет.
Где-то здесь в одной из схваток жарких
Брат родной мой – Абдуллах – погиб.
На тебя смотрю с тоскою, Харьков.
Может, ты запомнил этот миг?
Может, знаешь ты его могилу
И звезду фанерную над ним?
Он ушел из жизни, брат мой милый,
Навсегда оставшись молодым.
Я бы сам свинец тот вражий встретил
И закрыл бы брата, как щитом,
Только в день его героической смерти
Сам я шел в атаку под Орлом!
Синих гор его ласкали кручи,
За тебя ж он отдал жизнь свою.
Видно, такова у храбрых участь:
Умирать не дома, а в бою!

1955

В ту ночь

Когда средь ночи громко в дверь стучатся,
Как при пожаре – надо, мол, тушить, –
То к колыбелям матери стремятся,
Чтоб малышкой скорее защитить.

Так было и в ту ночь... Когда солдаты
Врывались в наши мирные дома,

То чувство незаслуженной утраты
Едва ли не сводило нас с ума.

Как лихорадка, нас трясла тревога,
Земля вздыхала горестно вослед.
Куда уводит дальняя дорога,
Никто не знал... Казалось, это бред.

Шли толки в недрах мрачных эшелонов:
«Не может быть... Наказывать народ?..
Таких вовеки не было законов!..
Скорей на землю рухнет небосвод!» ...

Как получилось, что в ту злую пору
Стоять мы насмерть не были должны?
Но ведь не вражью видели мы свору!
Мы видели солдат своей страны...

Иначе в бой мы бросились бы смело –
У горцев так давно заведено.
А здесь как быть? Неправедное дело
Без адвокатов было решено.

Мы поняли: судьба для нас померкла
И горе мы изведем сполна,
Но повторяли, брошенные в пекло:
«Не может стать нам мачехой страна!».

И с участью решили мы смириться –
Мы, верные Отчизны сыновья.
Попробуй кто тогда не подчиниться –
Мгновенно бы лишился бытия.

Ведь на свою страну поднявший руку
Поднял ее на собственную мать.
Познав с родной землей своей разлуку,
Мы крови не хотели проливать.

Не стали мы плевать на дно колодца,
Все укрепились духом как один:
Ведь даже если мать и ошибётся,
Её за то не осуждает сын.

1950

Горький вопрос

Живем, вспоминая минувшие дни...
Неужто мы в мире всех прочих ущербней?
Войска вошли в Нальчик – явились они
Под вечер, как будто туман из ущелий.

Вдруг стало так тихо! Не слышно собак...
Кругом все примолкло тревожно и чутко –
Всегда перед бурей случается так.
Я сел у окна, на коленях – дочурка.

Телега проехала по мостовой,
Прошли краснотелые наши солдаты...
В их лицах была не готовность на бой –
Тревога, сомненье и чувство утраты.

«Готов к новым ранам?», – один мне сказал.
Как будто бы старых мне недоставало!
Не мог я понять: скоро грянет обвал.
Вся Родина этого не понимала.

Спросила «За что выселяют нас?» дочь.
Что мог я ответить в разливах тумана?
Мне горечь вопроса дано ль превозмочь?
Он жжет до сих пор мое сердце, как рана.

1950

Каспийские степи

Эти дни я забуду едва ли,
В снах кошмарных их видел не раз.
Нас свои же войска выселяли,
Выполняя злодейский указ.

Чем могли, помогали солдаты,
Отводили в смущенье глаза,
Словно это они виноваты,
Что над нами ярится гроза.

Забывая все двери вагонов
(Каждый гвоздь – что зловещий указ!),
Они слез не хотели и стонов,
Только это не трогало нас.

Знали мы – дело здесь не в солдатах,
Но тревожил неведомый путь:
Что нас ждет, без вины виноватых?
Неизвестность терзала нам грудь.

Молча женщины наши сидели –
Было страшно, что плач их утих,
А каспийские степи чернели,
Словно горе обуглило их.

Невзирая на слезы и стоны,
На народ возложили «вину»,
И угрюмые шли эшелоны
В темноту, словно шли на войну...

1947

Невольничий рынок

Эшелон в степи остановился.
Ночь казалась долгой, словно год.
Наконец с рассветом проявился
Рельс извив – наш долгий путь невзгод.

Шелковыми луков тетивами
Заблестали яркие лучи.
Мы, скорбя, качали головами –
Как же солнце может плавать в ночи?

Встали в цепь мы, морщась от обиды,
Начали «купцы» нас выбирать.
Дети, старики и инвалиды –
Не нужна нигде такая «рать».

Что поделаться? Было по старинке –
Так же выбирались и рабы.
Словно на невольничьем мы рынке
Ждали разрешения судьбы...

Нас примерно сотня оставалась,
Но – «в телегах места больше нет».
Уповать на милость или жалость?
Много ли их знает этот свет?

Все ж таки, Аллаху повинуюсь,
Всех детей киргизы-старики
Взяли – ведь где старость, там и юность,
А сиротство всем нам не с руки.

Нам в глаза потом они взглянули –
И для нас нашлись у них места.
Будем мы обузою в ауле,
Но – сильнее всё же доброта.

Все преодолееет человечность,
Как бы ни бывало тяжело.
Ее света, проживи хоть вечность,
Никогда затмить не сможет зло.

1950

Мольба с упреком пополам...

Ответствуй, мир бескрайний: почему
Одним ты, словно солнце в небе, светишь,
Других же судьбы ввергнуты во тьму?
Я не пойму! Быть может, ты ответишь?

Лишаешь ты и хлеба, и воды
Людей несчастных, в бездну их ввергая.
Ласкает взор твой вид чужой беды?!
Какая же причина здесь другая?

Неужто, мир, большим народам ты
Служить поставил малые народы,
И нет меж ними братской доброты,
Что заглушила б ненависти всходы?

Плохих народов ввек не видел свет –
Об этом знали и во время оно.
Коль на народ закон возвел навет,
То нет бесчеловечнее закона.

Зачем ты, мир, придумал паспорта –
По ним ли различают добродетель?
Не в них вина, не в них и правота,
Не им сказать, кто темен, а кто светел.

Жестокий мир, сердца ты нам не рань,
Ведь безразличье – страшная беспечность.
Коль меж добром и злом проложишь грань,
Тогда восторжествует человечность.

В стране должны быть нации равны,
Удел ее детей быть должен общим.
Так почему же мы, ее сыны,
Как пасынки, сегодня горько ропщем?

Быть может, нет у нас своих вождей,
Которые всегда нас возглавляли?
Нет доблестных у нас богатырей,
Что Родину отважно защищали?

Да разве среди тех, чья доля зла,
Нет мастеров с руками золотыми?
А матери, лишённые тепла,
Зря тех клянут, кто сделал это с ними?

Осталась детвора без молока –
А мы ведь нашей живностью гордились!
Нехватку хлеба знали ль мы, пока
Своих прекрасных пашен не лишились?

Мать на еду меняет кебинлик³⁸ –
Кто ожидал подобного исхода?
К вещам подобным горец не привык –
Куда ж ушло добро его народа?

Переселенцы... Праведны они!
Перед любым отвечу я за это.
И ты, о мир, несчастных не черни –
Солдат страны, я требую ответа!

Постигнет кара тех, кто виноват!
Не отвергайте чаяний народных!
О, как в тот светлый день я буду рад,
Когда не станет сирых и голодных!

Мир, будь добрее к нашим матерям, –
Ведь знаешь сам: без них нет в жизни счастья.
Позор тому навеки, стыд и срам,
Кто к матерям не ведает участия!

Безмерно благодарен я Судьбе,
Что на войне в живых сумел остаться.
Упреки, что звучат в моей мольбе,
Отнюдь не могут этого касаться.

Куда сильнее мной вынесенных ран
Жжет мука за страдания наших близких.
Пусть в небесах развеется туман,
Нет радости в селениях киргизских.

---

³⁸ Кебинлик – саван. У мусульман каждый взрослый должен подготовить и хранить свой саван (обычно это ткани белого и зеленого цвета).

Не раз я видел, как киргизка-мать
Краюхою с балкаркою делалась.
Все матери – как сестры... Не сломать
Нас, сколько б это бедствие не длилось.

1944

Старуха

Ни сыновей, ни внуков нет: война.
Но этого судьбе казалось мало –
На весь народ возложена вина,
Которая с родной земли согнала.

Чужбина и невесток унесла...
И вот она среди степи киргизской
Корягою, обугленной дотла,
Сидит – и молит лишь о смерти близкой.

1944

Дерево

С давних пор ты было домом нашим,
Согревало, превратясь в тепло.
Но тебя же в черный день и страшный
Превращало в виселицу зло.

Людям нужно ты для добрых целей,
Чтоб с рожденья и до смерти чтоб –
Первый вздох и шаг от колыбели,
А в конце пути – тесовый гроб.

1944

Солдат

Война солдата мучила и гнула.
Победу встретил ранен тяжело.

Судьбе ж все мало: не в Холам³⁹ вернула,
А в дальнее киргизское село.

Без родины он – птица без полета.
Враг не сломил – сломил неправый суд.
Надорвалось в усталом сердце что-то,
И вот его на кладбище несут.

Как горько нам – хотя не мы повинны
В том, что творится ныне со страной.
Лежать ему в сырой земле чужбины
Не будет так покойно, как в родной.

Ушел он в мир, не знающий страданий,
Никто там ничего не запретит,
Вот только ветерок отчизны дальней
К его могиле – нет! не долетит.

Земля героя тело примет нежно,
Скорбеть ей по нему и горевать,
А небо, что бездонно и безбрежно,
Его оплачет, словно сына – мать.

1946

Раны в сердце

Снега вершин киргизских! На рассвете
Алеете вы, как побед знамена.
Кровь на войне пролили ваши дети –
А стало быть, и вас коснулись беды.

Но в час, когда придут солдаты ваши,

---

³⁹ Село, ставшее символом депортации балкарского народа

Придут с победой – радость вас коснется,
Забудете о горестной вы чаше,
Сияя вновь в лучах родного солнца.

А если на земле отцов балкарца,
Прошедшего войну, вдруг заметят,
В товарняках потом ему толкаться...
– Родные где?!, – не сразу и ответят.

Земля отцов, где он провел всю юность, –
Забыла ль ты о верном своем сыне?!
Спиной к нему, быть может, повернулась?
Как свысока взирают на чужбине!

Нет, гор балкарских память неизменна –
От горя покрывают их туманы:
Чужбина – это ведь не лучше плена...
Сердца солдат кинжальные жгут раны.

Военные дороги, все невзгоды
Здесь ничего уже не означают,
И коменданты – палачи свободы –
Наград солдат в упор не замечают.

Снега вершин киргизских! На рассвете
Алеете вы знаменем победы.
Пусть счастье испытают ваши дети,
Пускай вовеки их минуют беды.

1944

Журавли вернутся

Чернея в небе прядями кудели,
Стремятся к югу стаи журавлей.

Они уже границу пролетели –
Ведь в небесах неведомо о ней.

Пускай свобода их необычайна, –
Средь облаков ни пуль нет, ни силков, –
Они курлычут все-таки печально,
Поскольку знают власть иных оков.

Оковы те совсем другого рода –
Любимой притяжение земли;
Они вернуться, мне же нету хода –
От гор моих остался я вдали...

За Родину, как подобает сыну,
Сражался я, не утрашась огня;
Но злобный комендант, как на вражину,
Взирает исподлобья на меня.

В долгу пред кем-то быть мне непривычно,
Я горд своей дорогою земной,
Мое ж терпенье просто безгранично,
И комендант бессилен предо мной.

Умешь ждать – дождешься и награды.
Коль выдержку сумеем обрести,
То рухнут все наветы, все преграды –
На Родину откроются пути.

Да чтобы коменданты нас сумели
Остановить в безмерной тяге к ней?!
...Чернея в небе прядями кудели,
Стремятся к югу стаи журавлей.

1944

Идёт весна

По горам весна идёт, как девушка,
И смеется звонко над зимой.
Но пора придет, и – что тут сделаешь! –
Ей придется уходить самой.
Вскоре вновь ей суждено вернуться.
Это все прекрасно.
Только грустно,
Что людская жизнь не такова.
Наших лет весна не повторится,
Лето – зрелость – тоже не вернуть,
Потому и должен ты стремиться
Человеком свой закончить путь.
Пусть не все осилишь ты вершины,
Раньше оборвется жизнь твоя, –
Подрастают новые мужчины,
Юные – мужают сыновья!
Пусть же сердце ввысь тебя торопит,
Не дает ни отдыха, ни сна!
... По согретым солнцем горным тропам
Вновь идет, как девушка, весна!

1951

Морская ракушка

Откуда грек-жестянщик появился
У нас в ауле – я того не знал.
Но он с тазами целый день возился,
В худые ведра доньшки вставлял.

Однажды мне, мальчонке, он ракушку
Морскую дал, средь рухляди найдя.
– Вот, приложись к ней ухом и послушай, –
Сказал, глазами горы обведя.

Я к уху приложил подарок скромный,
И ветер стал мне петь из глубины...
Потом я ту ракушку сразу вспомнил,
Когда услышал гул морской волны.

И нынче вновь, хоть лет прошло не мало,
Я вижу старика, как видят сон.
Его душа, наверно, тосковала
По той земле, где жил когда-то он.

Я все равно не смог понять до срока,
Что есть моря и степи, кроме гор.
Я видел рядом снег вершин высоких,
Не знал, что жизнь стремится на простор.

Был беженцем старик. Страну родную
И всех друзей он бросил в горький час.
И с той поры, о них одних тоскуя
И бредя морем, жил в горах средь нас.

Видать, ему не раз в минуты горя
Ракушка облегченье принесла,
Напоминая шумом рокот моря
И те края, где молодость прошла.

Морские ветры в той ракушке пели,
Не утихая, рокотал прибой.
Как память детства, я в душе доселе
Храню, старик, подарок щедрый твой.

1952

Гюрхожан

Как ручейки, бегущие с вершины,
В потоке бурном слиты навсегда,
Так сплочены навеки воедино
Страны моей аулы, города.

Пуская в горах высоких неприметен
Мой Гюрхожан. Пускай он невелик,
Но, может быть, не будь его на свете,
Страна в пути отстала бы на миг.

Я долго был вдали от Гюрхожана,
Как выброшенный из гнезда орёл,
Но думал о тебе я непрестанно,
Родной аул! И вновь к тебе пришёл.

Я видел мир не как сторонний зритель,
И этим я обязан не тебе ль,
Моей тревожной юности обитель
И детства золотая колыбель?

1955

В пути из Кисловодска

Когда поэта скованной России
Судьба с тобой сводила,
Мой Кавказ,
Ты слушал их рассказы горевые,
Ты верным другом был им в горький час.

Тебе дарил восторженные строки
Великий Пушкин – гость высокий твой,
И Лермонтов, тревожный, одинокий,
Здесь слушал разговор звезды с звездой.

Крамольным вольнодумцам смерть готова,
Царь слал в огонь поэтов огневых.
Но не враждой встречал ты их – любовью,
Но пуля горца не искала их.

Она иную цель искала свято,
Не пропадала эта пуля зря,
Когда под дымным стягом газавата
Сражались мы с жандармами царя...

Земля моя!
Ты нежностью богата,
Твой нор, что клинок джигита, прям.
Не мачехой, а матерью была ты
Вольноязыким русским бунтарям.

Они всходили на твои вершины,
Где вечный снег неистово горел.
Ведь путь поэта – это взлет орлиный,
И восхождение – мужества удел.

Мои родные горы их встречали,
И привечали дорогих гостей,
И грудью защищали от печали,
Венчая светлой высотой своей.

Когда им не с кем было поделиться
Кручиною по Родине больной,
Кавказский ветер остужал их лица
И гладил материнскою рукой.

И дикий взор горянки черноглазой,
Как молния,
Врезался в русский стих,

И сокровенной нежностью Кавказа
Влюблено озарялись песни их ...

Нет, пули горцев мимо просвистели.
Нет, пулею наемника, тайком,
На обреченной каторжной дуэли
Убиты вы державным палачом.

О русские подвижники-поэты!
Мы помним вас,
Мы кровно любим вас!
И вашим щедрым гением воспетый,
Еще дороже стал для нас Кавказ ...

Машук шагает в тучах – ближе, ближе,
И слышен топот сильного коня,
И мнится мне:
Я Лермонтова вижу,
И обгоняет Лермонтов меня ...

1955

Трона

Клочьями овечьей шерсти полинялой,
Облепившей барбарис колючий,
Крепко уцепились за седые скалы
Серые растерзанные тучи.

Выше облаков, подняв крутые плечи,
Вдаль глядит Бука белоголовый,
Словно старый воин после дымной сечи,
Думою охвачен он суровой.

Летний вечер крылья красные раскинул,
Ночь заполонит ущелье скоро.
И, подобно песне сумрачной, старинной,
Длинная тропа уходит в горы.

Потому ль, что тропы наши так отвесны,
Оттого ль, что долог путь на кручи,
Так томительно-печальны наши песни,
Так медлительны и так тягучи?

Падает в ущелье ночь орлицей синей,
Облака толпятся над долиной.
Горная тропа вздымается к вершине
Песней бесконечною, старинной.

1956

***

О, земля! Сладок мед твой, а соль так горька.
Я немало прошел твоих трудных дорог,
И остались на них, навсегда, на века,
Капли крови моей и следы моих ног.

1961

Сестры-близнецы

Печаль и радость – сестры-близнецы.
В чье сердце не заглядывали сестры?
Их единенье гениально просто –
Равны по весу у сестер венцы.

Им друг без друга никогда не жить,
Излечит радость, а печаль поранит...
Видать, не зря такими сотворить
Решил творец их той порою ранней.

Пред ликом убивающего зла
Ее подруга головы не свесит –
Чтоб радость беспредельной не была,
Печаль ее тотчас уравновесит.

Нам не дано печали убежать,
Когда порой от радости пьянеем.
Как схожи сестры, как равна их стать,
Как свет и тьма, как человека гений.

Никто на свете дважды не живет,
У вечных истин есть земля и небо,
Печаль поборешь – радость расцветет,
Как равновесье меж водой и хлебом.

– Перед бедою человек поник,
Нарушил, значит, истину на свете ... , –
Так, друга схоронив, сказал старик
Его покуда малолетним детям.

1969

Путь человека

Мы, радуясь, вступаем в этот мир,
Чтоб получить от жизни наслажденье.
А уходя, в последнее мгновенье,
Все оставляем радости с людьми.

Не кажется великим сроком век,
За осенью всегда зима приходит.
И смерть на мысли вечные наводит:
Истек, мол, срок твой, вышел, человек.

В небытие уходит он, скорбя,
Растает у живых туман печали.
Следы, что остаются от тебя,
Найдут они, иль различат едва ли?

Да и следы следам – большая рознь,
Глаза опустят или возгордятся?
Какое сердце людям пролилось,
Какие звуки от него продлятся?
Какая слава об отце звенит?
Худая – сыновьям подрежет крылья,
А добрая – потомков окрылит,
Тепло сердец хорошим людям выльет.

Живя бесцельно, не смотря вперед,
Не думая о будущем с заботой,
Запомни: дважды жизнь не расцветет,
Не будет продолжения полета.

1972

Кайсын КУМЕВ (1917–1985)

Всегда гордился тем, что горец я
Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной Кавказ
Носил в душе повсюду и всегда.

Чуваш, дружа со мною от души,
Мне с табаком протягивал кисет,
Мне русые знакомы латыши, –
Я, раненый, оставил крови след

На их земле, а друг мой умер там,
Склонясь к земле простреленным челом.
Жестокой битвы дым по волосам
Полз у меня в окопе под Орлом.

Я по дорогам севера бродил,
Любил простор и ширь его степей,
Хлеб дружбы ел и воду дружбы пил,
И все-таки всегда в душе моей

Блестел далекого Эльбруса снег,
Вздыхались острые вершины скал,
Поднявший голову седой Казбек
Везде мне чудился, всегда сверкал!

Мне рощи сосен по душе пришлось,
Их смутный шум и свежая хвоя,
Я их люблю, но все-таки всю жизнь
Я горд был тем, что вольный горец я!

Я видел пляски северных степей
И среди них прекрасные встречал,
Но твой, лезгинка, бешеный напев
Сильнее всех в моей душе звучал.

Да, я люблю косматой бурки взлет
И белый треугольник башлыка,
И стук копыт в горах, когда вперед
Уносит конь лихого седока.

Как горд я вами, милые края
Коварный враг! Оставь свои мечты,
Что эту гордость потеряю я.
Нет, жизнь скорее потеряешь ты.

1942

Цветы с фронта

Любимая! Не раз я рвал цветы
На поле, где зимой прошли бои:
Быть может, в блиндаже уснула ты,
И я тебе отдам цветы мои?

Я в низенькую дверь войду чуть свет
И, спящею тебя увидев там,
Тихонько приложу большой букет
Из полевых цветов к твоим губам.

Но, с поля возвратясь в окоп назад,
Тебя я не нашел, мой тихий друг,
Я видел лишь одних друзей-солдат,
Товарищей одних встречал вокруг.

Я в темном блиндаже ложился спать,
Усталый, отдыхал в чужой избе.
И думал я, цветы боясь измять,
Что, может, завтра их отдам тебе.

Как часто о тебе мне снились сны.
И сколько я собрал цветов лесных.
Но не было тебя... За дни войны
Немало у меня завяло их.

1943

***

Я в первый день войны жестокой
Твои все письма взял и сжег,
Чтоб враг слова любви высокой
Топтать подметками не мог.

Но и теперь, когда случится
Назад, в те дали бросить взгляд,
Я вижу: там еще дымится,
Как будто письма всё горят.

1943

***

Если радость придет, радость прими
И не гордись, будь достоин ее.
Если горе придет, губы сожми
И не страшись, будь достоин его.

1945

***

Когда мальчишкой вышел я во двор.
И в первый раз увидел гребни гор,
Сверкающих на утренней заре,
Мне показалось тесно на дворе...
Умру, но позабыть я не смогу
Родные горы в розовом снегу.

1947

Над старой книгой горских песен

Памяти Эффенди Капиева

Глядя на горы, залитые светом
Луны, и косы опустив,
Считая звезды и шепча при этом
Родное имя, сердцем грустив,
Горянка песни многие сложила.
Я знаю песни девушки-красы,
Что сердца боль в стихи свои вложила
И волосы сложила в две косы.
И среди строк, певучих и звенящих,
Я вижу черные глаза, потом
Наездников, ущельями спешащих,
И тонких рук девических излом,
И взмах бровей, и тонких губ движенья,
Они живыми снова предстают,
Погибшие в бесчисленных сраженьях,

Тут из могил храбрейшие встают.
И девушка, заслышав топот строгий,
«То черноусый, – скажет, – мой жених».
Другая смотрит, смотрит на дорогу –
Он из-за гор появится ночных.
И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
Но раненый отважным умирает,
Когда в бою он дожил жизнь свою.
А горец с гор и в дождь пришедший ночью,
Он тяжело бурку мокрую волочит.
И смуглая жена бежит навстречу,
Прижавшись к жесткой мокрой бороде,
Его целует, бурку взяв на плечи,
Относит в дом на турий рог надеть.
Шум горных рек – ему в ущелье тесно, –
Став струнами, по сердцу пробежит,
И прошлое, встающее из песен,
Как будто ветром надо мной шумит.
Под солнцем гор сияют великаны,
Сверкающие наискось клинки,
И перевал, и снег в крови, багряный,
На головах героев башлыки...
Вы, песни мне оставившие эти,
Похвал за подвиг в мире не искав,
Идя за сердцем и за все в ответе,
«А если я погибну», – не сказав,
Вы сравнивали в песнях зубы милых
Со снегом гор, над пропастью вися,
За эти строки первозданной силы
Ни у кого оплаты не прося.
И как река – не течь она не может, –
На мир глазами чистыми смотря,
Вы, как река, создали песни тоже,

«На что они нужны!», – не говоря.
Примите ж мой поклон глубокий,
Вы живы, вы со мною наяву,
Коротких дней, как вы, имея сроки,
Я, в песни превращая их, живу.
Одна дорога, хоть дорог и много,
Все к морю реки держат путь, звеня,
Последним шагом кончу я дорогу,
Как вы свою кончали до меня.
Ну что же, той дорогою одною
Идем мы с песней, все в нее вложив,
И самое, что встретим, дорогое
Мы оставляем, в песни превратив.
Не может птица не летать, и, скажем,
Так песни мы рожаем в добрый час,
Уходим мы из мира, песням нашим
Давая жить гораздо дольше нас.
Мир полон будет после нас другими,
И этим новым, сильным, молодым,
Мы с радостями многими земными
Оставим песни – наш подарок им.
Как птицы, песни старые летают,
В них прошлое живет всего сильнее,
В них время сердце века оставляет,
В них бродит ветер отшумевших дней!

1947

Я пришел с гор в эту ночь

Я с гор пришел, где буран,
Я с гор пришел сквозь пургу.
Отряхни меня, Марзи-джан,
Видишь, бурка моя в снегу.

Я с гор пришел, где буран
Метет из конца в конец,
Где Эльбрус, как белый чабан,
Пасущий белых овец.

Я с гор пришел, где белы
Заснеженные пути,
Я с гор пришел, где орлы
Гнезд своих не могут найти.

Я с гор пришел напрямик,
С гор, где белым-бело.
Был надежен мой проводник –
Сердце меня вело.

Средь ущелий во тьме ночной
Путь нерадостен и тяжел.
Я не знаю, что стало со мной,
Когда б не к тебе я шел.

Мне ночами казались дни,
Я видел одну пургу.
Обогрей меня, отряхни,
Видишь, бурка моя в снегу.

1951

***

Я над раненым камнем, склонясь, горевал:
От огня почернел он, от горькой беды.
Он мне мертвым казался, и я тосковал,
Потому, что хотел на нем видеть цветы.

Я над срубленным деревом в горе сидел,
Потому что хотел его видеть в листве,
Чтоб в тени его дети играли, хотел,
Чтоб лежала весь день его тень на траве.

Жизнь любить не до слёз, не до боли нельзя.
Оттого-то и грустным порою я был:
Всех пропавших и павших оплакивал я,
Потому что живыми их очень любил.

Стихотворение, написанное в Хуламе

А над Хуламом небо вновь сияет, как тогда...
Таким оно и снилось мне там, на чужбине.
То, что приходят в свой черед и счастье, и беда,
В Хуламе каменистом вновь я понял ныне.

Над белоснежную скалой так облака белы
Текут, как в прежние века, невозмутимо,
Как в дни, когда тяжелый груз тянули здесь волю...
Сияют горы, как мечты Кязима⁴⁰.

Белеют чистотой снегов, их высота светла,
Но здесь, под синевой небес, в тени утесов,
Селения былых времен все сожжены дотла,
Мертвы аулы пастухов, каменотесов.

А над Хуламом – небеса, немислимый простор!
Как речь пророков, синева неугасима.
И незапятнаны снега там, на вершинах гор,
Как думы чистые, как свет души Кязима.

---

⁴⁰ Имеется в виду великий балкарский поэт Кязим Мечиев, уроженец Хулама.

И в те года окружье скал стояло, как стоит,
Не одолело время их, не размололо.
Мне кажется, что гребни гор испытывают стыд
За то, что мучилась земля от произвола.

А над Хуламом синева прекрасней, чем всегда,
Она – как сказка на заре, и нежит взоры.
Раздумья горькие мои – как долгие года...
Сижу в тени большой горы и вижу горы.

Как будто сам я испытал их муки и поник,
Сижу на камне под горой, и все угрюмей
Я вглядываюсь в лик земли, как в материнский лик,
Незримо дерево растет моих раздумий.

Как старой матери лицо – усталый лик земли,
И, как морщины на челе, сплелись на склонах
Тропинок нити... День и ночь, когда я был вдали,
О тех аулах думал я, испепеленных.

Смотрю я на высокий край и вижу вал огня,
И вижу лихолетья след в любом ауле,
Смотрю, и словно не в других, не в камни, а в меня
Все выпущенные тогда попали пули.

Встал предо мною дым беды... Гляжу я на холмы,
Где сметено моих отцов гнездовье.
О, путник, что пропал в пути, исчез в полях зимы,
Ты камни этих горных троп окрасил кровью!

Я вижу всадника... Душа обуглилась, когда
Убитый выпал из седла на повороте.
Я вижу птицу... Уж теперь ей не видать гнезда,
Упала, сбитая стрелком в полете.

Так чисто небо над родной хуламской крутизной,
Не сокрушила высоты веков работа.
Но как могло такое зло быть на земле родной?
И рядом с вечною красой – громада гнет!

И мнится: смотрят на меня, краснея от стыда.
Вершины белые, и нет прощенья снова
За то, что видано, за то, что делалось тогда...
Хлеб отнимали у людей, лишали крова.

Земля Хулама, я пленен сиянием твоим,
Раскинулись твои хребты ширококрыло.
Но был жестоко мой народ унижен и гоним,
Несчастий эта красота не отвратила!..

И вы скорбели, выси гор, когда в огне, в крови
Безвинно погибал народ родного края.
Но не убили красоты... Я говорю: «Живи,
Все вынесшая красота, не умирая!».

Так молвив, покидаю я любимый свой Хулам,
Прощаюсь с ним, но до конца я верить буду,
Что эта выживет земля, что по крутым холмам
Струиться будет лунный свет, подобный чуду;

Что солнце будет освещать уступы снежных гор.
Но в горькой памяти моей живут упрямо
Беда и мука давних дней и пепел, и разор,
Камней запекшаяся кровь – Земля Хулама.

О, снеговая белизна родной земли моей,
И чернота великих бед, что шла над нею!
О, участь горькая людей и вековых камней...
Дыхтау видел это все, чернея!

1958

***

Та чинара, что ты посадил,
До чего разрослась и окрепла!
Ты погиб, но тебя не забыл
Этот мир, возрожденный из пепла.

У чинары высокая стать,
И листва на ветвях молодая.
И глядит на нее твоя мать,
Год за годом тебя поджидая.

***

В гнездо я вернулся, в родительский дом, –
Скитаться уставшая птица.
Что ж, память, погрейся над зимним огнем,
Куда нам с тобой торопиться?

Зима. В очаге полыхают дрова,
Стекают смолистые капли.
Что ж, Радость и Боль, отогрейтесь сперва
Вы тоже, должно быть, озябли.

Плывут облака, исчезая вдали,
Проходят, как всякая малость,
Вот так и мои испытанья прошли,
Лишь горькая память осталась.

А снег все валит, неумный, сплошной,
Пластами ложится на крыши.
Что ж, Радость и Горе, погрейтесь со мной,
К огню придвигайтесь поближе!..

Березка

Подружка рябины, белеет березка.
Трепал ее ветер, холодный и хлесткий.

Устала она, подремать захотела.
Белеет она, а листва пожелтела.

А осень гуляет в лесу по-хозяйски...
Березка из песни пришла или сказки.

Поэтов России сестра, утешенье,
Белеет березка в чащобе осенней.

Быть может, на нашем Кавказе, в изгнание,
Тоской по отчизне оставленной ранен,

Оглядывал Лермонтов горы седые,
Искал тебя взором, березка России...

Кинжал

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил.
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был.
Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал.

Кружился ворон над убитым,
На весь аул рыдала мать, –
Картинам этим незабытым
Причастен ты по рукоять.

И не тебя ль, когда был молод,
Носил отец мой на ремне.
Тобой в горах мой брат заколот...
Два чувства будишь ты во мне.

Двух этих чувств пойми причину
И за нее не обессудь, –
Тебя вонзала храбрость в грудь
А трусость всаживала в спину.

Сталь боевая обнажалась,
Холодная, была пряма,
А в ней то солнце отражалось,
То кровью запекалась тьма.

То был ты славен, то ничтожен,
В зависимости от того,
Кто вырывал тебя из ножен
И убивал тобой кого.

Порой ты беден был, но страшен
Своей чеканной простотой,
Порой насечкой был украшен
И рукоятью золотой.

Но там, где рек кипят истоки,
Тебя ковавший уповал
На то, чтоб ты, судья жестокий,
Безвинного не убивал.

Но самому тебе учесть ли,
Сколь раз в минувшие века
Неволила, защитник чести,
Тебя бесчестная рука.

Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованый кинжал.

Женщина купается в реке
Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,

Нежно положив на плечи ей
Руки золотых своих лучей.

Рядом с ней, касаясь головы,
Мокнет тень береговой листвы.

Затишают травы на лугу,
Камни мокрые на берегу.

Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде.

В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,

Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

***

Я не могу сказать: «Мне все равно,
Что будет в мире после нас твориться!».
За кладбищем, где тлеть мне суждено,
Пусть сад цветет, и поле колосится!

Ты, мир, меня жалел не больше всех.
Когда уйду, других жалею и радуй.
Пусть дождь идет, и пусть шумит орех
Листою за кладбищенской оградой.

Я не скажу: «Пусть мир летит с основ,
Когда я буду истлевать в могиле!».
Из мира уходя, подобных слов
Ни мой отец, ни мать не говорили.

Дворик моей матери

Зимою дворик матери моей
Был бел от снега, летом – желт от света.
Синело небо. Рос подсолнух. Дней
Я не считал. Я думал – вечно это.
Бывало, мать оглянет огород,
Примерит к ливню или солнцепеку
И так рассудит: «Если бог пошлет,
Мы будем с урожаем. Слава богу».
Ее передник вечно был в земле.
Не вечно, нет. Теперь я знаю это.
А я живу. И все труднее мне
Глухую зиму отличить от лета.

***

В теснине река вековая течет:
– Свобода, свобода, свобода!
И море грохочет всю ночь напролет:
– Свобода, свобода, свобода!
Чинара в Чегемском ущелье цветет:
– Свобода, свобода, свобода!
И ласточка свой совершает полет:
– Свобода, свобода, свобода!
Белеют снега неподступных высот:

– Свобода, свобода, свобода!
Мальчишка бежит, он не знает забот:
– Свобода, свобода, свобода!
Очаг в моем доме гудит и поет:
– Свобода, свобода, свобода!
И снег, словно в прежние годы, идет:
– Свобода, свобода, свобода!
Мне прошлое смутную весть подает:
– Свобода, свобода, свобода!
И что-то зовет меня, что-то влечет:
– Свобода, свобода, свобода!..

В тени деревьев

Деревья, тень бросающие в зной,
Приязни к вам не выразить словами.
Деревья гор, возлюбленные мной,
И я блаженно сиживал под вами.

Еще ребенком я под вами спал,
А взрослые под ваш тенистый шорох
Свой разговор вели, и освещал
Рассвет их, не блистая в разговорах.

Деревья, и с надеждой, и с тоской
К вам, приходил и прихожу опять я,
Вы силы мне даете и покой,
Друзья мои зеленые и братья.

Молчальники великие, кружком
Стояли вы в день маминой кончины,
Как родственники, слабым шепотком
Давая знать, что вы со мной едины.

Деревья, пули, ранящие вас,
Язвили и меня, и скорбью брата
Над нашим пеплом я скорбел не раз,
Как на родном пожарище когда-то.

И как тогда из дальних мест домой
Меня вы ждали, скрашивая сроки,
Так и теперь вы тень даете в зной
Дороге и тому, кто на дороге.

Над пропастью

Когда о чьем-то слышу я конце,
Мне кажется, что смерть уже стучится
И в дверь мою, печась о гордеце.
Над пропастью наш колос колосится.

Я не скажу, что малодушной всех,
Но говорить, что уходить не больно, –
Великий грех, особенно для тех,
Кто приобщен к пророчествам невольно.

Иначе прародительница слов
Заплачет неутешными слезами.
Когда поэты лгут, и у орлов
Пустыня, говорят, перед глазами.

А лгать поэту – это все равно
Что предавать друзей забвенью смерти.
Каким бы горьким ни было оно,
Лишь слово правды – в высшем милосердьи.

Когда поэты лгут, и звездам срам
Светить с небес, и хлеб с водой – отравы.
А смерть за нами ходит по пятам,
Как волк голодный, рыщет слева-справа.

Гамлет

О, юный Гамлет, о мой кровный брат,
Вот и сейчас, как в дни твои бывало,
В крови еще дымящейся блестят
Полотнища отравленных кинжалов.

До сей поры унижен тот, кто прав.
Не все спокойно в датском королевстве,
И свежий снег ложится почерневший,
Свой белый цвет в дороге потеряв.

Все было в мире: мор, война, изгнание.
Людские раны все еще болят.
Я, может, сам бывал так часто ранен,
Чтоб не забыть тебя, мой кровный брат.

Тревога и теперь не покидает
Ни датский край, ни прочие края,
И вновь клинок отравленный сверкает
И жаждет крови, чистой как твоя.

***

Дни, когда я был гоним, – волк голодный, пес бездомный,
Было счастье стать иным, пересилить вас дано мне!
Вы не вечны, вы мертвы, но запомнил каждый день я.
И, когда приснитесь вы, содрогнусь и в сновиденье.
Так спасался я от вас, как в ущелье от обвала
Путник прячется подчас, и ненастье миновало.
Черных дней растаял след, я увидел обомлело:
Над землей всходил рассвет, алыча в цвету белела.
Снова пил я из ключей отчего святого края...
Да, проходит мгла ночей, все пройдет, и – тьма ночная!..

***

Вижу в зимней Варшаве все время
За большими огнями – снега,
Все мне чудится вьюга в Чегеме
И мерцающий свет очага.

Снег покрыл и дороги, и скаты,
Огоньки замигали во мгле,
Как бывало когда-то, когда-то...
Был тогда еще дел мой в седле.

Бродит вьюга ночная по склонам,
Но в Мухоле горят очаги,
Рубят сучья сухие со звоном
В побелелых дворах Безенги.

И пока я хожу по Варшаве
В электрическом блеске огней,
Снег чегемский мне видится въяве,
Словно в памяти детской моей...

Балкарская свирель

Пастуха балкарского свирель
В нашем крае слышали издревле,
Пастуха балкарского свирель
Хоть нечасто, слышат и досель
И поля, и скалы, и деревья.

Мальчику ты мне была слышна,
Прилетевшая на крыльях эха
Песенка балкарца-чабана,
Боль его, забава и утеха.

Много мест изъездил я с тех пор,
И везде казалось мне бывало,
Будто бы свирель родимых гор
Песнею меня сопровождала,
То рождала грусть, то утешала,
То высказывала мне укор.

Пусть теперь я – хворый человек,
Но и лечит мне, и ранит душу
До сих пор то говор горных рек,
То поющая свирель пастушья.

Хоть порой за тридевять земель
Отчий край балкарский, но от боли
Может исцелить меня свирель,
Что звучит в Хуламе иль Мухоле.

В сердце мне летит свирели стон,
Вновь былое детство возвращая,
Может стать, из родного края.
Может быть, из глубины времен.

И сейчас в больничной тишине
Мне, больному, многие недели
Слышится знакомый звук свирели,
Исцеленье приносящий мне.

Возвращение

Необозримый мир заполнил это имя,
А композитор был на той земле рожден,
Что в синеву вошла нагорьями седыми,
Он жил от них вдали, в разлуке умер он.

Не музыку его сиянье озаряло
Высокой и крутой отеческой земли...
В ней проливался дождь на лозы и на скалы,
Пастушьего костра в ней языки цвели.

Расцветший абрикос и влажный шелест луга,
И волчий вой в ночи, и ровный топот стада,
И белизна вершин, глядящих друг на друга,
Как смотрят сквозь туман Эльбрус и Арарат;

И женская рука, срезающая гроздь,
И мальчик, что, смеясь, подносит гроздь ко рту,
И путника боязнь в безмолвии предгрозья.
И в молнийном огне орешники в цвету;

Дороги древних гор, дороги, по которым
И нищий, и пророк прошли в какой-то миг,
И лиственная тень, причудливым узором
Застлавшая холмы и материнский лик;

И зелень муравы, и злой багрец кизила,
Раздумья мудрецов, глядящих на закат,
И пляска молодых – все музыкой пронзило,
Все в музыку вошло и выросло стократ.

Великий музыкант, он помнил эти кряжи,
Хоть жил вдали от них и умирал вдали.
Все ближе высота, все круче путь... Когда же
Он понял: смерть пришла, – не позабыл земли!

Он умер вдалеке, но пожелал он все же
Лежать в родной земле, восстановить родство
С отеческой землей, таинственно похожей
На снящуюся мать и музыку его.

Мальчик на камне

Кто не сидел на камне этом! –
И тот, кто мудр, и кто убог,
А мимо шли зимой и летом
Пастух, и лучник, и пророк.

Они смотрели вновь и снова
На блеск небес и скал седых
В разливе говора речного,
И то же солнце грело их.

Снега белили зернь гранита
И крови красила струя.
Снег стаял, кровь дождями смыта,
И мальчика увидел я.

Сидит на камне том же самом,
С улыбкой озирая вид
Вершин, встающих за Хуламом,
И за полетом птиц следит...

Сафар МАКИТОВ (1917–2013)

***

Почему, Эльбрус, ты не растаял
В дни, когда над миром стлался дым?
Почему, Эльбрус, ты не растаял
В дни, когда ушел от нас Кязим?

Почему, Эльбрус, ты не растаял
В дни, когда несчастье к нам пришло?
Почему, Эльбрус, ты не растаял
В дни, когда нам стало вновь светло?

Дети по-балкарски говорят

Вижу я отцовский добрый взгляд,
Материнский праздничный наряд,
Дети по-балкарски говорят.

Как круглы глазёнки у ребят,
Как прекрасен детской речи лад.
Дети по-балкарски говорят.

Дом в ауле, горы, речка, сад,
Слов звучанье – слаще всех отрад ...
Дети по-балкарски говорят.

Тур

На самом обрыве скалы ты стоишь
Ты, одинок и горд,

В себе какую-то тайну хранишь
Древних балкарских гор.
Ты вровень с любой из этих вершин,
Небо щекочут рога ...
И, кажется пропасть всего с аршин
От твоего прыжка.
Когда я был в далекой дали
За сто дорог и тревог,
Ты первозданность этой земли
Вместо меня берёг.
Ты принимаешь её без прикрас,
Любая она дорога.
Во влажной смородине черных глаз
Лишь родные снега.
Ты перед ней не падаешь ниц,
А я, возвратившись, пал ...
Стоишь вне времени, вне границ
Живым продолженьем скал.

Киргизии

Тринадцать лет мы улыбались мало.
Но у гостеприимного костра
Надежду нашу ты отогревала,
Киргизия, как старшая сестра.

Открыл лицо навстречу всем невздам,
Не веря в то, что победила ложь,
Я жил бок о бок со своим народом,
На путника присевшего похож.

И правда вправду восторжествовала,
Погодой ясной кончился буран.
Меня же, как подруга, понимала,
Когда собрался я к родным горам.

Тринадцать лет я в мыслях к ним стремился,
К ним, только к ним мечта меня влекла ...
И в том, что я с разлукой не смирился,
Киргизия, ты тоже помогла.

Остался б я в твоих степях доньне
Среди сердечных жителей твоих,
Но там на каждой голубой вершине
Горело сердце прадедов моих.

Ущелья звали, водопады, реки –
Несметная, бессмертная родня ...
Ты стала бы мне матерью навеки,
Но родила Балкария меня!

Весенний снег

Опять дорога белизной покрыта,
Весенний снег роняют облака.
Как будто бы сквозь небо, как сквозь сито,
Неторопливо сеется мука.

А мы гуляем. Нас на свете двое.
Снег тихо-тихо кружится вокруг.
Два следа оставляем мы с тобою
На белизне нетронутой, мой друг!

Ушанки наши тяжелы от снега,
Нас снег тихонько гладит по спине,
И шепот наш, и отголоски смеха
В далёкой отдаётся тишине.

Ты, я и снег... Сейчас в притихшем мире
Нас трое стало – я, любовь и ты.

И нам совсем не холодно; всё шире
Над нами микроклимат теплоты.

Снег падает. Неслышный и несмелый,
Бесшумный снег, безвременный, больной,
Весенний снег идёт, как дождик белый,
И пьёт земля, как воду, снег сырой.

Твои белеют брови и ресницы
И черноту подчёркивают глаз.
И будущей весной всё повторится.
И снег пойдёт, не спрашивая нас.

Ста...

Когда балкарцев наконец вернули
Из ссылки в их родимые места, –
Руины школы в выжженном ауле
Хранили полустёртым имя «Ста...»

Застыл балкарец в думах невесёлых,
Земляк мой опечален неспроста.
Как будто в сердце впившийся осколок, –
Так на стене обрывок слова «Ста...».

Вновь в памяти тот год сорок четвёртый,
Неправый суд, запретная черта ...
Хоть временем оно и полустёрто,
Но до конца не стёрто это «Ста...»

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

***

Мы не гадали и не знали,
Чему случиться суждено,
Что рыбе с птицею – едва ли
Соединиться нам дано.

Нам многого не доставало,
С тобою мы не ужились,
К тебе я в воду не ныряла,
И ты за мной не рвался ввысь.

Ты был упрям, и я упряма,
Нам было трудно, – и в конце
На сердце маленькие шрамы,
Как после оспы на лице.

Я не скажу дурного слова,
Я поняла твой прежний пыл
Теперь, когда люблю другого,
Как раньше ты меня любил.

Дым очага

«Да иссякнет огонь очага твоего!», –
Нет проклятья сильнее у врага твоего.

Кто впервые придумал и первым изрек
Это страшное слово проклятья?
Кем он был этот мудрый, но злой человек,
Не могу уяснить и понять я.

Никогда не иссякни, наш старый очаг,
Грей других, но гори, мой родимый.
Пусть дыханье мое, чтобы ты не зачах,
Станет жаром твоим или дымом!

Что бы ни было, я за себя не боюсь.
Пусть сгорю и осяду я сажей.
Пусть умру я и в глиняный ком превращусь,
Пусть очаг этой глиной обмажут.

Я готова все бросить и всем пренебречь,
Вы моих не услышите жалоб,
Лишь бы грелся очаг, и родимая речь
У растворенной дверцы звучала!

Два языка

Родной язык, ничем не заменимый, –
Он дорог всем. Все отразилось в нем:
Земля и небо, осени и зимы.
Понятен вздох на языке родном.

Родной язык! В нем нежность, вечность, сила.
Я с ним росла: и не по букварю
Сладчайшие слова произносила –
Сначала «мама», а потом «люблю».

На языке родимом ропщут ели,
Журчит река и шелестит листва.
Как я внимала песне в колыбели –
Так мне внимают камень и трава.

Завещанное предками богатство,
Мы сохраним навек в родном краю.

Язык отцов! С тобой нельзя расстаться,
Тобой живу и – как могу – пою.

Добра желаю людям и Отчизне.
И если с речью разлучусь живой –
Лишусь всего. Тогда не нужно жизни,
Я лучше стану камнем и травой.

Но русский есть язык. И он навеки
Мне близок и понятен, как родной.
Две речи в моем сердце, будто реки,
Звучат, текут, становятся одной.
Забыв родной язык, – я онемею,
Утратив русский, – стану я глухой!

Мать

Тот бережет свой дом, а эта – платья,
Та – украшенья тонкого литья,
А я... Боюсь богатство потерять я,
Мое богатство это – мать моя.

Бесценнее сокровищ нет на свете,
Чем щедрость и любовь не напоказ...
Мы – баловни, мы все – немного дети,
Покамест живы матери у нас.

О, мама, мама!.. Огорчаясь, плача,
Спешу к тебе – излить свою печаль.
Но – что таить?.. Всегда ли в дни удачи
Я вспоминаю о тебе?.. Всегда ль?..

Согрей меня всей чуткостью большою!
Не гневайся!.. Прости меня скорей!..

Как жаль мне тех, кто, очерстнев душою,
Своих позабывает матерей!

Они при жизни дважды мать хоронят,
Не убоясь ужасных похорон...
Но час пробьет!.. Жестокий сын застонет,
Своими сыновьями оскорблен.

Он будет к матери взывать, но поздно!
Угаснет крик в могильной тишине...
О, мама, мама!.. Хоть живем мы розно,
Ты – на земле... И жить спокойней мне.

Пока ты есть, светло мое жилище!
Пока ты есть, легка любая боль!
Богата я... Меня не делай нищей!
До времени меня не обездоль!

***

Трещат, как будто бы смеются,
Дрова, горящие в огне,
Я, не сумев не обмануться,
Смеюсь, хоть в пору плакать мне.

И все же я не плачу ныне,
Хоть мне и кажется порой,
Что я, доверившись чужбине,
Покинула свой дом родной.

Я, словно горная чинара,
Обманной красотой прельстясь,
В огонь стремилась, не боясь
Его губительного жара.

Нет, не роптала я нимало,
Я не себе искала благ,
По доброй воле я сгорала,
Чтоб пред тобой рассеять мрак.

Но жар мой был тебе не нужен,
Оттаять не способен тот,
Кто замерзает не от стужи,
Когда морозно не снаружи,
Когда внутри и снег, и лед.

Но кто же, – думаю я грустно, –
В том пламени, где я была,
В огне, что ты разжег искусно,
Готов теперь сгореть дотла?
Или вокруг мертво и пусто,
И нет огня, одна зола?

***

Может случиться, так всегда бывало:
Тот счастливей, в ком достоинств мало.

Не прославься красотой Лейла,
Столько не познала бы печали,
И, быть может, розу не сорвали,
Если б столь прекрасной не была.

Тех, которых озаряет милость,
Постигает ранее беда.
Ветвь, что плодоносит, обломилась
От безмерной тяжести плода,
И гора, что в небо устремилась,
Сединой покрылась навсегда.

Вынесены камешки волнами,
Греться им на берегу дано.
Между тем большой, тяжелый камень
Погребло и засосало дно.

Может быть, и правда, век короче
Тех, кто лучше и достойней прочих,
Кто обрел удачу и успех,
Благодатный ствол червяк источит,
Мудреца злословье опорочит:
В рассужденьи глупых мудрость – грех.
Что поделать: так всегда бывало.
Вот и в ясьень молния попала,
Потому что был он выше всех.

***

Ветер листья обрывает зло...
Мне-то что?.. Не я кружусь по свету.
Разбивают хрупкое стекло...
Мне-то что? Какое дело мне-то?!

Люди плачут, в дом беда пришла.
У меня зато спокойно дома!
Ноша у старухи тяжела...
Что мне до старухи незнакомой?..

Нет, я видеть не могу без слез
Все, что смято, сорвано, разбито!..
И меня по свету ветер нес,
Я сама блуждала без защиты...

Близко мне сиротство и вдовство,
Оттого что я хлебнула горя.

Старых я жалею оттого,
Что сама, глядишь, состарюсь вскоре.

Я скорблю, не осушая глаз,
О чужом умершем человеке,
Потому что на земле у нас
Я, как все другие, не навеки.

И когда – перед землей в долгу! –
Онемев, сознание утрачу,
Я себя оплакать не смогу...
Потому я над другими плачу.

***

Я встречаю радостно восход,
Хоть всему на свете знаю цену.
Понимаю: новый день идет,
Дню и ночи, прожитым на смену.
И ничто уже их не вернет.

Даже и счастливый для меня
Новый день мою приблизит старость,
Не вернет мне прожитого дня.
И кто знает: сколько их осталось?

Может, кто-то жаждет перемен,
Я устроена совсем иначе.
Пусть сегодня я скорблю и плачу
Все ж твержу я: «Будь благословен
Этот день, принесший неудачу!
Ибо я навек тебя утрачу,
Что бы ни пришло тебе взамен!».

***

Стихи слагали стихотворцы
О высях гор,
    Но ни один
Не знал, насколько выше горцы
Своих подоблачных вершин.

Я вглядываюсь в даль столетий,
Мне кажется, что – дети гор –
Возникли мы на белом свете
Намного раньше этих гор.

Взирая долго исподлобья
На древних горцев, чуждых зла,
По образу их и подобию
Природа горы создала.

Она судила и рядила,
Пока решила наконец –
И глыбы гор нагромоздила,
Взяв горский дух за образец.

Не потому ль вершины птичьи
В небесный тянутся простор,
Что сила горцев, их величье
Воплощены в идее гор.

Не потому ль, как горцы, горы
Стояли гордо сто веков,
Перед врагом и перед горем
Не опустив седых голов.

По лицам гор лишь в день погожий
Стекают слезы талых вод.

От счастья плачет горец тоже,
А в час печали слез не льет.

Там, в этих высях первозданных,
В снегах, не тронутых досель,
Вместилась чистота горянок –
Орлиц подоблачных земель.

И где мы только не бывали,
А горы оставались тут,
Они нас ждали, ждали, ждали,
Как воинов горянки ждут.

Гордитесь, горы, высотой
И красотой без прикрас.
И мы, Кавказ, горды тобою
И тем, что ты похож на нас.

Гроза

Я помню – девочкой была я –
С гор ветер судорожно дул,
Гроза, обвалом громыхая,
Швыряла камнями в аул.

Дома, как ласточкины гнезда,
Дрожа, приникли к лону скал,
А ветер, медленно и грозно,
Их под камнями погребал.

Я помню, дерево стояло,
Теря листья на ветру,
Над ним стихия бушевала,
И молния, как нож, взрезала
Его корявую кору.

Но, упершись корнями в землю,
Над осыпавшейся горой,
Громам разгневанным не внемля,
Стояло дерево-герой...

О, если выпадет на долю
И мне грозу переживать,
Хотела б я, не внемля боли,
Как это дерево стоять!

Песня горянки

Косы мои черные
Оттого, что цвет
Дали ночи горные
Им на много лет.

И потоки добрые,
Что текут в тиши,
Мне, горянке, отдали
Чистоту души.

Чтоб мне стать румяною,
Щедрый бог зари
Выбрал зорьку раннюю
И сказал – бери.

Я взяла в Балкарии
Нежность у цветка.
Твердость камни дали мне,
Мягкость – облака.

Я от снега белого
Кожею бела.

Птица песню пела мне –
Голос отдала.

Сметливая смолоду,
Я переняла
Доброту у голубя,
Гордость у орла.

Но цвета Балкарии,
Все ее дары,
Как ни щедро дали мне,
Дали до поры.

Эту косу темную,
Кожи белизну,
Красоту заемную
Я назад верну.

Все отдам, что смолоду
Я на срок взяла
У зари, у голубя,
Камня и орла.

Сядешь ты под дерево
Около ручья,
Глянись, а в воде его –
Чистота моя.

***

Я не ждала и не брала даров.
Старье донашивала, но, бывало.
Ни платьев от подруг, ни башмаков
Не принимала и не надевала.

И в скудности своих голодных дней
Я от еды отказывалась робко,
И яств чужих казались мне вкусней
Мой черствый хлеб и жидкая похлебка.

Я и сейчас, хоть мне они нужны,
Даров не жду и не прошу в даренье
Ни у вершин их вечной белизны,
Ни у долин их вечного терпенья.

Ни вечность гор, ни твердость скал родных,
Ни голос птиц я в дар просить не смею,
Поскольку одарить я не сумею,
Как и тогда, дарителей своих.

Слово

Человек промолвил злое слово,
Спохватился, вышел за порог,
Но проворней нас иное слово,
Слово человек вернуть не мог.

На мгновенье слово исчезало
И вставало вновь невдалеке,
И слезою по щеке стекало,
Рану оставляло на щеке.

Человек бежал, дышал устало,
Горький пот стирал и пыль дорог,
Слово в голове его стучало,
Человек в погоне изнемог.

Человек упал; иссякли силы.
А у слова было больше сил.
До сих пор живет оно, как жило,

И колючки сыплет на могилу
Человека, что его родил.

Горские поэтессы

В краю балкарцев, где снега и скалы
От века молчаливы и тихи,
До моего рожденья не бывало,
Чтоб сочиняли женщины стихи.

Так говорят, но я не верю в это,
Я знаю о неизвестных никем
Создательницах песен не пропетых,
Баллад неизреченных и поэм.

Как много поэтесс лежат безмолвно
На кладбищах в селениях у нас.
Они ль виновны, что беспрекословно
При жизни были немые, как сейчас?

Им уши затыкал закон проклятый
И на уста накладывал печать.
Они рождались, чтобы по адату
Безмолвно жить и молча умирать.

Я вижу их, сестер моих далеких,
Чей крик безмолвный рвется до небес,
Я вижу – слезы прожигают строки
На лицах бессловесных поэтесс.

Праматери мои, мне хвастать нечем.
Из сердца слово я могу извлечь
Не потому ль, что вас лишали речи,
А мне сегодня подарили речь.

И оттого так строго и сурово
Сужу я каждый мной рожденный стих,
Я думаю:

Смогла ль вместить я в слово
Молчание предшественниц моих?

***

Взлететь заманчивее, чем стоять,
Но знает летчик там, над облаками,
Что значит для него любая пядь
Земли обыкновенной под ногами.

Кричать гораздо легче, чем молчать,
Но ты спроси, попробуй у него,
И сам поймешь: он все готов отдать,
Чтоб прокричать одно хотя бы слово.

Земной рассвет не зрелище, не хлеб,
Не покупать его, не брать билета,
Но ты спроси, что дал бы тот, кто слеп,
За то, чтобы увидеть луч рассвета.

Никто не ценит воздух даровой,
Но сколько стоит капля кислорода,
Спроси у тех, чья смерть не за горой,
Кто чувствует – вот-вот и задохнется.

Родной земле

Закон свой несет высота.
Свое здесь понятие блага.
Здесь силе под стать красота
И нежности стоит отвага.

Здесь что ни поток – то певец,
Здесь что ни утес – изваянье,
Как будто бы чей-то резец
Наметил его очертанья.

Здесь песен особый мотив,
И речи людской, и молчанья,
Уж камень на что молчалив,
И он вам расскажет сказанье.

И злобу, и гнев высота
Чудесно сменяет на милость,
Здесь в сердце людей доброта
Покуда еще сохранилась.

Здесь тянется все в облака:
И камни, и плоские крыши,
Любая гора высока,
Но люди, мне кажется, выше.

И нету здесь легких судеб,
Здесь легких судеб и не ищут,
Здесь трудно выращивать хлеб,
Здесь строить непросто жилище.

Здесь слово дороже коня,
А кони недешево стоят.
И так тяжело для меня
Мое ремесло непростое.

Но если уж песнь рождена,
Ей тесны ущелия наши,
И вылиться хочет она,
Как из переполненной чаши
Обильные струи вина.

***

Сноха входила молча в горский дом,
Спины не разгибала и молчала,
Всегда тиха, в безмолвии своем
Она безмолвно сыновей рожала,
Неее становилась с каждым днем.

Тебя похвалят – промолчи, сноха,
Молчи, когда бранят тебя сурово,
Молчи, не плачь, нет большего греха,
Чем в мужнем доме сказанное слово.

Так в нашем крае было издавна,
Свекровь кричит, а ты являй терпенье,
В молчанье преданность заключена,
А слово – это знак неуваженья.

Не оттого ли плакали навзрыд
Невесты гор задолго до венчанья
И горе будущих своих обид
Оплакивали, бедные, заранее.

А время шло, свой оставляя след.
В свекровей сами снохи превращались
И с гневом, скопленным за много лет,
От снох своих молчанья добивались.

И с этих пор кричали сами всласть
Свекрови, гневаясь и негодуя,
Всякая в тех, над кем была их власть,
Покорность, немоту свою былую.

И было выше сил старух седых,
Закон извечный соблюдавших свято,

Увидеть в снохах молодых своих
Себя, глаза проплакавших когда-то.

***

Весна в горах появится едва,
Едва заблещет солнце над горами,
Ему навстречу вылезет трава,
А снег заплачет под его лучами.

Подтает и осядет снега пласт
И в горные потоки превратится,
Траве весенний снег себя отдаст,
Чтоб никогда уже не возродиться.

Я тоже смертна. И, под стать другим,
Сойду, как снег в горах, недавно белых,
Оставив восприемникам моим
Все, чем жила, и все, чем я владела.

Сойдя, как снег, я не вернусь, не жди,
Извечных мне не преступить законов.
Мой след с дорог весенние дожди
Нещадно смоят, словно снег со склонов.

Сойду я в землю, став самой землей.
Смешаюсь с глиной, став самую глиной,
И кто-то этой глиной дом родной
Потом обмажет, и она застынет.

Но, может, вновь дано мне стать живой,
И, может быть, в горах родного края
Пробьюсь я, буду вешнею травой,
И снег меня напоит, умирая.

***

С начала жизни я к тебе иду
Тропою трудною, тропой земною.
Порою коченею на ходу,
Порою не могу дышать от зноя.

Ты – как гора... Она как будто рядом,
Как будто – только руку протянуть...
Но введена я в заблужденье взглядом:
По-прежнему далек и труден путь.

Ты, словно море, – близок и далек,
А я стремлюсь к тебе, как ручеек,
Который движется мало-помалу,
Одолеев камни и обвалы,

По узеньким расселинам в горах...
И вот теперь, когда и вправду малость
Мне до тебя еще дойти осталось,
Вдруг одолел меня какой-то страх,
И медлю я, с самой собою споря...

Так, может быть, река в преддверье моря
Смиряет бег, страшась пучины грозной...
Но поздно медлить!.. Колебаться – поздно!

Пусть все свершится, на мою беду!
Пусть, как река, в просторах океана
Бесследно растворюсь, исчезну, кану,
Но я иду к тебе!.. Иду! Иду!..

***

Все, чем я владела до сих пор,
Отдала б я, чтоб ты был со мною.
Чтобы ты рукой своей утер
Слезы те, которым сам виною.

Я бы все на свете отдала,
Чтоб, склонившись на плечо крутое,
Я бы выплакать тебе могла
Горе, причиненное тобою.

Может быть, тебе еще сказать,
Милый, я смогу такое слово,
Что тебе потом не услышать
Никогда ни от кого другого.

Может быть, настанет день такой,
Что смогу сказать, собравшись с силой,
Я такое, что никто другой
Никогда тебе не скажет, милый.

Ну, а если веки я смежу,
Если время путь мой подытожит,
До того, как я тебе скажу
Слово, что никто сказать не сможет,

Если я земное бытие
Завершу и речь свою утрачу,
Пусть со мною вместе и мое
Слово нерожденное оплачут.

Ибрагим БАБАЕВ (1936–2002)

Летний лес

Брожу то лесом, то подлеском
Вполшага, чтобы где-нибудь
Случайным шорохом иль треском
Косули робкой не спугнуть.

Она стоит сейчас, наверно,
И, наостривши уши, ждёт,
Всей кожей вздрагивая нервно
На хвойный взмах, на птичий взлёт.

Или в кустарнике тенистом,
Как тень прохладна и легка,
Пьет воду, фыркая со свистом,
Из небольшого родника.

А рядом, где теснится чаша.
Там сыч, нахохлившись, во сне
Ослепшие глаза тараща,
Сидит, сидит на старом пне.

Он, как седой старик, что денно
Привык обдумывать свой путь,
Дабы затем, вздохнув степенно.
В тени чинары прикорнуть.

О, будь я истинный художник,
Я б непременно сделал так,

Чтобы и этот полуночник
Глядел на свет, а не во мрак!

А там, где жалобно стеная,
То безумолку, по складам,
Куёт кукушка заводная,
Мой век, считая по годам...

Здесь столько солнца, что с ветвями
Его лучу переплелись.
Когда б высокими словами
Я мог наполнить эту высь.

Тогда бы я, как по канату,
Держась за солнечный пучок,
Полез бы вверх, чтобы к закату
Достать до солнца. Но молчок!

Молчок! Уйти скорее в рощу б,
Тем более что под ногой
Трещит валежник, и на ощупь
Лес проверяет: кто такой?

Его столы, раскинув ветви,
Друг к другу тянутся листвою,
И шелестят при слабом ветре,
И успокаивают: свой!

И я свободней и просторней,
Покуда чувствую их власть,
И нету помысла достойней,
Чем заблудиться и пропасть!

Чтоб вечер добро и безгрешно
Мне на стогу постлал постель,
Чтоб ветер лес качал безбрежно,
Как мать качает колыбель...

Каменное войско

Небо вспыхнуло молнией там, вдалеке,
Словно нашу свободу восславил
Сам Пророк в огнедышащей чудо-бронне
И летящую подпись поставил...

Кровник матери бедной, враг сирых детей,
Чем тебе наши песни мешали?
Обелиски тебе на погибель, злодей,
Из земли восстают, как кинжалы!

Если кто-то из них к тебе в гневе шагнёт,
И в жару ты почувствуешь стужу...
Если кто-то надгробию имя даёт,
То вдыхает земля в него душу.

Покаяния время пришло, видит Бог,
Супостатам и их подголоскам,
Потому что нет в мире того, кто бы смог
Совладать с этим каменным войском!

Зима в Ак-Су

Пишу о зиме, и, сходя, застывают
Чернила и стынют на глади листа,
И каждое слово во рту застревает,
И паром белесым идет изо рта.

Все мерзнут... Вот куры на свежем навозе,
Нахохлясь, молчат. Вот теленок продрог.

Вот ручкою крутит шофер на морозе
И льет в радиатор крутой кипяток.

Девчонка, едва лишь ушла за водою,
Уже возвращается, тенькая льдом,
И хлопают двери, и воздух струею,
Спасаясь от холода, тянется в дом.

А снегу так много, что к новым заботам
Прибавилось множество новых забот:
Кто тропку торит меж крыльцом и забором.
Кто колет дрова и вязанку несет.

И белые ели, как тучи, дремучи –
Их ветви под ветром метелью снежат,
И выше, за тучами, белые кручи –
В них туры тропинки под снегом лежат.

Одна только речка – то в синих заносах,
То в сером тумане, съедающем лед –
Вдоль зимнего леса, вдоль голых откосов
По-девичьи плавно течет и течет!

Лунная ночь

Ночь, полная луна и облака.
Все залито молочной белизной:
Ночь лунная – разливы молока
С чуть розоватой пенкой кружевной.

Ночь, полная луна и облака.
Заботы проплывают стороной:
Достаточно каких-то полглотка,
Чтоб переполнить душу тишиной.

Ночь, полная луна и облака.
Слежу за облаками и луной.
И кажется: уже из молока
Сбивает масло ветер озорной

Тень от осины белой глубока.
Таинственно сияет мир ночной!
Я жду тебя, и ждут тебя со мной –
Ночь, полная луна и облака...

Памятник поэту

К. Мечиеву

Как горцы, с гор спускаясь, вдруг замрут,
Смотря на сакли с низкими дымами,
Так вы, чинары, встали строем тут
В одном ряду с могучими дубами.

Дохнет ли ветер – вы храните строй,
Лишь отшатнетесь медленно от края –
Так путник, увидавший пред собой
Расщелину, отпрянет, обмирая.

Над пропастью рискован каждый шаг,
И я замру, как дерево, над нею,
Но в тот провал, где в полдень стынет мрак,
Я даже шапку бросить не посмею.

Лишь песня, отрываясь от земли,
Повиснет безбоязненно над бездной,
Да, может быть, еще орел вдали
Закружится, соперничая с песней.

А вы, чинары, как бы на лету –
Над пропастью – застыли недвижимо,

И я взошел на эту высоту,
Чтобы взглянуть отсюда на Кязима.

Он здесь родился, здесь он сединой
Застигнут был, как путник – снегопадом.
Он эту землю – на земле иной –
Навек благословил последним взглядом.

И горы освятили этот взгляд,
Что был прощально брошен из изгнания,
И в честь его по-прежнему шумят
Чинары, с ним не зная расставанья.

Он сам предугадал судьбу свою,
Когда напомнил о заветах старых:
«Чем жить вдали от гор в чужом краю,
Уж лучше камнем стать в родимых скалах».

И как бы зло ни помыкало им,
Со временем – возмездьем справедливым –
Он возвратился к небесам родным
И в камне встал над каменным обрывом.

Он в камне встал над каменной грядой
И родину вокруг себя увидел,
И так стоит под ветром и грозой!..
Я с глаз его росу ночную вытер...

Горное озеро

В горах, где раньше раннего светает,
Есть озеро на уровне небес.
В нем скалы вниз вершинами свисают
И на ветру колышутся, как лес.

Когда же ночь опустится устало
На гребни гор, застывшие мертво,
Луна выходит из-за перевала
И плавно погружается в него.

И, если вам придется здесь остаться,
Луна всю ночь не выйдет из воды,
Чтоб перед вами ей не показаться
Во всей красе слепящей наготы.

Она светла, как девушка нагая,
Купающаяся в ночном пруду.
И вы, чужую тайну сохраняя,
Стоите здесь, у тайны на виду.

Стоите, все на свете забывая,
И смотрите, как в озере дрожит
Не тело, но душа ее живая...
Но вдруг случайный ветер набежит,

И, заслонясь от собственного света,
Она волной прикроется, и вот –
От ревности, а может быть, от ветра –
По озеру волнение пройдет.

Но все равно из озера не выйдет,
Нырняя в тень, продрогшая луна.
Но все равно, как только вас увидит,
Волной волос прикроется она.

А только повернетесь к ней спиною,

Как – глядь! – уже и на небе видна,
Где облаком, как белой простынею,
Опять по грудь укутана она.

Бабочка

Трепетный цветок напоминая,
Бабочка порхала над прудом
И, сама того не понимая,
Вдруг задела за воду крылом.

И намокла, бедная, мгновенно,
Раз-другой рванулась, но, увы,
Прилипали крылья постепенно
К глади отраженной синевы.

Зачерпнул я воду торопливо,
И она легла ко мне в ладонь.
Все еще была она красива,
Словно догорающий огонь.

Открывала крылья, закрывала –
Может быть, обсохнет и опять,
Трепеща на солнце, как бывало,
Беззаботно примется порхать?

Нет, смотрю, летунье не летится,
Медленно впадает в забытье,
И пыльца на пальцах золотится,
Осыпаясь с крылышек ее.

Грустно мне в минуты было эти:
Бабочка, цветок или мечта, –
Мало красоты одной на свете,

Полной сил должна быть красота.

Черная ночь

Ночь. Черная ночь. Не проглянет из мрака
Ни звезд, ни огня из окна.
Ни звука. Залаяла где-то собака.
И смолкла. И вновь тишина –

Такая, как будто лишен перепонки,
Не слышу вокруг ничего.
Но что это? Где-то заплакал ребенок:
Не я ль потревожил его?

Пускай и не я – все равно я услышу,
Услышу его, как отец,
Но плач его глуше, но плач его тише,
А вот и затих, наконец.

Я знаю – над ним с колыбельною песней
Склонилась бессонная мать,
И в эту минуту добрей и чудесней
Той песни едва ли сыскать.

Иду я, а ночь мне бормочет спросонок:
«Ходи, никого не буди».
Уснуло село мое, словно ребенок,
У гор на могучей груди...

Счастье

Пришел человечек на свет
И плачет, как плачут все дети.
А мать улыбается: нет
Ей большего счастья на свете.

И большего счастья, чем мать,
Найти человек не сумеет.
Но только об этом узнать
Он сможет, когда повзрослеет.

Он плачет еще не от бед,
К обидам земным непричастен.
Пришел человечек на свет –
И счастье склонилось над счастьем.

Салих ГУРТУЕВ (род. 1939)

***

Зимний вечер расчёсывал гриву
Удалого, как буря, коня.
В этот вечер, не внемля призыву,
Отвернулась любовь от меня.

И ручья серебристая жила
Превратилась на камешках в лёд.
Птица в воздухе крылья сложила
И застыла. Прервался полет.

***

Кому – ущелье, а кому – долина,
Кому – весна, кому – июльский жар.
Мать, потеряв единственного сына,
Вся сгорбилась, но вынесла удар.

И, как вершина горная, седая,
О сыне лишь вдыхала тяжело.
Но вот дошла о нём молва худая,
И сердце ей, как молнией, сожгло.

Николаю Тихонову

Этот лес подмосковный, где снежная пыль
Ночью к окнам рвалась из глубин темноты...
Эта встреча... Ах, эта прекрасная быль:
Снег и ветер, и сосны, и дом твой, и ты!

И доселе они предо мною – крыльцо
И бревенчатый зал, где мы все собрались ...
И доньине твое предо мною лицо
С голубыми глазами, как летняя высь.

Чай горяч. И рассказ твой волнует до слёз,
Он торопит коня своего, твой рассказ
О тех днях, когда в небе – вместилище гроз –
Табуны смертных туч грохотали не раз.

Всех ты помнишь – мы все у тебя на виду!
Всё познать – беспримерно уменье твоё!
Твоей ноше сравненье никак не найду –
На сто судеб других бы хватило её!

Снег венчает тебя, как вершины в горах.
Только в дивной душе твоей холода нет.
На подошвах твоих свой оставили прах
Много гор и долин, где поныне твой след.

Ты, Кавказские горы любя горячо,
В каждой строчке проносишь, от счастья лучась,
И рукой, что Кайсыну ты клал на плечо,
И плеча моего ты коснулся сейчас.

О, каким меня счастьем балкарский мой брат
Одарил, приведя в дом однажды к тебе,
Где балкарские ели средь сосен шумят
В подмосковном лесу, благодарны судьбе!

Если книга – опора, о сколько опор
Для мостов меж сердец, меж народов и стран
За огромную жизнь заложил ты с тех пор
Как был строгою узой своей осиян!..

До сих пор мне волнения не превозмочь,
Предо мною опять эта снежная пыль,
Эти сосны и эта кроткая ночь –
Нашей встречи далёкой прекрасная быль.

Балкарская мать

Когда от горя волосы секлись
И виделся родной аул в разлуке,
Она в тоске не проклинала жизнь,
В беде не простирала к небу руки.

Просила только счастья для детей,
Как все другие матери-горянки.
И годы слёз не отняли у ней
Ни мудрости, ни княжеской осанки.

И пела песнь балкар и шерсть пряла,
Судьбою обделённая дарами,
Она других жалела и была
Душой с осиротевшими горами.

Начертанного свыше на роду
Не миновать...
    На радость, на беду ли
Ждала вестей от мужа в том году,
А он в бою погиб от вражьей пули.

Бредут натужно времени валы,
Нагружены ольховыми жердями,
А на лугах зеленые валы
Высоких трав ждут встречи с косарями.

Самому себе

Не знай, мой милый, жажды
Перекричать других.
Кто хочет, тот однажды
Поймет тебя, Салих.

Что мчаться в напряженье
Опередить бы всех?
Естественность движений
Сулит коню успех.

Когда ж кипишь безумно,
Вот – сад, твой высший суд!
Здесь яблони бесшумно
Плоды свои несут.

8 марта 1944 года⁴¹

В день праздника беда больше бьет.
Пропахла гарью скорбная планета.
Подснежники, пробившись в свой черед,
Пытались в мир добавить каплю света.

В день праздника больше бьет беда.
Дымы из труб не восходили в небо.
И облаков растерянных стада
Над тишиной селений плыли немо.

Тогда беда всего больше бьет,
Когда душа отворена для счастья.
И, словно птицу, беспощадно влёт
Ее сражает горе в одночасье.

⁴¹ День депортации балкарцев.

В глазах балкарок поселилась скорбь,
Вбирая путь кромешный и печальный.
Был горек час прощания и скор
С родной землей перед дорогой дальней.

Мы были виноваты без вины,
И с женщинами плакала природа.
С тех пор восьмой веселый день весны
Болит в сердцах у целого народа.

Слюна

Над сломанным я деревом вздохну, –
Боль отзовется в чутком человеке.
Кто не глотал от голода слюну,
Тот не поймёт голодного вовеки.

Когда судьба нас в ссылку загнала,
Я мальчиком познал проклятье злое...
Там сладкий был базар «Ленин джола»,
Меня насытил он моей слюною.

Я был едва мерцавшим огоньком, –
Мальчонкой, обездоленным войною...
Мужая в бурях, помню я о том,
Как сыт бывал я собственной слюною.

***

Шумит Черек – я знаю эту реку! –
Летит Черек к пределу своему,
Но камень противостоит Череку
И, как – я знаю – трудно здесь ему!

Вода его сжимает, как тисками –
Как бы ещё не рухнул, не пойму.

Я каждый день гляжу на этот камень,
О, как бы я хотел помочь ему!..

У памятника Пушкину

Балкарец – в двух шагах от пьедестала,
Где ты стоишь с опущенной главой,
Как будто нынче матери не стало,
И сын есть образ боли мировой.

Ты не глядишь на дальний пик отвесный,
Где туча, как молозиво, бела,
И – прав: что созерцать простор небесный,
Коль на земле ещё хватает зла.

Нога твоя слегка вперёд ступила,
Испытывая, всё ль земля тверда,
И кажется, всех смертных боль и сила
В тебе одном остались навсегда.

Земля зыбка. Мы за нее в тревоге,
Она, как люлька, ходит ходуном.
Ты помнишь эти дымные дороги,
Вороньим осенённые крылом...

Но, слава Богу, мирно зреют ныне
До снега шишки в дремлющем лесу,
И утро в горы – страха нет в помине! –
Идёт с бадьями света на весу.

И реки по ущельям не смолкают,
Как песенка ребенка в ранний час,
И уст своих упрямо не смыкают,
Хоть синий лёд и душит их подчас.

И я гляжу: неужто в грустном жесте
Неверье в нас ты выразил тайком?
Не мы ль с тобою оплатили вместе
Триумф свободы над её врагом?

Ива и ясень

Горец ходит в горах по дороге любой,
Ветер свищет в степи, беспокоен и зол.
Как случилось, что мы повстречались с тобой!
Ты, как ива, нежна, я, как ясень, тяжёл.

Благородные горы у всех на виду,
К их камням так и просится каменотёс.
Смотрит ясень, как ива склонилась к пруду,
Сам же к месту сухому корнями прирос.

Мчатся кони на скачках вперегонки.
Смотрит ива на ясень, а взор её тих
И влюблён, очевидному вопреки –
Топорища выделывают из таких!

Всё живое с восторгом встречает рассвет,
И желанному дню воздаётся хвала.
Для любви ничего невозможного нет:
Крепость иве и ясеню гибкость дана.

Склон под солнцем

Эти склоны под солнцем зелёный наряд
Примеряют и сверху глядят на село:
«Кто погиб за свободу, – они говорят, –
Те живут в нашем сердце забвенью назло!».

И мне слышит голос и ночью и днём:
– Вы-то как, не забыли их правоту,
Вы умеете так же стоять на своём,
Так, как склоны под солнцем, как травы в цвету?

В этих склонах под солнцем я вижу укор,
И зелёные травы не радуют взгляд.
Я за многих из нас ощущаю позор,
И прошу я прощенья у старых солдат.

На вершинах – туманы, снега...

Где-то дикие козы, туман, снегопад,
Где-то горы, а здесь лишь больничный покой.
Здесь жалеют меня и здоровье сулят,
Но Медея не даст мне смириться с тоской.

Жизнь жестока.
И если приходит беда,
То никто не предсказывал этот приход.
Солнце неторопливо уходит туда,
Где высоко в горах можжевельник растёт.

Как медлительно шествие каждого дня,
И потом никуда не торопится ночь.
Только сердце спешит и торопит меня
Эту тяжкую спешку успеть превозмочь!

А снега на вершинах до боли белы,
Увлекая меня в высоту всё сильней.
Как огонь путеводный, блеснувший из мглы,
Вот чем стала Медея в невзгоде моей.

О, Медея, ты сказкою рождена,
Ты в больницу из этой сказки пришла,
Ты из горной страны, из весеннего сна
Ветку ивы цветущей мне принесла.

Что о веточке ивовой можно сказать,
Ведь она твою нежную душу таит.
Моё время уже не воротится вспять,
Ну, так что же, не время уже для обид.

Если б все твои помыслы сбыться могли,
Ты бы мне посвятила наверняка
Всю свою доброту, все соки земли,
Ведь любовь твоя, словно в разливе река.

В можжевельнике спрячется ночь ото дня,
И косули сойдут к водопою с высот.
Это время сильней и тебя и меня –
Без добычи с охоты оно не придёт.

Магомед МОКАЕВ (1939–2006)

Лезгинка

Друг, погляди, погляди, погляди!
Руки на уровень вскинув груди,
В белой черкеске, башлык – позади,
Как горский парень танцует лезгинку!

Разве над нами орлы, журавли
Машут крылами в небесной дали?
Может быть, их мы услышать смогли?
Нет, горский парень танцует лезгинку!

Капли дождя ли в окошко стучат?
Путники ищут приют наугад?
Может быть, град, может быть, камнепад?
Нет, горский парень танцует лезгинку!

Кажется, скачками праздник открыт.
Кого же похвалят, сказав: «Ты джигит!»?
По горной дороге скакун ли бежит?
Нет, горский парень танцует лезгинку!

Ты погляди, погляди-ка, мой друг!
Белеют опять все горы вокруг,
Но хлопаем мы, не жалеючи рук,
Эй, горский парень танцует лезгинку!

ИЗ КНИГИ «СОНЕТЫ РОДИНЫ МОЕЙ»

***

Сиротский дождик – капель шесть иль пять, –
Как бы из детских дней моих пришедший,
Пролился на Курму... Весне навстречу
Пласты земли в предгорьях поднимать

Выходит пахарь в Сабанлык. Счастливый,
Он дышит вешней радостью полей.
Нет ничего его глазам больней,
Чем видеть невозделанную ниву.

Благословен, кто борозду вспахал!
О, пахарь, чье терпенье тверже скал,
Кто и из камня добывает зерна,

Кто жизни смысл обрел в труде таком,
Вода тебе да будет молоком,
Да будет белым хлебом – камень черный.

***

На Лашкуту с вершины Ургуюк
Посматривает облако овцою,
Но волком злым и хитрою лисою
Оно способно обернуться вдруг.

Да сгинет волк в обличии овечьем!
Из лисьей шкуры пусть мешок сошьют!
Пусть попадут в ловушку вор и плут,
Чтоб впредь им поживиться было нечем!

Гляжу на лицемерных я с опаской:
Чем улыбаются – лицом иль маской?
Жизнь, помоги нам разобраться в том!

Отвратно и Иссе-пророку⁴² было
Двуличие, – оно людей губило,
И приводило недруга в наш дом.

***

Знобил мороз, зной обжигал, как пламень,
То дерево в Камуке, что несло
В себе свет неба и земли тепло.
Его терзали град, и дождь, и камень.

Таков и я. Покоя не дают
Мне зависти и злобы проявленья, –
Напраслина, упреки, оскорбленья
Меня, как птицы хищные, клюют.

Как злых и подлых вытерпеть повадки?
Как не сразиться с ними в жаркой схватке?
Избит, изранен я, как Дон Кихот.
Жизнь провожу в бореньях и страданьях, –
Вид дерева, что стойко в испытаньях, –
Мне мужество и силы придает!

***

О, бабушка, что колыбель мою
У очага качала! Я не знаю,
Какой, – но стала ты звездой, сияя
В ночи, в небесном странствуя краю.

⁴² Иисус Христос (Исса) в исламе признается в качестве великого пророка.

Со света божеством Тейри ты рядом
Сегодня, может быть. И с высоты,
Открывшая мне тайны песен, ты
На путь мой, знаю, смотришь добрым взглядом.

Родимый наш язык балкарский жив.
Я вновь шепчу, сонет на нем сложив:
Как ласковая песнь твоя близка мне!

И наше слово – то как ночь молчит,
То колоколом над землей звучит,
Зовет зарю, раскалывает камни.

***

Несется жеребенок в резвом беге
Под солнцем... Что столетья сохранят?
И щепки нет от Ноева ковчега,
От смерти средств не знал и Гиппократ.

Селений прежних помнят лишь названья,
Кыды в руинах и Губасанты.
Жестокость стерла лиц и дней черты.
О, сгинувшие песни и сказанья!

Шумит река, как отзвук тех мелодий,
Что Урусбиев⁴³ некогда в народе
Играл... А скрипка сломана давно.

Пусть песнь – душа моя – взовется птицей
И в мой последний час, – чтобы сравниться
С певцом грядущим было ей дано.

---

⁴³ Исмаил Урусбиев – балкарский князь, знаток народной музыки. Жил во второй половине XIX века.

***

Есть горец ли такой, кто б на посуд великий
Хоть кустик, хоть ручей, хоть камень променял
Земли, где рос и жил? Серебряный овал
Луны с небес глядит и на погост в Фардыке.

О, Шахмурза⁴⁴! Горянка-ласточка, дочь скал,
В одном твоём стихе – в слезах, в беззвучном крике,
В другом – где ветер с гор ей пряди расчесал,
В кругу счастливых лиц смеется яснолико.

О жизни этой пел ты, как умел. Сулили
Дни радость нам, – дышал весельем голос твой,
Постигло горе нас, – терпеньем все осиял,

Ты выстоял в борьбе с бедою и нуждой.
И тем счастливей стал Кязима и Джалиля,
Что прах твой погребли друзья в земле родной.

***

Гуляет ветер над верховьями Башиля.
Тропинка предков, что в Сванетию ведет,
За горы, – там пройти лишь может пешеход, –
Зовет нас. В путь, мой друг! Не пощадим усилий!

Есть в очаге огонь, – и чем бы ни грозили
Бураны, пропасти, и камнепад, и лед, –
Они нам не страшны. Свет дружбы – наш оплот,
Как факел, он зажжен над тьмой старинных былей.

⁴⁴ Саид Шахмурзаев (1886–1975) – народный поэт Кабардино-Балкарии.

В преданья канули раздор, война, набег.
Струн чианури⁴⁵ звон летит над шумом рек,
И песней дружеской наполнена округа.

И если в час беды раздастся вдруг призыв,
Мы ринемся, про все на свете позабыв,
Сквозь горы, сквозь снега – скорей помочь друг другу.

***

О, Актопрак, твоя земля – как пыль мучная...
Здесь в выжженных холмах скрывается руда.
И в знойный летний день опять придя сюда,
Я башни Бухары невольно вспоминаю.

Тут в белой дымке – гор туманная гряда,
Полдневный ветерок шуршит, листву качая,
И путник сгорбленный, чья борода бела,
Колени преклонил, молитву совершая.

На плоском камне он, – надеждой полон взгляд, –
Поклоны бьет... Мой стих, и ты молениям в лад
Проси, чтоб жизнь цвела, не ведая ненастья.
Пусть будут мир и дом судьбой сохранены,

Пусть будет погребен навек огонь войны;
А вспыхнет, – пусть сожжет виновников несчастья.

***

Хуламцы в старом времени далеко!
Темны двory, дома полумертвы...
Забытые Аллахом и Пророком,
Как выжили, как выдержали вы?

---

⁴⁵ Чианури – струнный музыкальный инструмент у сванов.

Была глуха гора к печалям вашим,
Чадил кизяк, давила вас нужда.
Но вы не унывали никогда
И шуткой был ваш трудный день украшен.

Тут, словно скалы, время расколось,
И слышен древности мне гулкий голос,
Преодолевший лет протекших грань:

«Да, горе мы испили полной чашей.
А хочешь обрести терпенье наше, –
Будь тверд, как камень, – или камнем стань!».

***

Камней замшелых ряд, руины старых стен...
В ауле Джамагат⁴⁶ – ни смеха, ни улыбок.
Здесь воины легли, врагам не сдавшимся в плен,
И крови их следы на потемневших глыбах.

Не пуля, не ядро, – сгубила их чума,
Что враг сюда занес, – селенье опустело.
Разрушены сады, разграблены дома,
Как будто силам зла здесь не было предела.

Как здесь грустны дожди, как здесь печален снег!
Но нет, не вечно зло: пришла к врагам расплата.
На свете больше нет их, проклятых навек.

А жизнь вокруг опять цветением богата.
Народа дух к траве рискну я приравнять:
Как ни коси траву, она взрастет опять.

⁴⁶ Джамагат (Джамат) – древний карачаевский аул, упоминаемый и М. Ю. Лермонтовым. Этот и следующий сонет относятся к карачаевскому циклу.

***

Мир и покой кругом – ну, всем на удивленье!
Высок покой вершин, спокоен перевал.
Как будто никогда здесь не было волнения,
Как будто никогда никто здесь не стрелял.

Как будто тишина из этих мест исходит
На весь огромный мир, на весь простор земной.
Никто нигде от бед слезами не исходит...
Да разве может быть такой везде покой?

Но правду говорят, быть может, ясновидцы:
Чтоб тишине такой везде установиться,
Без отдыха и сна орудуя мечом,

Права людей на жизнь и счастье защищая,
Добро борьбу ведет, – и ангел Карачая
Там крылья распахнул, где бой идет со злом.

Ахмат СОЗАЕВ (род. 1941)

В отчем доме

Нам отчего дома
Окошки в пути
Светили, а то мы
Могли б не дойти.

Мы лиха хлебнули
На дальних путях,
Вернулись, – раздули
Огонь в очагах.

Отведали хлеба,
Не пряча лица.
Огромное небо,
Как шапка отца.

Здесь каждый утешен
И счастлив вполне,
Здесь даже и пешие
Мы – на коне!

Домой возвратиться,
Вернуться домой –
Как будто омыться
Живою водой.

Снежная симфония

Снег идет... Он так робко ложится на площадь,
Словно первую гамму играет на ощупь.
Снег идет... Пьедестал осыпает гранитный
В тихом темпе, в стеснительном медленном ритме,
Но Чайковский к беззвучью его, словно к звуку,
Протянул свою тонкую, чуткую руку –
И над улицей в гуле машинного бега
Дирижирует белой симфонией снега.
Повелительной палочки тайные взмахи –
И мелькают снежинки, как нотные знаки,
И трепещут, сверкая серебряной пылью,
Лебединого озера легкие крылья...
Снег идет, словно силы свои проверяя,
Словно тихую песню на слух подбирая...
Снег струится – и памятник, стройный, певучий,
Утопает в снегу, словно в море созвучий...

***

Ты ушла в слезах... Ушла,
Мои руки за тобою тянутся,
Становясь длиннее и длиннее...
Мои пальцы, как щенки слепые,
Ищут, шарят, тычутся в пространство...
Ты ушла...
Снег застигает взгляд мой.

***

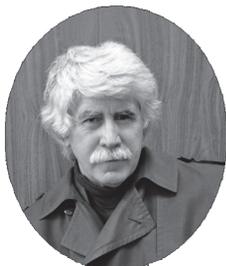
Дни мои похожи друг на друга,
Как похожи друг на друга капли,
Как похожи друг на друга листья.

Но подчас не замечаю
Дней моих исчезновенья –

Исчезают, словно капли,
Исчезают, точно листья.

Дни мои один с другим не схожи,
Как не схожие друг с другом скалы,
Как не схожие друг с другом реки.

Но подчас не замечаю,
Что они уже настали, –
Обступили, словно скалы,
Разлились, как будто реки.

Абдуллах БЕГИЕВ (род. 1950)

***

«Люблю свою землю», – но, может, здесь пафос нелеп?
Никто ведь «Я воздух люблю!» не заявит с помоста.
Никто ведь признанья не сделает: «Я люблю хлеб».
Всё это естественно. Необходимо. И просто.
Сказать «Боль других понимаю» опять же смешно.
Кто ж это считает заслугой? Скорее, спасеньем!
Порою покажется: всё, мне не выбраться..., но
забудешь о боли своей, помогая соседям.
... Когда, от бумаг оторвавшись, на мать посмотрю,
я думаю: что за нелепицы я говорю...

Слово

Ты в венах, смешиваясь с кровью,
Рвалось,
    Блуждало,
        Жгло дотла ...
То тяжело, что – куда надгробью!
То легче перышка орла ...

Насущней хлеба ты порою.
В тебе
Тоска и страсть моя.
А иногда тебя,
Не скрою,
    До дрожи
        Ненавижу я!

То человека
Ты возвысишь,
То из него исторгнешь стон,
Порой
Сильней, чем он, не сыщешь,
Порой,
Беспомощней, чем он!

Главу склоняют пред тобою.
Мечом ты служишь и щитом.
Готово к празднеству и бою,
Быть можешь лаской
И кнутом!

Века – клинок бы не пронзил их! –
Своим лучом пронзаешь ты.
А то,
Листка пробить не в силах,
Ты плачешь
Горше сироты...

***

Дары, что ты с собою принесла, –
Та изморозь, что на висках не тает,
Да боль, что сердце сетью оплела,
Да взгляд, что в темной пропасти витает, –
Вот те дары, что ты мне принесла.

Дары, что ты с собою принесла, –
То вороньё, что на ветвях повисло
В саду, где почва – пепел и зола ...

Я не вспашу следы твои. Нет смысла:
Здесь лебеда и та бы не возшла.

Мурадин ОЛМЕЗОВ (род. 1949)

Каменоломня

А. Бегиеву

Без устали гремит
Каменоломня,
Мельчит,
Крошит,
Толчёт
Каменоломня,
Дробит
Большие камни
На осколки,
А камушки –
    Проскальзывают
В щёлки.

Вот так и жизни мельница
Нас вертит –
Меня,
Тебя
С рожденья и до смерти,
Сердца большие –
В клочья разрывает,
А маленькие –
    В щёлки ускользают.

Старик

С годами бремя тягот и забот
Ему согнуло жилистую спину.
Старик с войны единственного сына,
Что без вести пропал, всё ждёт и ждёт.

С надеждой доброю уже который год
Встречает утро... Горькая судьбина!
Но в этом ожидании – причина
Того, что держится, что он еще живёт.

Мелькают вёсны, осени и зимы,
Дни, ночи – меж собой неотличимы.
Тоска порою станет донимать...

Но каждый вечер он идёт к порогу,
Бормочет тихо, глядя на дорогу:
«Ну что ж, до завтра можно подождать...»

***

Вновь
Черный день.
Опять погиб мой друг.
Ещё один
Сорвался со скалы...
А он любил
Взрывное слово
«Вдруг»,
Всю жизнь любил он
Острые углы.

Не надыхавшись
Воздухом высот,
Он, падая,

Прощальный бросил взгляд
На мир внизу,
Где нечисти – почёт,
Где страх в душе у каждого живёт,
Где думают лишь то, что им велят.

А в мире скал –
Такая чистота!
Таким бесстрашьем
Веет всё вокруг!
Его всю жизнь
Влекла лишь высота,
Таким он был,
Ушедший в небо
Друг...

Эрирей

Туча сеет снег,
Сеет снег,
Словно мать,
Младенца пеленает,
Там, в горах пути отважных снег
Родины
Дороги укрывает.

Туча сеет снег,
Сеет снег.
Тихо.
Даже псы в селе не брешут.
Облепиху
Облепляет снег,
Словно шерсть
Кусты усердно чешут.

Туча сеет снег,
Сеет снег,
Веет его ветер
Снова,
Снова ...
И скалу укутал белый снег,
Как тулуп
Укутал часового.

Туча сеет снег,
Сеет снег,
На село бросает –
Горсть за горстью.
Дым из труб печных
Сквозь этот снег
Кажется
Дымком
Из трубки горца.

Туча сеет снег,
Сеет снег,
Словно август
Сыплет звёздной пылью.
На поля
Ложится добрый снег –
Добрая примета
Изобилья.

Туча сеет снег
Всё сильнее,
Словно старцы
Песню подпевают.
Ну, а песня эта –
«Эрирей»,
Радостная песня урожая.

***

Палкой-поводырём
Перебирая дорогу,
Бредёт старик.
Два ослепших месяца
Смотрят с его лица.

Словно малыша,
За руку ведёт его
Палка-поводырь.
Сквозь темноту деревьев,
Сквозь темноту людей,
Сквозь темноту домов,
Сквозь темноту звуков
Ведёт палка-поводырь
Слепую черную тень,
Ведёт палка-поводырь
К его зрячей надежде...

Аскер ДОДУЕВ (род. 1953)

Ветер

I

Из чащи ветер холодом дохнул,
Но соловей влюбленный не умолк.
До жертвы двух шагов не дотянул
И горестно завыл голодный волк.
Лишь два шага на жизненной тропе
Нас разделяют посреди невзгод,
И пусть мне боль не позволяет петь,
Надежда выть по-волчьи не дает.

II

От вечных споров день светлей не стал.
Покой сильнее ярости лавин,
Но ветер перерезал перевал,
Подув с холодных, сумрачных вершин.
Что может быть для путника страшней,
Чем трещина под снегом на пути?
Ни следа дикой твари, ни людей,
И нет понятной цели впереди.

III

Что носит ветер над твоим двором?
Какой обидой веет вдалеке?
Обида станет камнем или льдом,
Или нарзаном побежит к реке...
Покуда чувство теплится в груди,
Живи без лишних слов и лишних слез.
Мне только нужно до тебя дойти,
Когда скует распутицу мороз.

Сакинат МУСУКАЕВА

Надежда

Брели мы, пыль горела на губах,
Нещадно солнце обжигало дали,
Дорогу скорби предрекла судьба,
И не было конца беде, печалям.

Померк рассвет, и наступила ночь,
Но верили: всё кончится однажды.
«Теперь лишь Бог способен нам помочь...», –
Так думал мой народ, так думал каждый.

Всё рухнуло. И как вода в песок
Ушло, что сотворили мы руками,
Но свет Надежды – ярок и высок,
Нас не покинул, был повсюду с нами.

И мы не обманулись. Снова гор
Узрели мы родные очертанья,
Увидели вновь родину. С тех пор
Мы верим, что сбываются желанья.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя *Михаил Синельников*..... 5

КАРАЧАЙ И БАЛКАРИЯ В СТИХАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Василий ЖУКОВСКИЙ (1783–1852)

Из послания «К Воейкову»..... 14

Александр ГРИБОЕДОВ (1795–1829)

Хищники на Чегеме 16

Кондратий РЫЛЕЕВ (1795–1826)

Отрывок из оды «Гражданское мужество» 19

Михаил ЛЕРМОНТОВ (1814–1941)

Хаджи-Абрек Поэма.....20

Дмитрий ОЗНОБИШИН (1804–1877)

Кисловодск 36

Нардзан (*Кавказская легенда*)..... 38

Константин БАЛЬМОНТ (1867–1942)

Воспоминание 42

Бенедикт ЛИВШИЦ (1886–1939)

Одиночество 44

Николай ТИХОНОВ (1896–1979)

«Я снова посетил Донгузорун...» 46

Эльбрус с Бечасына.....	46
«Встаёт Эльбрус...».....	47
Верхний Хулам.....	48
Кыргык-Ауш.....	48
«Женщина в дверях стояла...».....	49
«Горных рек нескончаемый гул...».....	51
Горец.....	52
Степан ЩИПАЧЕВ (1899–1980)	
Бурка.....	53
Эльбрус в самолете.....	53
Николай АСЕЕВ (1889–1963)	
Из цикла «Высокогорные стихи»	
Рождение облака.....	55
Водопад Муруджу.....	55
Это – медленный рассказ... ..	56
Сергей ИВАНОВ (1915–1945)	
Могила Исмаила Джаппуева.....	60
Мария ПЕТРОВЫХ (1908–1979)	
Поэту-горцу.....	62
Дмитрий КЕДРИН (1907–1945)	
Другу-поэту.....	63
Борис СЛУЦКИЙ (1919–1986)	
Поэты малого народа.....	65
Вероника ТУШНОВА (1911–1965)	
Из поэмы «Дорога на Клухор».....	66
Юлия ДРУНИНА (1924–1991)	
Теберда.....	68
Николай СТАРШИНОВ (1924–1998)	
«Где-то за долиною Домбая...».....	69
Александр ЯШИН (1913–1968)	
Домбай.....	71
Леонид РЕШЕТНИКОВ (1920–1990)	
Мне снятся горы по ночам.....	72

Семен ЛИПКИН (1911–2003)

Взгляд.....	74
Кавказ	74

Никита ЖУКОВСКИЙ (1913–1993)

Гроза в Теберде.....	76
----------------------	----

Виктор ВАСИЛЕНКО (1905–1992)

По пути к Чегему.....	77
-----------------------	----

Юрий ВИЗБОР (1934–1984)

Теберда	78
Домбайский вальс	79

Анатолий ЖИГУЛИН (1930–2000)

Теберда	80
---------------	----

Дмитрий ГОЛУБКОВ (1930–1972)

Балкарский аул, 1965 год.....	81
-------------------------------	----

Михаил ДУДИН (1916–1993)

Письмо Кайсыну.....	82
Надпись на книге Кайсына Кулиева «Раненый камень»	83
«Как чист Эльбрус...»	84
Форель играет в лунном свете.....	85

Инна КАШЕЖЕВА (1944–2000)

Возьми меня в Балкарию.....	87
«О названья земли родной!..»	88

Ольга ЕРМОЛАЕВА

Любительский снимок. Терскол.....	89
-----------------------------------	----

Белла АХМАДУЛИНА (1937–2010)

Метель	94
--------------	----

Юсуф СОЗАРУКОВ (1952–2008)

Возвращение	95
-------------------	----

Аркадий КАЙДАНОВ (род. 1955)

«Мы не проспали. И в знобящий час...»	96
Лето. Балкария	97

Светлана МОТТАЕВА	
Наедине с зеркалом	98
Монолог кавказца	99
Владимир ФЕДИН (род. 1946)	
Карачай	100
Юрий БЕЛИЧЕНКО (1939–2002)	
Терскол	101
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ (род. 1946)	
Первые воспоминания	103
Улица Кулиева	103
В старой Алании	
1. Карачай	104
2. «Убили активистов и евреев ...»	105
3. «Рунические письмена ...»	105
4. Архыз	106
5. «Я размышляя, читая «Жизнь растений» ...»	106
Бийчесын	
I. «Горяч был ветер тайны и пустыни ...»	107
II. «И найду в польнном поле ...»	107
«В звездном небе хазарского края ...»	108
Памяти Кулиева	108
«А там, средь гор хазарских Карачая ...»	109
«Как лёд киркой ни колоти ...»	110
Маргарита НОГТЕВА	
Безенгийская стена	111
Сергей МАРКУС (род. 1955)	
Карачай. Сошествие-восхождение	114
Салам, эрттенлик! – Привет, утро!	114
Шахриза БОГАТЫРЕВА	
На сенокосе	116
Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ (род. 1958)	
Город Нальчик	117

Содержание

Юруслан БОЛАТОВ (род. 1962)

В Балкарии.....	119
«Летит измирский ветерок ...»	119
«Подобно Лорке я стихи слагал ...»	119

Дмитрий ЛУНИН (род. 1982)

Руслану Батчаеву	120
------------------------	-----

Тахир ТОЛГУРОВ (род. 1964)

У кинотеатра «Восток»	121
-----------------------------	-----

Владимир РОМАНЕНКО (род. 1948)

Ковыль	122
--------------	-----

Александр КУШНЕР (род. 1936)

«Мы в постели лежим, а в Чегеме шумит водопад ...»	124
--	-----

ПЕСНИ И ЗАКЛИНАНИЯ НАРТОВ

(Переводы М.Синельникова)

Моление нартов Тейри	127
Умай-бийче	127
Заклинание	128
Элия	128
Песнь о Сосурке	132
Песнь в честь Сосурки	133
Песнь о Сибильчи	134
Песнь о Болат-Хымыче	136
Песня нартских охотников на зубра	140
Песня нартов, возвращающихся из похода	141
Плач по нартам	142

ПОЭТЫ КАРАЧАЯ

Касбот КОЧКАРОВ (1834–1940)

Айдаяк (Отрывок из повести). Перевод Г. Орловского	147
--	-----

Исмаил СЕМЕНОВ (1891–1981)

Махарский родник. Перевод С. Родова	150
«Слушаю я...». Перевод М. Синельникова	151
Песня истосковавшегося. Перевод М. Синельникова	152
Черная змея. Перевод М. Синельникова	153
Глядя на абрикосовое дерево. Перевод М. Синельникова	153
В час печали. Перевод М. Синельникова	154
К Старости. Перевод М. Синельникова	155
Сыну. Перевод М. Синельникова	155

Исса КАРАКОТОВ (1900–1942)

Кавказ. Перевод О. Колычева	157
-----------------------------------	-----

Абидат БОТАШЕВА (1902–1982)

Снова осень. Перевод В. Прыткова	161
--	-----

Умар АЛИЕВ (1912–1972)

«Разрывается сердце мое пополам...». Перевод М. Синельникова	162
Торгой. Перевод М. Синельникова	162

Халимат БАЙРАМУКОВА (1917–1996)

Горы. Перевод Н. Матвеевой	164
В одном колхозе. Перевод Н. Матвеевой	164
«... Нет, женские песни ты мне позволь...» Перевод Н. Матвеевой	165
«Ты любишь степи, вольный их простор...» Перевод А. Яльмарова	165
Земля. Перевод Н. Матвеевой	166
«Какие высокие горы!..». Перевод Н. Матвеевой	166
«Руку солдат потерял...». Перевод Н. Матвеевой	166
«Я проснулась...». Перевод Н. Матвеевой	167
«Расплескался чай в купе вагона...». Перевод Н. Матвеевой	167
«Что там за дерево...». Перевод Н. Матвеевой	168
«Дочь умерла...». Перевод Н. Матвеевой	168
«Засохли...». Перевод Н. Матвеевой	169
«Боль с безбольем...». Перевод Н. Матвеевой	169
«Всё ушло, как будто не бывало...». Перевод Н. Матвеевой	170

Осман ХУБИЕВ (1918–2001)

Бичесын. Перевод В. Слядневой	171
«Говорят в народе, что у женщин...». Перевод Т. Веселовой	171
Не спеши. Перевод Т. Веселовой	173

Азамат СУЮНЧЕВ (1923–2012)

Из «Азиатской тетради»

Жалоба. Перевод Л. Шерешевского.....	174
Говорят: «Забудь». Перевод Л. Шерешевского	175
Надежда. Перевод Л. Шерешевского	177
Пояс поэта. Перевод Ю. Щелокова.....	179

Юсуф КАРАКЕТОВ (1932–2006)

Лесная груша. Перевод Ф. Лаубе.....	181
-------------------------------------	-----

Назир ХУБИЕВ (род. 1934)

Лавина. Перевод К. Симонова	183
Сон. Перевод Н. Тихонова.....	183
Слово. Перевод Я. Козловского	184
Мельница. Перевод М. Синельникова.....	184
Белый снег. Перевод М. Синельникова	185
«Рыдающим эхом ответит скала ... ». Перевод М. Синельников	186
«Не добратся врагам, не пройти, не пробиться... ».	
Перевод М. Синельникова	186
Горная дорога. Перевод М. Синельникова.....	187
Луна над юртой. Перевод М. Синельникова.....	187
Ночная гроза. Перевод М. Синельникова	188
«Камней не видим под ногами ... ». Перевод М. Синельникова	188
«Я становлюсь то птицей, то растением ... ». Перевод М. Синельникова.....	189
«Желтый день печали и прохлады ... ». Перевод М. Синельникова.....	189
У очага. Перевод М. Синельникова	189
Родник. Перевод Н. Орловой.....	191

Назифа КАГИЕВА (1935–2013)

(Переводы М. Роговской)

«Гора моих гор Минги-Тау!...»	192
«Две алычи росли в саду у нас ... »	192
«Звезда моя над Иссилеу... »	192
«Я плакала у родника ... »	193
«Давным-давно кукушкой нарекли ... »	193
«Бескрыла, неподвижна красота ... »	193
«На чужбине плакали предки мои ... »	193
«Уходя от меня ... »	194
«Мальчик и щенок боролись ... »	194
«Не улетай, не улетай, одуванчик ... »	194

«Подойди, давай станцуем...»	195
«Мальчик крылышко сломал птенцу...»	195
Ахмат КУБАНОВ (1939–1991)	
«Я имя твое напишу...» . Перевод В. Сапронова	196
Азрет АКБАЕВ (род. 1939)	
Похожи волны друг на друга. Перевод Я. Козловского	197
Тишина и ребенок. Перевод Я. Козловского	197
На берегу Кубани. Перевод Я. Козловского	198
Лунные руки. Перевод Я. Козловского.....	199
«В начале была я посохом слепым...» . Перевод Я. Козловского	200
«Слова любую одолеют даль...» . Перевод Я. Козловского.....	200
Память. Перевод В. Потиевского	200
Мусса БАТЧАЕВ (1939–1982)	
«Когда б земля была арбою...» . Перевод М. Синельников	203
«Не видели мы...» . Перевод Р. Добровенского.....	203
«Тот, кто зрения лишился...» . Перевод С. Вольского.....	204
«Высоко на придорожной круче...» . Перевод С. Вольского	204
Белое – чёрное... Перевод Р. Добровенского	205
«Бродя в ущелии дорогой горной...» . Перевод Ю. Созарукова.....	206
Билял АППАЕВ (род. 1939)	
Вдали от тебя. Перевод Б. Сиротина	207
Бергер БАТЧАЕВ (1940–1974)	
Лес. Перевод Ю. Созарукова	209
Махмут КУБАНОВ (род. 1944)	
Борозда. Перевод А. Кузнецова.....	210
Фатима БАЙРАМУКОВА	
И любовь, и дорога. Перевод Н. Скребова.....	211
Пусть не седеет мечта. Перевод Н. Скребова	211
Родной язык. Перевод И. Елисева	212
Сапар УЗДЕНОВ (1953)	
«Прикоснешься пером к листу...» . Перевод И. Мельникова.....	213
«Над столом дрожит огонёк свечи...» . Перевод И. Мельникова.....	213
«В этом тихом лесу, Как горянки, стройны стволы...» . Перевод И. Мельникова.....	214

«Как прекрасно, что дороги не найти ...».	Перевод И. Мельникова	215
«Студит ветер затылок мне ...».	Перевод И. Мельникова	215
Моя Отчизна.	Перевод И. Мельникова	216
«Я совсем позабыл про дела ...».	Перевод И. Мельникова	217
«Привет вам, камни кладбищ родовых ...».	Перевод И. Мельникова	217
«В юности не страшен гнев судьбы ...».	Перевод И. Мельникова	218
«Иссякают силы ума от бесплодных дум ...»	Перевод И. Мельникова	218
Билал ЛАЙПАНОВ (род 1955)		
«Не камень, сорвавшийся с диких скал ...».	Перевод А. Тюрина	219
«Ты семь пластов земли – и щедрых, и чудесных ...».	Перевод В. Лапшина	219
Молитва старика карачаевца-мухаджира.	Перевод А. Тюрина	220
«Крик заблудившихся журавлей ...».	Перевод А. Тюрина	221
«Не считай уходящие дни ...».	Перевод А. Тюрина	221
Молния.	Перевод А. Тюрина	221
Рыбак.	Перевод А. Тюрина	222
Стремление.	Перевод А. Тюрина	222
«Как высохшая кожа ...».	Перевод А. Тюрина	223
«Играй же, музыка, играй!».	Перевод А. Тюрина	224
Альберт УЗДЕНОВ (род. 1957)		
1957. Возвращение.	Перевод М. Синельникова	225
Журавли.	Перевод М. Синельников	225
Бурхан БЕРБЕРОВ (род. 1961)		
«Отбрасывает тень на стену ...».	Перевод Н. Аришиной	227
Шамиль УЗДЕНОВ (род. 1990)		
Жизнь на высоте.	Перевод М. Синельникова	228
Старый путник.	Перевод М. Синельников	228

ПОЭТЫ БАЛКАРИИ

Кязим МЕЧИЕВ (1859–1945)		
«К тебе я хотел перебраться в челне ...».	Перевод С. Липкина	232
«Холмик мы не приравняем к салам ...»	Перевод С. Липкина	232
«Твой отец заходил как-то раз ...».	Перевод Г. Яропольского	232
Сетования девушки.	Перевод С. Липкина	233

«Было время – любовь даром счастья была ...».	
Перевод Г. Яропольского	233
Завещание сыну. Перевод С. Липкина.....	234
«Серый камень сорвался с утеса ...». Перевод С. Липкина.....	234
«Я сравню тебя с моей стрелой ...». Перевод С. Липкина.....	235
«Порою на вершине снег блистает ...». Перевод С. Липкина.....	235
«У турков, арабов проделав скитанья круги ...». Перевод С. Липкина.....	235
«Чтоб родину избавить от невзгод ...». Перевод С. Липкина.....	236
Колыбельная песня. Перевод С. Липкина.....	236
«Сегодня князь Сюйюнч Ахмата бедняка ...». Перевод С. Липкина.....	237
«Стал мрачен свод небес ...». Перевод С. Липкина.....	237
«Легко в горах находит путь беда ...». Перевод Г. Яропольского.....	238
Стихи, сказанные одинокой иве у горного ручья. Перевод С. Липкина.....	238
«Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад ...». Перевод С. Липкина.....	239
«Послушайте, люди, что скажет Кязим ...». Перевод С. Липкина.....	239
Моя корова. Перевод С. Липкина.....	240
«Я – часть живого. Жил. Горел светильник ...».	
Перевод Г. Яропольского	240
Многострадальный мой народ. Перевод М. Синельникова.....	241
Завещание. Перевод Г. Яропольского.....	243
Берт ГУРТУЕВ (1910–2001)	
После боя. Перевод С. Виленского и Я. Серпина.....	244
Ландыш и черемша. Перевод С. Виленского и Я. Серпина.....	245
«Ты звезда из серебра или солнце золотое?..». Перевод В. Цыбина.....	246
«К Аслиджан стремился я, к ней, что свет моих лет ...».	
Перевод В. Цыбина.....	246
«Мечту свою к тебе направил, карачач ...». Перевод В. Цыбина.....	247
Керим ОТАРОВ (1912– 974)	
Колокольцы весны. Перевод С. Виленского и Я. Серпина.....	249
Крик птицы в ночи. Перевод И. Харабарова.....	249
Письмо на фронт. Перевод Б. Цыбиной.....	250
Ласточка вьёт гнездо. Перевод Д. Голубкова.....	251
В разорённой деревне. Перевод С. Виленского.....	252
Глаза любимых, дружеские руки. Перевод С. Виленского.....	253
Ты помнишь, Харьков? Перевод И. Харабарова.....	254
В ту ночь. Перевод Г. Яропольского.....	255
Горький вопрос. Перевод Г. Яропольского.....	256

Каспийские степи. Перевод Г. Яропольского	257
Невольничий рынок. Перевод Г. Яропольского	259
Мольба с упреком пополам. Перевод Г. Яропольского	260
Старуха. Перевод Г. Яропольского	263
Дерево. Перевод А. Павлова	263
Солдат. Перевод Г. Яропольского	263
Раны в сердце. Перевод Г. Яропольского	264
Журавли вернутся. Перевод Г. Яропольского	265
Идет весна. Перевод И. Харабарова	267
Морская ракушка. Перевод Н. Коржавина	267
Гюрхожан. Перевод Д. Орловского	269
В пути из Кисловодска. Перевод Д. Голубкова	269
Тропа. Перевод Д. Голубкова	271
«О, земля! Сладок мед твой...». Перевод Н. Коржавина	272
Сестры-близнецы. Перевод А. Павлова	272
Путь человека. Перевод А. Павлова	273

Кайсын КУЛИЕВ (1917–1985)

Всегда гордился тем, что горец я. Перевод Д. Кедрина	275
Цветы с фронта. Перевод Д. Кедрина	276
«Я в первый день войны жестокой...». Перевод Н. Коржавина	277
«Если радость придет, радость прими...». Перевод Н. Гребнева	278
«Когда мальчишкой вышел я во двор...». Перевод Е. Елисеева	278
Над старой книгой горских песен. Перевод Н. Тихонова	278
Я пришел с гор в эту ночь. Перевод Н. Гребнева	280
«Я над раненым камнем, склоняясь, горевал...». Перевод Н. Коржавина	281
Стихотворение, написанное в Хуламе. Перевод М. Синельникова	282
«Та чинара, что ты посадил...». Перевод Ю. Виноградова	285
«В гнездо я вернулся, в родительский дом...». Перевод Я. Акима	285
Березка. Перевод Д. Голубкова	286
Кинжал. Перевод Я. Козловского	286
Женщина купается в реке. Перевод Н. Гребнева	288
«Я не могу сказать: «Мне всё равно...»». Перевод Н. Гребнева	288
Дворик моей матери. Перевод Б. Ахмадулиной	289
«В теснине река вековая течет...». Перевод Н. Гребнева	289
В тени деревьев. Перевод О. Чухонцева	290
Над пропастью. Перевод О. Чухонцева	291
Гамлет. Перевод Н. Гребнева	292
«Дни, когда я был гоним...». Перевод М. Синельников	292

«Вижу в зимней Варшаве всё время...». Перевод М. Синельников	293
Балкарская свирель. Перевод Н. Гребнева	293
Возвращение. Перевод М. Синельникова.....	294
Мальчик на камне. Перевод М. Синельникова.....	296

Сафар МАКИТОВ (1917–2013)

«Почему, Эльбрус, ты не растаял...». Перевод Н. Коржавина	297
Дети по-балкарски говорят. Перевод Л. Шерешевского	297
Тур. Перевод И. Кашежевой	297
Киргизии. Перевод И. Кашежевой	298
Весенний снег. Перевод Н. Григорьевой.....	299
Ста... Перевод Л. Шерешевского.....	300

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

«Мы не гадали и не знали...». Перевод Н. Гребнева	301
Дым очага. Перевод Н. Гребнева	301
Два языка. Перевод Г. Ефремова.....	302
Мать. Перевод Ю. Нейман	303
«Трещи, как будто бы смеются...». Перевод Н. Гребнева	304
«Может статься, так всегда бывало...». Перевод Н. Гребнева	305
«Ветер листья обрывает зло...». Перевод Ю. Нейман	306
«Я встречаю радостно восход...». Перевод Н. Гребнева	307
«Стихи слагали стихотворцы...». Перевод Н. Гребнева	308
Гроза. Перевод Ю. Нейман	309
Песня горянки. Перевод Н. Гребнева	310
«Я не ждала и не брала даров...». Перевод Н. Гребнева.....	311
Слово. Перевод Н. Гребнева	312
Горские поэтессы. Перевод Н. Гребнева	313
«Взлететь заманчивей, чем стоять...». Перевод Н. Гребнева	314
Родной земле. Перевод Н. Гребнева	314
«Сноха входила молча в горский дом...». Перевод Н. Гребнева	316
«Весна в горах появится едва...». Перевод Н. Гребнева.....	316
«С начала жизни я к тебе иду...». Перевод Ю. Нейман	318
«Всё, чем я владела до сих пор...». Перевод Н. Гребнева	318

Ибрагим БАБАЕВ (1936–2002)

Летний лес. Перевод О. Чухонцева	320
Каменное войско. Перевод Г. Яропольского	322
Зима в Ак-Су. Перевод О. Чухонцева.....	322
Лунная ночь. Перевод Г. Семенова.....	323

Памятник поэту. Перевод О. Чухонцева	324
Горное озеро. Перевод О. Чухонцева	325
Бабочка. Перевод Г. Семенова	327
Черная ночь. Перевод О. Чухонцева	327
Счастье. Перевод Г. Семенова	328

Салих ГУРТУЕВ (род. 1939)

«Зимний вечер расчѣсывал гриву...». Перевод И. Ляпина	330
«Кому – ущелье, а кому – долина...». Перевод И. Ляпина	330
Николаю Тихонову. Перевод Д. Долинского	330
Балкарская мать. Перевод Э. Барсукова	332
Самому себе. Перевод Ю. Ряшенцева	333
8 марта 1944 года. Перевод А. Кайданова	333
Слюна. Перевод Л. Шерешевского	334
«Шумит Черек – я знаю эту реку!...». Перевод Д. Долинского	334
У памятника Пушкина. Перевод Ю. Ряшенцева	335
Ива и ясень. Перевод В. Куприянова	336
Склон под солнцем. Перевод В. Куприянова	336
На вершинах – туманы, снега... Перевод В. Куприянова	337

Магомед МОКАЕВ (1939–2006)

Лезгинка. Перевод С. Сорина	339
-----------------------------------	-----

Из книги «Сонеты моей Родины»

(Переводы Л. Шерешевского)

«Сиротский дождик – капля шесть или пять...»	340
«На Лашкуту с вершины Ургуюк...»	340
«Знобил мороз, зной обжигал, как пламень...»	341
«О, бабушка, что колыбель мою...»	341
«Несѣтся жеребенок в резвом беге...»	342
«Есть горец ли такой, кто б на посуд великий...»	343
«Гуляет ветер над верховьями Башиля...»	343
«О, Актопрак, твоя земля – как пыль мучная...»	344
«Хуламцы в старом времени далѣком...»	344
«Камней замшелых ряд, руины старых стен...»	345
«Мир и покой кругом – ну, всем на удивлень!»	345

Ахмат СОЗАЕВ (род. 1941)

В отчем доме. Перевод А. Королева	347
Снежная симфония. Перевод Л. Шерешевского	348

«Ты ушла в слезах ... Ушла ... ». Перевод А. Шерешевского 348
«Дни мои похожи друг на друга ... ». Перевод А. Королева 348

Абдуллах БЕГИЕВ (род. 1950)

«Люблю свою землю» – но, может, здесь пафос нелеп?...».
Перевод Г. Яропольского 350
Слово. Перевод Г. Яропольского 350
«Дары, что ты с собою принесла ... ». Перевод Г. Яропольского 351

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ (род. 1949)

Каменоломня. Перевод Н. Новикова 352
Старик. Перевод Н. Новиков 353
«Вновь ... ». Перевод Г. Яропольского 353
Эрирей. Перевод Н. Новикова 354
«Палкой-поводырем ... ». Перевод Х. Батырбекова 356

Аскер ДОДУЕВ (род. 1953)

Ветер. Перевод А. Пряжникова 357

Сакина МУСУКАЕВА

Надежда. Перевод С. Моттаевой 358

Литературно-художественное издание

ГОРНЫХ РЕК НЕСКОНЧАЕМЫЙ ГУЛ

Сборник стихов

Составитель

Михаил Синельников

Ответственный редактор Л.А.-А. Батчаева
Оператор компьютерной верстки А. Богданов
Корректор Е.Ю. Бондаренко

Фотографии на форзацах Т. Джуккаева

ISBN 978-5-91075-018-4

Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Печ. л. 23,5. Тираж 2000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства Фонда содействия развитию карачаево-балкарской молодежи
«Эльбрусид»

